12+

2/2018

Союз писателей

Литературно-художественный журнал

Герой номера
Виктория Левина

«Всё то, что пробуждает в душе „тонкое", божественное переживание, – и есть любовь, будь то музыка, живопись, природа, поэзия. <…> Поэтому я соединяю воедино все эти прекрасные материи».

с.11

Любить вечно вместе с героями фантастического романа Анны Плехановой с.16

Успех в творчестве. Можно ли его измерить и как его добиться с.20

Редколлегия:

Главный редактор: **Д. А. Суховейко**

Ответственный секретарь: **С. А. Чалый**

Литературный консультант:
член Союза писателей России
И. И. Суховейко (Малкова)

Вёрстка: **С. А. Чалый**
Корректор: **Г. В. Донина**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-44356
от 21 марта 2011 г.
Учредитель и издатель:
Индивидуальный предприниматель
Суховейко Денис Александрович

Адрес редакции:
654063, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30, корп. 4.
Адрес издателя:
653033, Кемеровская область,
г. Прокопьевск, ул. Яворского, 24-44
Для писем:
654079, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, а/я 170.
Тел: 8-800-301-2620
E-mail: redaktor@soyuz-pisatelei.ru

soyuz-pisatelei.ru
vk.com/journal_sp
knigi-market.ru

Все произведения и материалы, опубликованные в журнале, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах. Воспроизведение публикаций журнала в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступая в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Отпечатано в типографии издательства «Союз писателей»,
Россия, Кемеровская обл.,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30/4.
Подписано в печать 29.01.2018
Журнал вышел в свет 05.02.2018
Формат 60x841/8. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Times New Roman».
122 стр. Тираж 3000 экз.
Цена договорная.

Литературно-художественный журнал

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 2/2018

Издаётся с 2011 года

Содержание номера:

В ожидании весны, в предчувствии любви… 3

Литературный календарь

Литературный календарь..... 4
Литературные события 8
Литературные конкурсы 9

Герой номера

Виктория Левина: Красота, застывшая в слове, и «литературный экстрим» 11

Книжный обзор

Любить вечно вместе с героями фантастического романа Анны Плехановой 16
Что на самом деле нужно современным женщинам? 17

Гоголевский вестник

Герои спорта: Презентация книги Виктора Малышева «Поединщик»..... 18

Психология творчества

Успех в творчестве. Можно ли его измерить и как его добиться 20

От редакции

Опровержение 22

Тема номера

Элла Залужная
Женщина 23
Анна Кобелева 24
Наталия Колотилина 25
Светлана Кунакулова 27

Виктория Левина 28
Валерий Лепов 29
Марина Старчевская 31
Галина Щекина 32
Рената Юрьева 33

Поэзия

Ольга Авеядух 35
Сергей Анохин 37
Александр Арзуманов 39
Мари Гардэ 41
Марина Демчук 42
Ирина Ежова 44
Сергей Еромирцев 47
Игорь Колесников 49
Андрей Коровёнков 50
Владимир Литвишко 51
Виктория Никитина 53
Александр Онищенко 54
Елена Оскина 55
Сергей Протянов 56
Юлия Санникова 57
Лилия Слатвицкая 59
Ольга Флярковская 60
Людмила Чеботарёва (Люче) 62
Наталья Чугришина 63
Андрей Шутов 64
Иван Щитов 65

Проза и публицистика

Лариса Агафонова
Волонтёрство по любви 66
Эйшель Антонов
Икра пинагора. Часть 7 69
Владимир Волкович
Маленькая целительница 77
Ирина Ежова
Отец и голуби 84
Настоящий друг 85
Дичь 85
Всегда юная любовь 87
Александр Коломийцев
Милетянин в Афинах 88
Елизавета Лещенко
Встречи в пустоте. Главы 6–8 93
Татьяна Мажорина
Любовь, и боль, и прозорливость... 97
Владимир Соколов
Об «Эгоисте» Мередита 104
Сергей Тулупов
Когда святой Валентин недоступен 106
Татьяна Эдел
Как я снималась в американском кино 110

Цветные зонтики

Анатолий Градницын
Сказка про горилл 113
Наталия Колотилина
Стихотворения 115
Наталья Чугришина
Стихотворения 116

Детский клуб «Озарёнок»

Всероссийский поэтический конкурс «Новогодний СТИХПАРАД». Лучшие работы 117
Интервью с Людмилой Афанасьевой 120

Участник **VIP-клуба** получает именную электронную карту с промо-кодом, которая даёт такие привилегии:

- **Подписка на 6 выпусков литературного журнала «Союз писателей» с возможностью бесплатной публикации** (до 4 страниц для прозы или 1 страница для поэзии). Стоимость почтовых расходов не взымается. Авторам, проживающим за границей, отправка журналов производится разово – все 6 выпусков. Автор самостоятельно высылает на электронный адрес редакции подборку для публикации.
- **Возможность получения развёрнутой рецензии на творчество** для публикации в журнале или книге от члена Союза писателей России (не чаще чем раз в год).
- **Скидка 10 % на приобретение книг в интернет-магазине «Планета книг»** (кроме букинистики и книг, сданных на реализацию). При оформлении заказа необходимо указывать код карты.

Полный список бонусов и все подробности доступны по ссылке:
soyuz-pisatelei.ru/index/0-142

В ожидании весны, в предчувствии любви...

После бесконечных декабрьских оттепелей мороз сковал города и сёла, снег пушистым покрывалом окутал мир. Но там, под льдами и сугробами, уже проклёвываются первые ростки весны. Уже витает её ощущение в воздухе. И хотя столбики термометров опускаются всё ниже и ниже, настроение неуклонно повышается. Ведь скоро, совсем скоро мы услышим перезвон капели, увидим, как распускаются на деревьях почки, будем наблюдать, как чёрно-белая картинка за окном становится цветной. Февральский «СП» наполнен предчувствием весны и теплотой, которой щедро делятся современные авторы.

Героем номера стала писательница Виктория Левина, автор книг «Не такая», «Семь нот... семь клавиш... о любви...», «В моей Болгарии», «Из дальних странствий возвратясь». Её творчество проникнуто любовью, страстью к путешествиям и восхищением искусством. О том, как создавались прекрасные произведения, звучащие словно музыка, узнал наш корреспондент.

Для книголюбов мы приготовили обзор двух актуальных в контексте темы номера новинок, только появившихся на полках магазинов. Читателей ждёт погружение в океан бессмертной любви на страницах романтического фэнтези Анны Плехановой «Переплетения смерти», а также реалистичные истории о глубоких чувствах и сиюминутных страстях в книге Татьяны Эдел.

В рубрике «Психология творчества» писательница и психолог Лариса Агафонова решила поговорить об успехе. Её статья «Успех в творчестве. Можно ли его измерить и как его добиться» рассчитана на тех, кто мечтает оказаться на вершине, но пока не уверен в своих силах. Весьма кстати в разделе «Гоголевский вестник» расположился отчёт о презентации книги Виктора Малышева «Поединщик» о человеке, сумевшем подняться на спортивный Олимп.

Тема последнего зимнего номера – «Любовь витает в воздухе». Талантливые авторы представили свои произведения о вечных чувствах, томительных переживаниях, страстях и эмоциях. В главной рубрике читателей ждёт знакомство с романтичным рассказом Эллы Залужной и лирикой Анны Кобелевой, Наталии Колотилиной, Светланы Кунакуловой, Виктории Левиной, Валерия Лепова, Марины Старчевской, Галины Щекиной и Ренаты Юрьевой.

Ещё больше стихотворений вошло в раздел «Поэзия». К тому же состав поэтов выпуска пополнился победителями и финалистами завершившегося в декабре XIII международного конкурса «Союзники». Среди них: Ольга Авеядух, Мари Гардэ, Марина Демчук, Сергей Еромирцев, Игорь Колесников, Владимир Литвишко, Елена Оскина, Лилия Слатвицкая, Ольга Флярковская, Людмила Чеботарёва и Иван Щитов со своими глубокими произведениями. Прозаики также не остались в стороне. Раздел «Проза и публицистика» представлен историями от Ларисы Агафоновой, Эйшеля Антонова, Владимира Волковича, Ирины Ежовой, Александра Коломийцева, Елизаветы Лещенко, Сергея Тулупова и Татьяны Эдел, а также статьями Татьяны Мажориной и Владимира Соколова. И, конечно, в «Цветных зонтиках» маленьких читателей порадуют стихи Анатолия Градницына, Наталии Колотилиной и Натальи Чугришиной.

Завершают номер новости из клуба «Озарёнок». Читателей ждут произведения юных писателей, а также интервью с их наставницей, опытным педагогом и творческим человеком Людмилой Афанасьевой.

Не отказывайте себе в удовольствии пустить в дом весну чуть раньше, чем её дыхание растопит снега́ и разморозит льды за окном! Открывайте дивный мир февральского номера «Союза писателей»!

Литературный календарь

10 февраля – 120 лет назад родился немецкий драматург и поэт **Бертольд Брехт** (1898–1956). Автор пьес «Барабаны в ночи», «Страх и отчаяние в Третьей империи», «Мамаша Кураж и её дети», «Добрый человек из Сычуани» и многих других. Влияние Брехта исследователи обнаруживают в творчестве таких драматургов, как Фридрих Дюрренматт и Артюр Адамов, Макс Фриш и Хайнер Мюллер.

85 лет назад в Казани родился советский и российский драматург, прозаик и сценарист **Михаил Михайлович Рощин** (1933–2010). Автор пьес «Седьмой подвиг Геракла», «Дружина», «Валентин и Валентина», «Эшелон», «Галоши счастья», «Анна Каренина», «Мастер и Маргарита» и других. Выпустил множество сборников прозы, среди которых «В маленьком городе», «С утра до ночи», «24 дня в раю», «Река».

80 лет назад в Москве родился русский писатель **Георгий Александрович Вайнер** (1938–2009). Вместе со своим братом, Аркадием Вайнером, Георгий Вайнер занимает видное место среди писателей детективного жанра. Среди наиболее известных произведений – повести «Ощупь в полдень», «Часы для мистера Келли», «Город принял!..», «Карский рейд», «Бес в ребро», романы «Визит к Минотавру», «Евангелие от палача», «Гонки по вертикали» и, конечно же, «Эра милосердия», по мотивам которого был снят многосерийный фильм «Место встречи изменить нельзя».

80 лет назад родился русский писатель, журналист, сценарист **Вячеслав Максимович Шугаев** (1938–1997). Печатался в журналах «За тяжёлое машиностроение», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «Юность» и в альманахах «Ангара» и «Сибирь». Выпустил несколько книг в соавторстве, среди них «Мы придём в город утром», написанную с Юрием Скопом, и «Принцы уходят из сказок», созданную вместе с Александром Вампиловым и Юрием Скопом. Первая книга «Прокатчик Иван Никонов» была опубликована в 1959 году.

12 февраля – 90 лет назад родился английский писатель **Джордж Мередит** (1828–1901). Является одним из самых значимых литераторов викторианской эпохи. Написал множество романов. Самым известным из них стал «Эгоист». Артур Конан Дойл отдал Мередиту дань уважения в рассказе «Тайна Боскомской долины», упомянув писателя в диалоге между Шерлоком Холмсом и доктором Ватсоном.

13 февраля – 115 лет назад в Льеже родился писатель **Жорж Сименон** (1903–1989). Его по праву можно назвать одним из самых популярных в мире авторов, работавших в детективном жанре. За свою жизнь он издал 425 книг. Многие его произведения относятся к так называемым бульварным романам. Помимо настоящего имени Сименон использовал псевдонимы. Всего их было шестнадцать, нередко автор публиковался также под своим именем.

Жорж вырос в семье страхового служащего. Его дед был шляпником, а прадед – шахтёром. Родители мальчика были людьми религиозными. Они каждое воскресенье водили сына к мессе. Мать даже мечтала, чтобы однажды он стал кюре, ну, может быть, кондитером. Когда Сименон вырос, в церкви он стал появляться редко и службы практически не посещал. Да и мечты родителей касаемо его будущего не осуществились.

Так как в семье будущего писателя никогда не было много денег, Сименонам приходилось сдавать комнаты за плату студентам. Среди них были люди разных национальностей, в том числе много русских. Они познакомили юношу с литературой и привили ему любовь к чтению. Среди других интересов молодого Жоржа были медицина и право. Все три хобби нашли отражение в его книгах.

Получив базовое образование, Жорж задумался о том, чем хочет заниматься. На его выбор оказали серьёзное влияние детективы Гастона Леру. Прочитав их, он решил, что хочет стать журналистом, пусть даже за всю жизнь не прочёл ни одной газеты. Подражая своему кумиру, сыщику из обожаемых книг, Жорж пристрастился к курению трубки, с которой не расставался уже до конца жизни. Эта же привычка стала характерной чертой его собственного героя – комиссара Мегрэ.

Став студентом журфака, Сименон устроился подрабатывать в «Газетт де Льеж». Ему дали вести полицейскую хронику. По долгу службы и по призванию сердца он окунулся в жизнь слуг правопорядка, часто посещал Центральный комиссариат и постоянно общался с полицейскими. Теперь его знания детективных историй базировались не только на литературе. К сожалению, закончить образование Жоржу не удалось. Помешала серьёзная болезнь отца. Юноше пришлось оставить университет и отправиться в армию. Отбыв обязательную воинскую повинность, он вернулся на гражданку. Его отец к тому моменту умер. Молодой человек принял решение покинуть родину и поискать удачу в Париже, где он начал подрабатывать в различных журналах и газетах, специализируясь на судебной хронике.

В то время были очень популярны развлекательные романы. Сименон зачитывался ими. И вот настал день, когда он понял, что может писать не хуже, а возможно, и лучше известных авторов своей эпохи. Так родилась на свет первая книга писателя «Роман машинистки». Она была опубликована в 1924 году. Однако имя автора прославили именно детективы, а точнее, истории из практики легендарного комиссара Мегрэ, который по своей популярности может сравниться с самим Шерлоком Холмсом. Первая книга из этой серии – «Питер Латыш», – опубликованная в 1929 году, не снискала большой популярности, но другие произведения о комиссаре, способном распутать самое загадочное преступление, были не только многократно переизданы на множестве языков, часть из них удостоилась экранизации.

15 февраля – 90 лет назад родился эстонский детский писатель **Эно Рауд** (1928–1996). На русский язык переведён сборник сказок автора «Муфта, Полботинка и Моховая Борода». Большую популярность обрела сказка «Сипсик». Для старшеклассников Рауд написал книгу о немецкой оккупации «Огонь в затемнённом сборнике». Участвовал в создании мультфильмов и является автором сценариев к картинам «Маленький мотороллер», «Яак и робот», «Хитрый Антс и нечистый», «Такие дела», «Клоун и Кропс», «Пылесос», «Зелёное желание».

16 февраля – 180 лет назад родился американский писатель и историк **Генри Брукс Адамс** (1838–1918). Наиболее известна его автобиографическая книга «Воспитание Генри Адамса».

180 лет назад родился русский литературовед **Александр Николаевич Веселовский** (1838–1906). Его работы печатались в воронежских «Филологических записках», «Журнале Министерства народного просвещения», в «Западной Академии» и в «Archiv für Slavische Philologie».

17 февраля – 165 лет назад родился чешский поэт, драматург, профессор литературы и переводчик **Ярослав Врхлицкий** (1853–1912). Именно он внёс в чешскую литературу космополитические мотивы.

18 февраля – 45 лет исполняется российскому писателю, публицисту и политику **Герману Умаралиевичу Садулаеву** (1973). Два романа автора – «Таблетка» и «Шалинский рейд» – вошли в шорт-лист литературной премии «Русский Букер».

21 февраля – 75 лет исполняется российской писательнице **Людмиле Евгеньевне Улицкой** (1943). Среди работ писательницы: рассказы «Детство-49», «Второе лицо», повести «Сквозная линия», «Весёлые похороны», романы «Казус Кукоцкого», «Даниель Штайн, переводчик», «Искренне ваш Шурик».

Известность пришла к Людмиле Улицкой после того, как по её сценарию были сняты фильмы «Сестрички Либерти» (1990) и «Женщина для всех» (1992). До этого публиковала свои рассказы в журналах. Первая женщина-лауреат премии «Русский Букер» (2001).

22 февраля – 125 лет назад родился русский поэт и писатель-фантаст **Абрам Рувимович Палей** (1893–1995). Автор поэтического сборника «Бубен дня» и документального произведения «Встречи на длинном пути». Среди художественной прозы писателя альманах приключений «Война золотом», фантастический роман «Планета Ким», сборник научно-фантастических повестей «Остров Таусена», книга «В простор планетный».

90 лет назад родился детский писатель **Владимир Лукьянович Разумневич** (1928–1996). Из-под его пера вышли произведения «Любовь и экзамены», «Стасик», «Первое знакомство», «Вася на тачанке», «Письма без марок» и другие.

75 лет исполняется писателю, поэту, публицисту, политическому деятелю **Эдуарду Вениаминовичу Лимонову** (1943). Среди произведений автора: «Это я – Эдичка», «Палач», «Чужой в незнакомом городе», «Укрощение тигра в Париже», «Книга воды», «Моя политическая биография», «Титаны», «Киев капут. Яростная книга».

65 лет исполняется российскому и советскому писателю **Михаилу Григорьевичу Казовскому** (1953). Работал редактором журнала «Крокодил». Написал книги сатиры и юмора «Чудо на переносице», «Маска, я тебя знаю!», «Персона нон грата», «Как сейчас помню!», «Созвездие овна» и другие. Автор исторических романов и повестей «Золотое на чёрном», «Месть по Феофану», «Екатерина: мудрость и любовь», «Любовница Дюма», «Арестанты любви».

23 февраля – 260 лет назад родился русский поэт **Василий Васильевич Капнист** (1758–1823). Впервые обратил на себя внимание напечатанной в июньской книге «Санкт-Петербургского вестника» (1780) «Сатирой первой», перепечатанной впоследствии в «Собрании Любителей российской словесности» под заглавием «Сатира первая и последняя». Позже публиковался во многих журналах и альманахах – «Новых ежемесячных сочинениях», «Московском журнале», «Аонидах» Карамзина. Широко известна «Ода на рабство» Капниста.

210 лет назад родился русский публицист и переводчик **Петр Васильевич Киреевский** (1808–1856). Печатался в ЧОИДР, «Московском сборнике», «Русской беседе» и других журналах. Однако осталось немало произведений, так и не увидевших свет при его жизни. Многие из них вышли позже благодаря Обществу любителей российской словесности. Тогда творения автора вошли в «Калики перехожие» (1861–1864, 6 выпусков), изданные П. А. Бессоновым. Ряд других произведений попал в собрание сочинений в трёх частях.

115 лет назад родился чешский писатель и журналист **Юлиус Фучик** (1903–1943). Фучик был убеждённым антифашистом. «Репортаж с петлёй на шее» – самая известная книга автора, написанная им во время пребывания в пражской тюрьме Панкрац, была переведена на 74 языка мира. За эту книгу Юлиус Фучик в 1950 году был посмертно удостоен Международной премии Мира. Другие известные книги автора: «Слово перед казнью», «Мы – зёрна в земле», «О Средней Азии».

100 лет назад родился русский поэт и прозаик **Василий Дмитриевич Фёдоров** (1918–1984). Среди работ автора «Лирическая трилогия», «Седьмое небо», «Крылья на полдень», «Как цветы на заре», «Женитьба Дон Жуана» (ироничная поэма в семи действиях) и другие. Из прозы его перу принадлежат повести «Зрелость», «Добровольцы», «Сны поэта», «Светлый залив», «Наше время такое...».

24 февраля – 105 лет назад родился русский писатель **Эммануил Генрихович Казакевич** (1913–1962). Прозу писал преимущественно на русском языке, а поэзию – на идише. Публиковать стихи начал в 1932 году. Переводил на идиш произведения Пушкина, Лермонтова, Маяковского. Является автором пьесы «Молоко и мёд». Казакевич был бригадиром, инженером, начальником участка и, наконец, начальником строительства городского Дворца культуры, затем председателем еврейского колхоза «Валдгейм» (1932), организатором еврейского молодёжного театра (ТРАМ), директором Биробиджанского государственного еврейского театра (БирГОСЕТ, 1933–1934), а также председателем областного радиовещания на идише, в 1935–1938 годах – штатный сотрудник и заведующий литературной частью редакции газеты «Биробиджанэр штэрн», а также заведующий литературной частью Биробиджанского ГОСЕТа. Эммануил Генрихович работал внештатным переводчиком в государственном издательстве «Дер Эмэс» (Правда). Среди русскоязычных творений автора повесть «Синяя тетрадь», роман «Дом на площади», множество рассказов, в том числе «При свете дня», «Приезд отца в гости к сыну», «Враги» и другие.

25 февраля – 65 лет исполняется советской и российской поэтессе **Марине Владимировне Кудимовой** (1953).

26 февраля – 80 лет исполняется русскому писателю, сценаристу, публицисту, журналисту и общественному деятелю **Александру Андреевичу Проханову** (1938). Член секретариата Союза писателей России, главный редактор газеты «Завтра», лауреат премии Ленинского комсомола (1982). Является автором множества книг, среди которых «Неопалимый цвет», «Отблески Мангазеи», «Вечный город», «Дерево в центре Кабула», «Горящие сады», «Ядерный щит», «Ангел пролетел», «Виртуоз», «Холм», «Человек звезды», «За оградой Рублёвки».

27 февраля – 105 лет назад родился американский писатель, сценарист **Ирвин Шоу** (1913–1984). Автор книг «Люси Краун», «Богач, бедняк», «Вечер в Византии», «Вершина холма», «Допустимые потери» и других. Первый роман Ирвина Шоу, основанный на реальном опыте, полученном писателем во время участия во Второй мировой войне, – «Молодые львы» – принёс автору известность и был экранизирован (1958).

28 февраля – 480 лет назад родился французский философ и писатель эпохи Возрождения **Мишель де Монтень** (1533–1592). Самый большой и известный труд автора – «Опыты». Книга, написанная в литературно-философском жанре, представляет собой размышления об исторических фактах, о современных писателю событиях, о быте и нравах людей, о культуре в обществе. Она отличается большой прихотливостью построения. Нет чёткой темы и сюжетной линии. Повествование подчиняется порывам и внезапным изгибам мысли. Короткие главы перемежаются очень длинными.

1 марта – 155 лет назад родился русский поэт, прозаик, драматург, публицист **Фёдор Сологуб** (Фёдор Кузьмич Тетерников) (1863–1927). Автор романов «Тяжёлые сны», «Мелкий бес», «Слаще яда», «Заклинатели змей», «Творимая легенда», рассказов «Тени», «Жало смерти», «Книга разлук», «Книга очарований» и других, сборников стихотворений «Родине», «Поль Верлен», «Змей», пьес «Ночные пляски», «Камень, брошенный в воду», «Узор из роз».

5 марта – 310 лет назад родился русский просветитель, переводчик, филолог и поэт **Василий Кириллович Тредиаковский** (1703–1768). Одним из лучших творений поэта считаются «Стихи похвальные

России», которые были положены на музыку. Является одним из основоположников современного силлабо-тонического стихосложения в России.

115 лет назад родилась украинская детская писательница **Наталья Львовна Забила** (1903–1985). Перу автора принадлежат книги «Ясочкина книжка», «Катруся уже большая», «Поездка в волшебный лес» и другие. Перевела на украинский язык «Слово о полку Игореве».

7 марта – 90 лет назад родился русский писатель, лауреат Государственной премии СССР **Владимир Алексеевич Чивилихин** (1928–1984). В 1957 году издал первую документальную повесть «Живая сила». Наиболее популярны публицистические очерки автора «Месяц в Кедрограде», «О чём шумят русские леса?», «Земля в беде», «Светлое око Сибири» (о Байкале), «Шведские остановки». Свои творения нередко посвящал современникам, например повести «Про Клаву Иванову» (1964), «Ёлки-моталки» (1965), «Над уровнем моря» (1967), «Пёстрый камень» (1969). Последней работой писателя, для создания которой были в большом объёме использованы научные разработки московского историка Олега Михайловича Рапова (1939–2002), стал роман-эссе о русской истории «Память» (1978–1984), вышедший в 2-х книгах.

8 марта – 95 лет назад в Гамбурге родился немецкий писатель, публицист, филолог, литературный критик **Вальтер Йенс** (1923–2013). Самым известным творением автора является документально-биографический роман «Фрау Томас Манн».

90 лет назад родился русский писатель, актёр, режиссёр и сценарист **Эфраим Севела** (1928–2010). Настоящее имя – Ефим Евелевич Драбкин. Писательскую карьеру начал с написания книги рассказов «Легенды Инвалидной улицы», высоко оценённой критиками.

Литературные события

10 февраля – День памяти А. С. Пушкина. Поэт скончался 10 февраля 1837 года (29 января по старому стилю) от ранения, полученного во время дуэли с Дантесом двумя днями ранее.

21 февраля – Международный день родного языка. Провозглашён Генеральной конференцией ЮНЕСКО 17 ноября 1999 года. Отмечать его стали каждый год, начиная с февраля 2000 года. Главная цель, которую ставили перед собой основатели праздника, – содействие языковому и культурному разнообразию.

3 марта – Всемирный день писателя. Праздник основан в 1986 году ПЕН-клубом, который призывал «четвёртую власть» выступать против негативных аспектов демократической печати, воздерживаться от лживых публикаций, преднамеренной фальсификации, умышленного искажения фактов или тенденциозно бесчестной их интерпретации ради политических, групповых и личных интересов.

Ровно 100 лет назад в газете «Знамя труда» была напечатана поэма Александра Блока «Двенадцать».

Также в этот день 95 лет назад вышел первый номер американского журнала «Time», основанного Бритоном Хэденом и Генри Люсом. Издание существует по сей день и является одним из самых популярных журналов в США.

4 марта – 25 лет назад в продажу поступил первый номер литературно-художественного журнала «Новая Юность».

Литературные конкурсы

Конкурс перевода «Пастернак и Западный мир»

Актуально до **20 февраля**

К участию приглашаются студенты высших учебных заведений. Участникам необходимо ознакомиться с эссе Томаса Мертона Spiritual Implications (1960); самостоятельно выбрать для перевода фрагмент данного эссе (рекомендуемый объём 2–4 страницы); выполнить перевод; обосновать выбор данного фрагмента. Допускаются только переводы, не публиковавшиеся ранее.

Победители будут награждены дипломами Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля. Остальные участники получат памятные сертификаты.

Подробнее: *litinstitut.ru/content/pasternak-i-zapadnyy-mir-konkurs-perevoda*

Международный литературный конкурс «Книга рецептов счастья»

Актуально до **25 февраля**

На конкурс принимаются индивидуальные творческие литературные работы на русском языке в виде эссе или стихотворения на тему: «Книга рецептов счастья». К участию приглашаются все желающие. Участники распределяются по трём возрастным группам: 8–12 лет; 13–17 лет; 18 и старше.

Объём конкурсной работы фиксированный – 2500 знаков с пробелами.

Победители конкурса награждаются дипломами первой, второй и третьей степени, ценными призами и сборником с лучшими конкурсными работами «Книга рецептов счастья» (в издание войдут 100 работ).

Сертификаты участников в печатном виде получают авторы лучших работ, выбранных на конкурс. Всем остальным участникам конкурса изготавливаются сертификаты участника в электронном виде.

Подробнее: *vk.com/projecthappyplate*

Международный молодёжный поэтический конкурс им. К. Р. (Великого князя Константина Романова)

Актуально до **27 февраля**

Поэтический конкурс проводится в целях популяризации русского изобразительного искусства, литературы, истории, а также в целях выявления и поощрения молодых талантливых поэтов, содействия их творческому росту и известности. К участию в конкурсе допускаются молодые поэты России, стран СНГ и Европы в возрасте от 14 до 27 лет, пишущие на русском языке.

Номинации:

1. «Лунная ночь». Принимаются произведения по любимой картине К. Р. «Лунная ночь на Днепре» и стихи о картинах других авторов русской живописи на ту же тему: И. Айвазовского, С. Щедрина, Н. Крамского, И. Левитана и других.

2. «Серебряный век». Так как К. Р. творил в период Серебряного века, поэзия Великого князя не могла обойтись без его влияния.

3. «Пиковая дама. Век двадцать первый…». Авторам предстоит пройти по стопам Пушкина и Чайковского, рассмотреть с точки зрения XXI века темы рока, искушения, страсти, тайны и мести.

4. «Он в Павловске нашёл источник вдохновенья…». Стихи должны быть посвящены Павловску, любимому месту К. Р., навеяны его историей, архитектурой, природой.

5. Тестовая номинация для литературных переводчиков. Для перевода предоставляется стихотворение Гарсиа Лорки на испанском языке с подстрочником.

Участник, набравший наибольшее количество баллов по всем поэтическим номинациям, удостаивается Гран-при. Призёрам конкурса, занявшим первые, вторые и третьи места в каждой номинации, вручаются подарки и дипломы.

Победители всех поэтических номинаций и финалисты конкурса получат дипломы и смогут увидеть свои стихи, опубликованными в сборнике, выпущенном по результатам конкурса. Стихи обладателя Гран-при размещаются в книге по всем номинациям.

Подробнее: ***kaeromania.ru***

Конкурс рецензий «Пишу о театре»

Актуально до **1 марта**

Цель конкурса – привлечение внимания школьников к жанру театральной рецензии. К участию приглашаются учащиеся 9–11 классов, студенты средних специальных учебных заведений любого года обучения. От каждого участника принимается не более трёх работ. Объём рецензии – не менее 5 000 знаков.

Конкурс состоит из двух частей. Первая – конкурсный отбор. Вторая – серия семинаров и мастер-классов для победителей. Рецензии победителей будут опубликованы на сайте Российского государственного института сценических искусств. Участники Конкурса получат право бесплатного просмотра одного из спектаклей Учебного театра «На Моховой».

Подробнее: ***www.rgisi.ru/konkursyi-festivali/2016/12/28/pishu-o-teatre***

Конкурс студенческих работ «Сытинское дело»

Актуально до **10 марта**

К участию в конкурсе приглашаются студенты вузов, обучающиеся по программам бакалавриата или специалитета в области журналистики, полиграфии, истории, медиа и коммуникаций, дизайна, сценарного, операторского и режиссёрского дела.

Тема конкурса: «“АЗ, БУКИ, ВЕДИ…” Просветительская деятельность российского книгопечатника и издателя И. Д. Сытина»

Участникам предлагается:

- подготовить реферат (статью, журналистский очерк, мультимедийный проект) на заданную тему;
- написать сценарий и/или представить короткометражный фильм, видеорепортаж или вдохновляющий ролик об И. Д. Сытине, его просветительской деятельности, в том числе о Сытинском букваре;
- выполнить графическое задание и представить эскиз обложки букваря.

Объём конкурсной работы – от 7 до 15 страниц формата А4 при полуторном интервале 12 кеглем. Для графического задания предоставляется макет обложки и описание идеи (1 страница формата А4).

Авторам девяти лучших работ, отобранных жюри, а также номинантам по представлению партнёров вручаются грамоты. Работы победителей будут опубликованы в альманахе конкурса. Четыре победителя получают сертификат на бесплатную подготовку к печати и печать любого их произведения.

Подробнее: ***contest.primepress.ru***

Виктория Левина:

Красота, застывшая в слове, и «литературный экстрим»

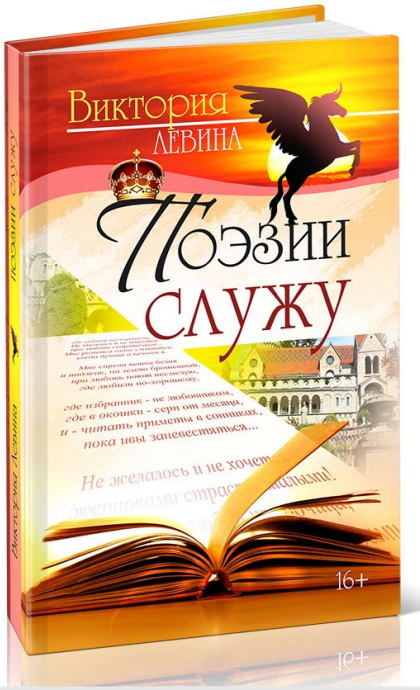
Литература подобна музыке. Каждое слово в руках талантливого писателя превращается в ноту. Складываясь в предложения, слова-ноты образуют мелодию, сотканную из эмоций и переживаний. Как будет звучать эта композиция, зависит от автора. Одарённые поэты и прозаики способны создать настоящую феерию, интересную не только им самим, но захватывающую каждого, кто окажется вовлечён в сей сияющий хоровод чувств. Виктории Левиной, автору повести «Не такая», изданной в рамках программы «Новые имена современной литературы», а также книг «Поэзии служу», «В моей Болгарии», «Семь нот… семь клавиш… о любви…», «Из дальних странствий возвратясь» по силам написать не просто литературное произведение, а настоящую музыку из слов. Читатели, знакомые с творчеством писательницы, будь то стихи или проза, уже проникли в бескрайнюю вселенную её души, где нашёл отражение наш реальный мир. На страницах своих книг Виктория Левина говорит о любви, дружбе, становлении личности, величайших произведениях искусства, заморских городах и интересных путешествиях не только по знаменитым достопримечательностям, но и по царству искусства. Мы поговорили с Викторией и выяснили, откуда она черпает вдохновение.

– Здравствуйте, Виктория! Ваши книги – это путёвка в мир красок, чувств и новых впечатлений. Что нужно, чтобы создавать такие красивые произведения? Достаточно ли уметь видеть красоту вокруг и хотеть говорить о своих переживаниях? Или литература – это не только неразбавленные эмоции, облечённые автором в слова, но и некая наука, которую нужно изучать, как, например, математику?

– Здравствуйте, Екатерина! Постараюсь ответить максимально правдиво на ваши вопросы. Для меня большая честь стать героем номера с такой «знаковой» направленностью, как любовь!

Литература – это как в архитектуре: застывшая не в камне, но в слове красота. А наши эмоции – это отголосок этой красоты. Ловлю эти эмоции, хочу их запечатлеть в рифме, ритме, образе. Иногда приходится ждать некоего «божественного укола», чтобы вылилась первая строка, иногда не успеваешь записывать, так быстро льются строфы… И всё для того, чтобы выразить свой восторг этой жизнью! Не думаю, что можно этому научить, хотя, как и в музыке, порой не мешало бы «алгеброй гармонию проверить».

– Важно ли писателю читать книги других авторов или всё, что нужно, чтобы творить и созидать, априори есть в его собственной душе? Каким образом на Вас повлияли произведения классиков или, возможно, работы Ваших коллег? Какие произведения назвали бы знаковыми для себя?



Купить книгу
knigi-market.ru/poezii-sluzhu-viktoriya-levina

– Без основательного знания мировой литературы жизни писателя не представляю. И пусть твой почерк отличается некоей самобытностью, как можно причислять себя к когорте писателей, не зная, чем именно они привлекли внимание читателя, что наиболее покорило сердца́? Есть писатели, произведения которых провернули какой-то ключик в моём сознании… Сначала это был Валентин Катаев с его ассоциативным «Кубиком», потом прозрачная проза Ясунари Кавабата, затем Бродский, читая которого я реально плачу, и смеюсь, и схожу с ума!

– Где источник Вашего вдохновения? Когда Вы почувствовали его впервые? Как это было?

– Я думала о том, что побуждает меня непрерывно сочинительствовать, и это, заметьте, с раннего детства бродит во мне и заставляет писать и ночью, и днём, и даже в транспорте… Вывод такой: желание выплеснуть эмоцию на бумагу и таким образом облегчить себе жизнь, – иначе я задохнусь от переизбытка чувств! Написала стихи, прочитала их вслух, отодвинула листочек – и можно жить дальше!

– Какие темы, поднимаемые в литературе, Вам кажутся самыми интересными и почему? Поделитесь, о чём приятнее всего писать, а о чём читать? Совпадают ли Ваши вкусы как писателя и как читателя?

– Сначала мне, как любой женщине, нравилось читать любовную лирику. Эта фаза очень быстро прошла. Затем я серьёзно увлеклась философией и историей. На эти темы писать стихи намного сложнее и «экстремальнее». А литературный «экстрим», во всех его проявлениях, – и есть то, что я ищу в литературе и с удовольствием читаю. Всё новое, интересное, с высоким градусом интеллекта – вот мои приоритеты и как читателя, и как писателя.

– Любовь красной нитью проходит через все Ваше творчество. Смогли бы Вы дать определение этому чувству или, на Ваш взгляд, оно не поддаётся определению?

– Всё в конечном счёте поддаётся определению. Любовь – суть гармония с миром, близким человеком, небом, судьбой. Любовь – и первая, и конечная инстанция нашего «космоса». Если я чувствую восторг любви к моему чудесному супругу – пишу об этом; любовь к Родине, а их у меня целых две, – выливаю в стихи о родной земле, а любовь к музыке даже приглашения не требует – стихи льются сами, как музыка!

– Какое произведение о любви из Вашей творческой копилки кажется самым ярким, вызывает больше всего эмоций и ассоциаций у Вас лично и, на Ваш взгляд, у читателя?

– Я лично люблю вот это:

История моей любви

какими-то третьими странами
какими-то тайными тропами
деньгами гуманитарными
глобальными катастрофами

пути мои ширились зрели
потом пропадали к чёрту
потом приводили к двери
на этаже четвёртом

карабкалось счастье пламенное
в квартиру под звёздной крышей
сорок ступеней каменных
открыть ему двери вышла

стояли как два истукана
душный спускался вечер
напишут потом романы
об этой случайной встрече

Хотя призы и премии получала совсем за другие стихотворения. А читатели более всего любят вот это:

Новая персидская сказка

Аяталловским путчем знаменитым,
последним рейсом, взятым под конвой,
из Персии, под свист антисемитов,
бежал отец твой навсегда с семьёй.

С французским гимназическим акцентом,
высок и строен, дьявольски красив,
в Израиле мешки с сухим цементом
носил на стройке и раствор месил.

Семья жила, и обрезались дети
в еврейской синагоге из камней…
В один из дней январских на рассвете
одним ребёнком больше стало в ней.

Ты рос в согласье с голосом традиций –
евреем в доме, воином в бою –
чтобы персидской сказкою свалиться
однажды в жизнь бедовую мою!

Семья затрепетала, не желая
разноплеменья, смешанных кровей!
Семья кричала, что я всем чужая –
ворона белая с заснеженных полей…

Что не понять мне доли мессианской,
не исчерпать судьбы своей до дна,
что стороной далёкой христианской
душа моя навек уязвлена!

Что не жена кошерному еврею,
рождённая под русскою звездой!
Что с детства пред мужчиной не робею,
имею гордый взгляд и голос свой…

В семейных хрониках
персидской новой сказки
Тебе дан статус объявившего войну, –
за право жить, не следуя указке,
за право выбирать себе жену.

Мы победили в этой схватке пылкой,
когда любовь и жизнь – на волоске!
Прижмусь щекой к пульсирующей жилке
под смуглой кожей на родном виске…

– А какое произведение других авторов на эту вечную и прекрасную тему Вы могли бы назвать своим любимым и почему?

– «Как больно, милая, как странно, / Сроднясь в земле, сплетясь ветвями, – / Как больно, милая, как странно / Раздваиваться под пилой…» – помните стих Всеволода

Кочеткова? Несу его с собой рядом с сердцем всю жизнь, ещё с юности.

Стихи Юнны Мориц тоже, Иосифа Уткина. Это моё, взаправдашнее… Ну и, конечно, вот это у Бродского:

Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок
и кликуху гвоздём в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал чёрт знает с кем во фраке.
С высоты ледника я озирал полмира,
трижды тонул, дважды бывал распорот.
Бросил страну, что меня вскормила.
Из забывших меня можно составить город.
Я слонялся в степях, помнящих вопли гунна,
надевал на себя что сызнова входит в моду,
сеял рожь, покрывал чёрной толью гумна
и не пил только сухую воду.
Я впустил в свои сны
воронёный зрачок конвоя,
жрал хлеб изгнанья, не оставляя корок.
Позволял своим связкам
все звуки, помимо воя;
перешёл на шёпот. Теперь мне сорок.
Что сказать мне о жизни?
Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться
будет лишь благодарность.

– Те, кто читал книгу «Не такая», в которой Вы рассказываете о собственной жизни, знают, что искусство для Вас имеет особое значение. Музыка и литература играют огромную роль в Вашей жизни. В книге «Семь нот… семь клавиш… о любви…» Вы попытались соединить два своих хобби воедино и заодно поговорить с читателем о нежных чувствах. Как считаете, какой вид искусства в наибольшей степени способен выразить самые сокровенные переживания? Литература? Музыка? Или, может быть, живопись? Что заставляет Вас чувствовать острее: слова или ноты?

– Вопрос трудный и лёгкий одновременно. Всё то, что пробуждает в душе «тонкое», божественное переживание, – и есть любовь, будь то музыка, живопись, природа, поэзия. У меня есть чисто физиологический индикатор этого чувства – я всегда пла́чу, если ощущаю эту субстанцию. Слёзы льются градом, не остановить, если слышу прекрасную музыку. У моего мужа всегда есть про запас салфетки «для соплей», если мы идём на концерт, в театр, слушать стихи. Всё, что вызывает эти чистые переживания, все эти «порхающие бабочки в животе» – и есть та субстанция, которую для краткости назовём любовью. Поэтому я соединяю воедино все эти прекрасные материи. Музыка, живопись, скульптура, литература, любовь.

Купить книгу
knigi-market.ru/2265

– Немаловажное значение для Вас имеют путешествия. Есть ли у Вас любимое место, куда готовы возвращаться снова и снова? Что в нём особенного? Куда бы посоветовали отправиться Вашим читателям, которые только собираются начать путешествовать и познавать мир? И куда сами бы хотели обязательно съездить в будущем?

Купить книгу
planeta-knig.ru/shop/2361/desc/iz-dalnikh-stranstvij-vozvratjas

– У каждого на земле свой рай. Мой рай – в моём доме в болгарской деревне у подножия Восточных Родоп. Прямо передо мной из окна – загадочная и колдовская гора Сакар. Надеюсь жить там подолгу после выхода на пенсию, чтобы впитывать всеми порами сакральное вдохновение, исходящее от горы, деревни, особых людей – болгар, живущих по соседству. Обожаю эту мою сельскую болгарскую жизнь! Сейчас в Болгарии готовят переводы нескольких моих книг, чтобы представить на высокие премии. Дай Бог!

Я много езжу по миру – литературные дела обязывают. Десятки стран, сотни городов. Многое вызывает во мне восторг и выливается в стихи о путешествиях! Не хочу забыть и не упомянуть ещё один свой рай – зелёную и волшебную Коста Рику. Там я тоже оставила кусочек своего сердца.

– В издательстве «Союз писателей» вышло несколько Ваших книг, в том числе повесть «Не такая» была опубликована в рамках программы «Новые имена современной литературы». Расскажите о Вашем личном опыте сотрудничества с издательством и участия в программе?

– Это был великолепный период! Я просто не верила своему счастью – моя книга интересна и кому-то нужна. Её напечатают за счёт гранта издательства – счастливее меня не было на земле! Потом были и другие редакции, и другие гранты и ещё много книг. Но роман «Не такая» явился первой ласточкой. Работать с редактором, корректором, художником было безумно приятно и интересно. Вы – лучшие, ребята!

– Есть ли у Вас творческие планы на ближайшее будущее? Увидим ли мы в скором времени Ваши новые произведения? О чём они будут: о любви, о путешествиях, об искусстве или поднимут какую-то другую тему?

– Я сейчас учусь на курсах коммерческой романистики и, по мере продвижения этой сумасшедше-интересной учёбы, пишу роман-фэнтези. Хочу попробовать напечатать его на коммерческой основе. Погружена в эту работу по уши! Что не мешает тем не менее появлению новых стихов в большом количестве. На сборник уже хватает. Стихи, в основном, о поэтах и писателях прошлого века, о необычайно пряной и притягательной культурной жизни старого Тель-Авива. Приходится много читать и открывать для себя целые пласты интереснейшего материала. Вторая книга из автобиографической трилогии – «Мостовые твои» – продвигается медленно, но надеюсь завершить и её после фэнтези. Задуманы и даже начаты ещё два романа. В общем, гора Сакар, помогай, родимая!

– Спасибо, Виктория, за Ваши чудесные книги и очень интересную беседу. Пусть все Ваши планы и желания обязательно воплотятся в жизнь.

Пиар-менеджер издательства «Союз писателей», руководитель московского отделения МСТС «Озарение» Екатерина Кузнецова

Любить вечно вместе с героями фантастического романа Анны Плехановой

Вера в вечную любовь живёт в сердце каждого человека, даже самого отъявленного циника. Но о какой вечности можно говорить, если жизнь конечна по определению? А что если «смерти не существует»? Значит ли это, что век за веком, тысячелетие за тысячелетием любовь будет согревать сердце, вновь и вновь воскресая из пепла?

Издательство «Союз писателей» и Анна Плеханова представляют вниманию читателей, пожалуй, самую романтичную книгу десятилетия – «Переплетения смерти», которая вышла в рамках программы «Новые имена современной литературы». Эта история заставляет поверить в вечность и наполняет душу фантазиями, столь сладкими, что просто невозможно не воспарить на их крыльях от грешной земли и не спросить себя: «А что, если?..»

От начала и до конца Анна Плеханова держит интригу и загадывает читателю загадки. Автор то превращает кровь в лаву, которая бурным потоком течёт по венам, то разрывает сердце нестерпимой болью. Быстро меняются декорации, как меняются на страницах времена и имена героев. И только ОНА, Её Величество Любовь, остаётся с нами, а каждая разлука становится обещанием новой встречи и ещё более прекрасной и чарующей истории, способной покорить мир.

Всё началось в Петербурге наших дней. Она проснулась утром в предвкушении: предстоял важный день. Жаль, что ей так и не удалось прожить его до конца. Несчастный случай был нелепым и, конечно, совершенно неожиданным. Но именно он положил конец всему – карьере, любви, надежде, самой жизни. Значит, она умерла? Тогда почему она вновь дышит? Почему открыла глаза и увидела перед собой… незнакомых людей в старомодных нарядах, каменные стены за́мка, пейзажи средневековой Англии за окном?.. Но и здесь, так далеко от прошлого (или будущего?), тоже есть Он. Нужно лишь найти его, чтобы воссоединиться в иной реальности. Воссоединиться, чтобы снова потерять друг друга и обрести лишь в Неаполе будущего или где-то на бескрайних просторах Земли «в год 3UF29».

Купить книгу *knigi-market.ru/anna-plekhanova*

Если Вы верите в чудо, в то, что у каждого есть душа, а смерть – ещё не конец, окунитесь в атмосферу истинной любви вместе с «Переплетениями смерти». Ищите новинку на полках интернет-магазина «#Книга»!

Что на самом деле нужно современным женщинам?

Как прекрасны мечты! Как чудесны ожидания! Но все ли они, воплотившись в жизнь, подарят счастье? Или некоторые обернутся болью и разочарованием? Как идти дальше, имея за плечами груз потерь? И на что надеяться современной женщине, которая хотела бы встретить принца на белом коне, да не знает, где водится столь редкий «зверь»?

Издательство «Союз писателей» и Татьяна Эдел представляют вниманию читателей новый сборник романтической прозы «Только секс или + любовь?», который вышел в рамках программы «Новые имена современной литературы». На страницах раскрываются тайны женской души, обнажаются сокровенные желания и самые наивные надежды, которые берегут и лелеют юные девушки, их прекрасные мамы и даже очаровательные бабушки.

Купить книгу
knigi-market.ru/tolko-seks-ili--lyubov-tatyana-edel

Что делать женщинам нового тысячелетия – самостоятельным, сильным, способным постоять за себя, – если мужчины не спешат распевать им серенады, часами простаивая под окнами небоскрёбов? Остались ли ещё джентльмены, которые верят в любовь до гроба? Или всё, что им нужно сегодня, сводится к постели и животным страстям? Пытаясь воплотить свои мечты и покончить с утомительным одиночеством, милые дамы отправляются на просторы Интернета, «где плетут свою паутину тысячи одиноких мужчин, надеясь вырвать для себя лучший лакомый кусочек». «Женщины же шелестят в сети своими крылышками, стараясь преподнести свои скромные (и не всегда скромные) способности и качества в лучшем свете, цитируют стихи и представляют алчным очам женихов несметное количество фотографий в томных и зазывных позах».

А что в итоге? Встреча, которая могла бы произойти и случайно на улицах города, как до сих пор случается у некоторых. Два одиночества, стремящиеся обогреться у огонька чужой души. Две судьбы, которые, возможно, смогут соединиться в одну. Страсти, бурлящие, словно варево в ведьмовском котле. Надежды, заставляющие оторваться от земли. И сокрушительные поражения на личном фронте.

Пришла пора ответить на главный вопрос современной действительности. Только ли секс способен связать мужчину и женщину в двадцать первом веке? Или такой волшебный бонус, как любовь, всё-таки подразумевается?

О женщинах и мужчинах читайте на страницах новой книги Татьяна Эдел. Сборник уже представлен в ассортименте интернет-магазина «#Книга».

Герои спорта:
Презентация книги Виктора Малышева «Поединщик»

12 декабря в рамках проекта «Творим историю вместе» в ЦГБ им. Н. В. Гоголя г. Новокузнецка прошла встреча с членом союза журналистов России **Виктором Малышевым**. Виктор Петрович представил свою новую, вышедшую тиражом 500 экземпляров документальную повесть **«Поединщик»**.

Книга посвящена одному из героев сайта «400 знаменитых новокузнечан» – «Гагарину» кузбасской классической борьбы, Заслуженному мастеру спорта СССР, Чемпиону мира и серебряному призёру Олимпиады 1956 года – Владимиру Петровичу Манееву. Небольшой очерк В. Малышева о Владимире Манееве, ставший основой книги, был в своё время опубликован в «Роман-газете».

Почётный гость вечера – Заслуженный работник физической культуры и спорта РФ, Доктор спортивной педагогики и спорта Виктор Шахметович Сакаув представил публике автора, рассказавшего о своей работе над книгой.

Виктор Петрович Малышев начал журналистскую деятельность в 1972 году, став внештатным корреспондентом городской газеты «Кузнецкий рабочий». Работал редактором новокузнецкой газеты «Строитель», много лет сотрудничал с журналами

«Про регби», «Сибирский спорт», «Зеркало», газетами «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», «Фанат», «Губернские ведомости», «Спортивная газета Кузбасса», «Кузнецкий край», «Кругозор», «Дело», «Кемерово», «Вечерний Новокузнецк», «Новокузнецк». Работал Виктор Петрович и в пресс-центрах крупных соревнований. Значительное место в его творчестве занимают рассказы о выдающихся мастерах спорта. За лучшие публикации он много раз был победителем областного конкурса «Спортивный журналист года».

Материалы для новой книги В. Малышев собирал долго и скрупулёзно. Не сразу появилось и название для книги. Виктор Петрович был лично знаком с героем повести и с его тренером Дмитрием Сергеевичем Посуконько (Заслуженным тренером

СССР), а также со многими товарищами В. Манеева «по ковру»: Вячеславом Петиным, Юрием Ненашевым, Александром Денисовым, Вениамином Волковым.

В художественно-документальном повествовании, представленном публике, В. Малышев рассказал о нелёгком спортивном пути новокузнецкого самородка. Карьера борца классического стиля у Владимира Манеева была стремительной. Начав заниматься в 15 лет, уже через два года он стал бронзовым призёром юношеского первенства РСФСР. А в 1956 году (первым из сибирских спортсменов) – призёром Олимпийских игр в Мельбурне.

Об этом фантастическом взлёте и нелёгком пути к пьедесталу почёта рассказывается в первой части книги. Второй раздел издания – «Манеевские новеллы» – состоит из невыдуманных историй, случавшихся с Владимиром Петровичем. Собрав рассказы очевидцев, В. Малышев облачил их в литературную форму. Так и получились «новеллы».

Книга «Поединщик» пробуждает патриотические настроения. Она выпущена к 400-летию Новокузнецка, поэтому стала хорошим подарком к юбилею города.

На встрече присутствовали ветераны греко-римской борьбы Новокузнецка. Виктор Шахметович пригласил их к разговору о герое книги. Перед собравшимися выступили: Вячеслав Петин – мастер спорта международного класса СССР, чемпион РСФСР, Пётр Николаюк – мастер спорта СССР по греко-римской и вольной борьбе, чемпион ЦС «Буревестник», Анна Ивановна Посуконько – супруга Заслуженного тренера СССР Дмитрия Сергеевича Посуконько, и другие гости.

К разговору с поздравлениями присоединились: Александр Алексеевич Волобуев – председатель Общественного совета по культуре, Василий Александрович Галактионов – журналист, редактор книги «Поединщик».

Каждый желающий смог задать автору книги вопрос и получить автограф.

Е. Э. Протопопова, гл. специалист по библ. маркетингу МБУ «МИБС»
Фото О. Д. Анчоковой, нач. отдела «Абонемент» МБУ «МИБС»

Психология творчества
с Ларисой Агафоновой

Успех в творчестве. Можно ли его измерить и как его добиться

Лариса Агафонова – кандидат психологических наук, доцент, автор более ста работ в области психологии, филологии и педагогики.

«Ты должен хорошо учиться, чтобы добиться успеха! Успешный человек хорошо зарабатывает! Только успешные люди достойны уважения!» – наши дети растут в атмосфере поклонения божеству под названием «Успех».

- **Кто же такой успешный человек?**
- **Каковы критерии успеха?**
- **Все ли состоявшиеся люди успешны одинаково?**
- **Как измеряется успех в творчестве?**
- **Неуспех – что это? И как его определить?**

Такие вопросы родители часто слышат от своих детей, да что там лукавить, мы сами себя об этом спрашиваем и зачастую не знаем правильного ответа.

А творческие люди – писатели и поэты, музыканты и сценаристы, дизайнеры и журналисты, парикмахеры и стилисты – каждый раз с трепетом ожидают прихода капризной Музы в надежде обрести успех, любовь и славу.

Что такое «история успеха» и кто её пишет?

Для каждого из нас, в зависимости от самооценки, уровня притязаний и поставленных целей, успех определяется по-разному. Может ли считаться успешным выпускник технического вуза, выигрывающий конкурсы по парикмахерскому искусству? А мастер маникюра элитного салона, к которому дамы записываются за месяц, с кандидатской степенью по филологии? А повар, на третьем курсе бросивший учёбу в МГУ ради стажировки в знаменитом ресторане Италии и создающий теперь гастрономические шедевры?

«Успех – значит, *успеть!*» – известные слова Марины Цветаевой выделяют курсивом самую суть.

Итак, *успеть*. Успеть раньше других, быстрее других, лучше других.

Успех в творчестве редко бывает коллективным, чаще индивидуальным, ведь успех – это продукт соревнования и конкуренции.

Успех – это единство чувства удовлетворения и знаний, которое позволяет личности быть самоэффективной, самодостаточной, что происходит за счёт реализации желаемого и общественного признания этого достижения.

Соответственно, неудача или неуспех – это чувство неудовлетворённости вследствие нереализованности желаемого.

Существует ли «прививка» против неудач или «пилюля» достижений, после которой Его Величество Успех прочно поселится в вашей творческой биографии?

Можно прочитать десятки книг, сходить на пару-тройку тренингов личностного роста и НЕ стать успешным. Почему? Ответ прост: если вы не знаете, ЧЕГО хотите, КУДА, ЗАЧЕМ, а главное, ДЛЯ КОГО собираетесь успеть, то результатом станет посредственная учёба или работа, приносящая неудовлетворённость и огорчение.

Давайте представим, что успех в вашей творческой деятельности – это лестница со ступеньками, по которым вам предстоит идти. Первая ступень может оказаться очень высокой, и, чтобы на неё попасть, придётся изрядно попыхтеть: не просто написать первый рассказ, а принести или отослать его в издательство, получить долгожданную рецензию или отказ. И это только приступок, а не полноценная ступень.

Вам предстоит исправить ошибки и вновь идти по тому же маршруту. Порой кто-то взлетает сразу на третью ступень, заработав признание определённой части публики, расслабляется, наслаждаясь первой победой… и никак не может преодолеть следующую, ставшую вдруг очень крутой, ступень. Падает и иной раз опускает руки.

А кто-то, сцепив зубы, снова и снова в соответствии с нарисованной целью идёт вперёд, закаляясь от неудач. Для кого-то из нас успех – это интервью в ведущих изданиях, для иных – продажи в крупных магазинах, а для третьих – любовь и аплодисменты публики.

Независимо от того, что для вас успех, нарисуйте свою собственную лестницу, начертите каждую ступеньку, обозначьте вехи и награды для самого себя, которые заслуженно достанутся вам, когда вы доберётесь до очередной ступени вашего успеха. И награждайте себя, не стесняйтесь! Все мы родом из детства, и даже за съеденную манную кашу вам давали сладкий компот, конфетку или зефир к чаю.

Что можно сделать на непростом пути достижения успеха?

1. Поймите и зафиксируйте: что означает успех в творчестве лично для вас, для вашего будущего. Не для родителей, друзей или второй половинки, а именно для вас.
2. Определите свои собственные потребности, способности, сильные и слабые стороны и достижения.
3. Поставьте цель, на пути к достижению которой вам нужен успех.
4. Не забывайте, что цель должна быть:
   – конкретной;
   – измеримой;
   – достижимой;
   – реальной;
   – ограниченной по времени.
5. Выясните на практике, что помогает вам сохранить мотивацию и оптимизм даже в ситуациях неуспеха.
6. Взгляните на неудачи как на ступеньку, приближающую вас к цели. Ведь в каждой неудаче есть ценный урок, показывающий, куда двигаться дальше. Неудачи – средство учёбы и роста.

!

Успех в любой сфере деятельности имеет свою меру

✓ Успех в спорте измеряется достижениями.
✓ Успех в бизнесе измеряется деньгами.
✓ Успех в хобби измеряется удовольствием.
✓ **Успех в творчестве измеряется признанием.**

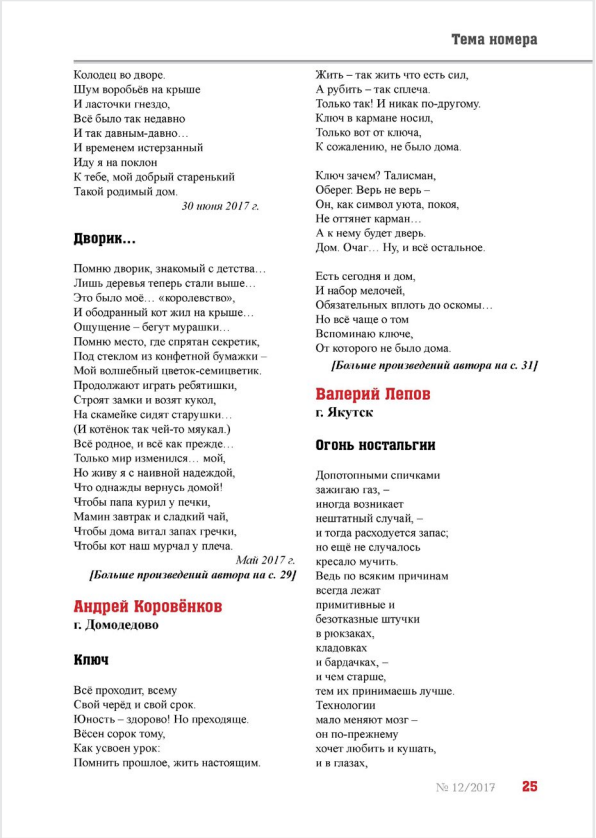
Желаю всем вам ПРИЗНАНИЯ в вашей творческой деятельности!

Опровержение

В журнале «Союз писателей» № 12 от 1 декабря 2017 г. (раздел «Тема номера») были размещены стихотворения «Мальвы в палисаднике…», «Дворик», «Ностальгия», «Хочешь, покажу тебе поля?», «Старая кукла», подписанные автором под псевдонимом Ксения Злобина. В редакцию журнала обратились авторы, которые узнали в некоторых из опубликованных стихотворений свои собственные работы, подвергшиеся незначительным изменениям. В качестве доказательств были представлены оригиналы произведений, датированные более ранними сроками.

Редакция «Союз писателей» информирует читателей, что настоящими авторами следующих произведений являются: **«Дворик…»** («Союз писателей» № 12/2017, с. 25) – поэтесса **Марина Бойкова**, оригинальное название – **«Дворик, знакомый с детства»**; **«Старая кукла»** («Союз писателей» № 12/2017, с. 29) – поэтесса **Маша Мягкая**, оригинальное название – **«Старая игрушка»**. Авторство стихотворений «Мальвы в палисаднике…», «Ностальгия», «Хочешь, покажу тебе поля?» ввиду открывшихся обстоятельств находится под вопросом.

Редакция приносит извинения авторам произведений, опубликованных под чужим именем.



Тема номера

Колодец во дворе.
Шум воробьёв на крыше
И ласточки гнездо,
Всё было так недавно
И так давным-давно…
И временем истерзанный
Иду я на поклон
К тебе, мой добрый старенький
Такой родимый дом.

30 июня 2017 г.

Дворик…

Помню дворик, знакомый с детства…
Лишь деревья теперь стали выше…
Это было моё… «королевство»,
И ободранный кот жил на крыше…
Ощущение – бегут мурашки…
Помню место, где спрятан секретик,
Под стеклом из конфетной бумажки –
Мой волшебный цветок-семицветик.
Продолжают играть ребятишки,
Строят замки и возят кукол,
На скамейке сидят старушки…
(И котёнок так чей-то мяукал.)
Всё родное, и всё как прежде…
Только мир изменился… мой,
Но живу я с наивной надеждой,
Что однажды вернусь домой!
Чтобы папа курил у печки,
Мамин завтрак и сладкий чай,
Чтобы дома витал запах гречки,
Чтобы кот наш мурчал у плеча.

Май 2017 г.

[Больше произведений автора на с. 29]

Андрей Коровёнков
г. Домодедово

Ключ

Всё проходит, всему
Свой черёд и свой срок.
Юность – здорово! Но преходяще.
Вёсен сорок тому,
Как усвоен урок:
Помнить прошлое, жить настоящим.
Жить – так жить что есть сил,
А рубить – так сплеча.
Только так! И никак по-другому.
Ключ в кармане носил,
Только вот от ключа,
К сожалению, не было дома.

Ключ зачем? Талисман,
Оберег. Верь не верь –
Он, как символ уюта, покоя,
Не оттянет карман…
А к нему будет дверь.
Дом. Очаг… Ну, и всё остальное.

Есть сегодня и дом,
И набор мелочей,
Обязательных вплоть до оскомы…
Но всё чаще о том
Вспоминаю ключе,
От которого не было дома.

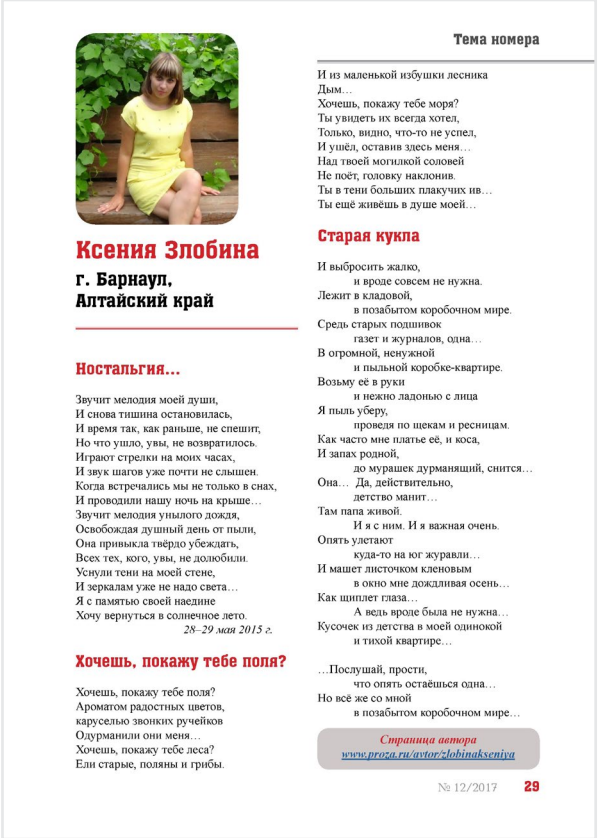
[Больше произведений автора на с. 31]

Валерий Лепов
г. Якутск

Огонь ностальгии

Допотопными спичками
зажигаю газ, –
иногда возникает
нештатный случай, –
и тогда расходуется запас;
но ещё не случалось
кресало мучить.
Ведь по всяким причинам
всегда лежат
примитивные и
безотказные штучки
в рюкзаках,
кладовках
и бардачках, –
и чем старше,
тем их принимаешь лучше.
Технологии
мало меняют мозг –
он по-прежнему
хочет любить и кушать,
и в глазах,

№ 12/2017 25



Тема номера

Ксения Злобина
г. Барнаул, Алтайский край

Ностальгия…

Звучит мелодия моей души,
И снова тишина остановилась,
И время так, как раньше, не спешит,
Но что ушло, увы, не возвратилось.
Играют стрелки на моих часах,
И звук шагов уже почти не слышен.
Когда встречались мы не только в снах,
И проводили нашу ночь на крыше…
Звучит мелодия унылого дождя,
Освобождая душный день от пыли,
Она привыкла твёрдо убеждать,
Всех тех, кого, увы, не долюбили.
Уснули тени на моей стене,
И зеркалам уже не надо света…
Я с памятью своей наедине
Хочу вернуться в солнечное лето.

28–29 мая 2015 г.

Хочешь, покажу тебе поля?

Хочешь, покажу тебе поля?
Ароматом радостных цветов,
каруселью звонких ручейков
Одурманили они меня…
Хочешь, покажу тебе леса?
Ели старые, поляны и грибы.
И из маленькой избушки лесника
Дым…
Хочешь, покажу тебе моря?
Ты увидеть их всегда хотел,
Только, видно, что-то не успел,
И ушёл, оставив здесь меня…
Над твоей могилкой соловей
Не поёт, головку наклонив.
Ты в тени больших плакучих ив…
Ты ещё живёшь в душе моей…

Старая кукла

И выбросить жалко,
и вроде совсем не нужна.
Лежит в кладовой,
в позабытом коробочном мире.
Средь старых подшивок
газет и журналов, одна…
В огромной, ненужной
и пыльной коробке-квартире.
Возьму её в руки
и нежно ладонью с лица
Я пыль уберу,
проведя по щекам и ресницам.
Как часто мне платье её, и коса,
И запах родной,
до мурашек дурманящий, снится…
Она… Да, действительно,
детство манит…
Там папа живой.
И я с ним. И я важная очень.
Опять улетают
куда-то на юг журавли…
И машет листочком кленовым
в окно мне дождливая осень…
Как щиплет глаза…
А ведь вроде была не нужна…
Кусочек из детства в моей одинокой
и тихой квартире…

…Послушай, прости,
что опять остаёшься одна…
Но всё же со мной
в позабытом коробочном мире…

Страница автора
www.proza.ru/avtor/zlobinakseniya

№ 12/2017 29

Журнал «Союз писателей» № 12/2017

Элла Залужная

г. Санкт-Петербург

Женщина

С чёрно-белой фотографии на меня смотрела знающая себе цену женщина. Очаровывая искорками тёмных глаз. Приковывая взгляд чуть приоткрытыми крупными губами, шаловливо выставленными напоказ. С чёткими контурами, слегка припухшими от моих поцелуев. Таящими в себе мою погибель. С возрастом подобные рты приобретают ожесточённые черты, оголяя жёсткое нутро их обладательницы. Острый подбородок вздёрнут. Слегка надменно – как всегда. Вьющиеся тёмные не слишком длинные волосы прибраны вверх. Она со мной играла. И я знал, что даже через столько лет смогу узнать её в толпе. Но она не даст провести рукой по её тонким худым пальцам с чересчур выпирающими венами. Не даст обнять, прижать к себе. Сорвать поцелуй с увядших – а они должны были потерять прежний пыл, я в этом уверен, – но не менее манких губ. Не оставит мне ни единого шанса прикоснуться к себе. К своей чёрно-белой стремительной душе, запыхавшейся среди чуждого ей циничного города. Бьющейся в груди как заточённая птица в клетке. Несмотря на то, что по-прежнему одинока. По-прежнему несчастна. Но слишком горда. Слишком – для этого века. Слишком для самой себя.

Я убрал фото за пазуху и поднял глаза вверх. К томительно-знакомым окнам. Отдающимся глухим стуком в груди, как стоны ловящего звуки пустого колодца. Опустошённого ею. Давно. Не вчера. Но от этого не сумевшего стать полным. Не сумевшего… и побоявшегося вернуть в свои объятья потоки воды, смывающей всё на своём пути. Правдивой, принципиальной, эгоистичной и очень жестокой.

Я не мог её не любить.

В её окнах горел свет. Она не спала. Старый тюль не позволял разглядеть силуэт, уловить расположение мебели в её комнатушке. Но я чувствовал – нет – знал точно, что она сидит за письменным столом, включив торшер, и читает книгу. Нет, скорее, делает вид. Ведь книга – алиби, для того чтобы не настолько очевидно для самой себя, лишь украдкой поглядывать в окно. Потому что ждёт. Потому что любит.

Но также я знал: для того чтобы она позволила мне любить беспрепятственно, не тайком, не монологом, а обоюдно, мне нужно отдать ей слишком много – вырезать из груди своё сердце и принести к её ногам на фарфоровом блюде. Нужно перестать жить. Перестать быть тем, кем я являюсь.

Поэтому я ушёл. И сегодня, и тогда…

Предпочитая изредка бросать наполненный желанием взгляд к её окнам.

Быть полуживым для меня предпочтительнее, чем быть съеденным заживо, быть вытравленным изнутри её едкой, не терпящей компромиссов любовью.

Точка НЕвозврата

Сборник рассказов

Кол-во страниц: 108
Формат: А5
Переплёт: мягкий

Купить книгу
knigi-market.ru/2212

Анна Кобелева

**п. Уральский,
Свердловская обл.**

Письмо солдату

Здравствуй, мой родной! Я так скучаю.
И считаю каждый день и час.
Часто нашу встречу представляю,
Вспоминаю блеск любимых глаз.
И хочу сказать тебе, мой милый,
Что под синим небом в тишине
У небес вымаливаю силы –
Для тебя на дальней стороне.
Ты конверт откроешь этот скоро,
А в нём снова «Верю, жду, люблю!»
Ты моя надежда и опора.
Я точнее слов не нахожу.
Береги себя и будь радушен
к боевым товарищам своим.
Помни главное – ты дома очень нужен
Маме, мне и всем своим родным.
Слышишь, как поют сегодня птицы?
И пророчат День Победы нам!
Небо стало ярче над столицей,
Люди снова потянулись в храм.
Ты держись там, помни, я с тобою!
Вера в лучшее незримо укрепит.
Напиши нам. Жду тебя весною.
Верю, что Россия победит!
Завтра утром, рано на рассвете
С партизанами письмо тебе пошлю.
Ты мне просто напиши в ответе:
«Жди меня! Я так тебя люблю!»

Научи меня быть женщиной

Научи меня быть женщиной,
Что, как ангел у свечи,
Лишь тебе была завещана,
Наши души обручи.

Научи меня быть нежною,
Без смущения в ночи,
Быть в объятиях безгрешною,
Ты же можешь, научи.

Научи меня быть слабою,
Там, где рядом со мной ты,
Светом чистым и отрадою
Для тебя быть научи.

Встреча нам была обещана,
Душ родных сплелись лучи.
Научи меня быть женщиной,
Мой любимый, научи.

Любовь от Бога

Любят ни за что, а потому что,
Не благодаря, а вопреки.
Истинной любви все страсти чужды,
Она – энергия Божественной реки.
Любовь – свобода от страстей всех низких,
Она великий и бесценный Божий дар…
И с ней душа всегда светлей и чище,
Не важно, молод ты или давно уж стар.
Любовь от Бога
достигает совершенства,
Сия, что Святым Духом рождена,
Душа испытывает светлое блаженство,
Возлюбив славу Господа Христа.
Любовь к Всевышнему
услышана в молитве,
Она есть с Богом единение ума.
Чья восхищается душа – всегда красива,
Любовь, входящая от Духа, – велика!

Страница автора
www.stihi.ru/avtor/anuta241185

Наталия Колотилина

д. Кашино, Московская обл.

Огонь любви

Любовь ворвалась в жизнь мою
Так неожиданно, так ярко!
С моей судьбой судьбу твою
На миг связала в пламень жаркий.
И всё смешалось для меня,
Я в мыслях о тебе витала.
Горело сердце без тебя,
А при тебе оно пылало.
Каким был странным тот огонь!
Не обжигал, не делал больно,
А нежно таял, только тронь,
И околдовывал невольно!
Он не давал сомкнуть очей,
Дурманил голову цветами,
А в пору бархатных ночей
Манил горящими звездáми.
Он искры зажигал в глазах.
И молнии пронзали сердце,
Что на алтарь любви, в слезах
Несла за жертвенную дверцу.
Огонь любви! Огонь страстей!
Он поглотил меня, сжигая.
И вот лишь горсточка углей
Любви нежданной догорает.

Сколько раз

Сколько раз с неба звёзды немые
Мне внушали, что время идёт,
Что средь зрячих бывают слепые
И беспамятным тот, кто не ждёт!

Моё сердце тебя ждать устало,
Мои высохли слёзы давно.
Я уже по ночам перестала
Видеть «эро-» и «секси-» кино.

Я во сне не кричу твоё имя,
Я забыла твой голос и взгляд,
Но со мной постоянно незримо
Упоительной ауры яд.

Сколько раз, Боже мой! Ты поверь мне,
Мне казалось, сегодня придёшь.
Ты услышишь мой зов непременно
И к груди с нежной грустью прижмёшь.

Но ты снова бывал не со мною.
А я всё же, рассудку назло,
За тобой шла другой стороною:
– Оглянись! – Но всегда не везло.

И в холодные зимние ночи
Столько раз, Боже мой, сколько раз!
Я пасьянс на тебя, между прочим,
Не могла разгадать столько раз!

Сколько раз, отрекаясь и веря,
Я смотрела на звёзды с мольбой
И, любовь расстоянием меря,
Всё прощая, прощалась с тобой!

Тебя всё нет

Тебя всё нет. Мне так тревожно.
В ночи дрожит свет фонаря
Такой несмелый, осторожный,
В смоле – осколок янтаря.

Дрожа и ёжась, как от ветра,
И зренье напрягая зря,
Иду упорно метр за метром
В кромешной мгле встречать тебя.

Боюсь! Здесь жутко, как в могиле.
Не видно звёзд и нет луны,
Одни «разлитые чернила»,
А в них пугливые шаги…

Мои шаги. Ну хоть бы звёзды
Зажгли б на небе огоньки,
Чтоб освещаемые вёрсты
Все обнажили бугорки!

Ты не пришёл. Теперь уж поздно,
Своих шагов во тьме боюсь.
А где-то жалобно иль грозно
Кричит сова.
…Скорей вернусь!

Рецепт

(Шутка)

Со своей непрошенной любовью
Я ношусь, как курица с яйцом.
С нею я, как с головною болью,
И с каким-то глупеньким лицом.

Не спросить рецепта у соседки,
Мужу тоже жалиться нельзя!
И ищу от той любви таблетки
У тебя в душе и у себя.

Я надеюсь, холодом потянет
От твоих таких прекрасных глаз,
И тогда она сама завянет…
Только б так случилось не сейчас!

К чему слова?

К чему слова?..
Ты всё давно уже сказала.
И слёз солёная волна
Брега подушки облизала.
Уж проросла полынь-трава
На тех тропинках, где когда-то
Гуляли мы до Покрова,
Встречая зори и закаты.
На что надеешься, что ждёшь,
Блуждая в прошлом нежным взором?
Ведь знаешь, время не вернёшь.
Так не гляди с немым укором.
И те волшебные слова,
Слова, какие опоздали,
К чему теперь? Душа мертва.
Всё! Рухнул рай, что мы создали.
О том, что было и могло,
Зачем себя теперь тиранить?
Разбито хрупкое стекло.
Осколки могут только ранить!

Вечер вдвоём

Посидим, обнявшись, милый!
Мерно тикают часы.
Вижу профиль твой красивый,
Ухо, брови и усы.
Обними меня покрепче –
Вечер только настаёт.
И целуй мне шейку, плечи,
Куда глаз твой упадёт!
За окошком шум не слушай.
Вечер весь сегодня наш.
Может, верхний свет потушим
Иль ещё какой демарш?
Посидим с тобою молча!
Пусть горит огонь в печи,
И тепло, как будто в Сочи,
И сердца, как две свечи.
Мы гостей к себе не звали,
Будем только я и ты.
Скучно станет нам едва ли
В вечер сбывшейся мечты.

Мы узнали друг друга недавно

Мы узнали друг друга недавно.
И на сердце так стало светло.
Пусть тебе это слышать забавно,
Но считаю, что мне повезло.

Я люблю твою шею и плечи,
И на лбу озорной завиток,
И в глазах две горящие свечи,
Губки алые, словно цветок.

Не хочу я бросаться словами
И тебе о любви говорить.
Зарифмую я чувства строками,
Чтоб на память тебе подарить!

Светлана Кунакулова

г. Уфа

***

Душа не ведает покоя,
К тебе взывает и трепещет…
А слуги Гименея стоя
Моим стенаньям рукоплещут.
Но призывает к покаянью
Судьбы увенчанный порок,
Срывая с уст моих признанье:
«Безумство – мой тяжёлый рок!»
Царицей жертвоприношений
Отныне названа печаль,
И тень своих грехопадений
Я прячу в чёрную вуаль…

***

Мне небо тебя обещало,
Тебя напророчили звёзды.
Твоё имя сердце шептало,
В душе соловьи вили гнёзда.
А мне так летать хотелось –
Парить в небесах от восторга.
Но, видимо, песня не спелась,
Наверное, слов было много.
«Ничто в этой жизни не вечно», –
Напомнит о завтрашнем кто-то.
Отнюдь… Я всё так же беспечно
Храню твоё пыльное фото!

Вера. Надежда. Любовь

Стою, раскинув руки широко…
И ветер дышит мне в лицо, целует плечи.
А там, за горизонтом, далеко
Два ангела спешат ко мне на встречу.

Внизу о скалы бьётся океан,
А в небесах парит, сбивая крылья в кровь,
Ещё раз угодившая в капкан
Шальная птица под названием «Любовь».

Вода кричит мне: «Пусть утонет!»
Огонь в груди: «Да пусть уже дотла сгорит!»
И только сердце одиноко стонет.
«Спасай, не дай любви погибнуть!» – говорит.

А я стою, не в силах шелохнуться.
Та птица камнем вниз, и я за ней… на дно!
Встал выбор: или захлебнуться
С любовью вместе, или выплыть, но одной.

Вдруг взмах крыла и белая одежда,
Луч солнца, пульс толчками вновь и вновь.
Пока есть рядом «Вера» и «Надежда»,
Жить будет птица под названием «Любовь»!

Позволь…

Позволь мне как книгу тебя прочитать
Всего – до последней страницы!
Позволь мне взлететь, чтобы тут же упасть
К ногам твоим раненой птицей!

Позволь до истомы тобой надышаться:
Вдыхать, выдыхать аромат твой!
Позволь твоим голосом наслаждаться,
Позволь восхищаться тобой!

Позволь утонуть в твоих карих глазах,
Купаться в пушистых ресницах!
Позволь моё сердце остановить на миг
И в такт с твоим сердцем забиться!

Позволь мою душу всю в кровь истерзать
На время – пройдёт эта боль!
Позволь мне любить тебя, верить и ждать –
Я справлюсь…Ты только позволь!

Виктория Левина

г. Ришон ле-Цион, Израиль

Принцесса Грёза

«Принцессой Грёзой»[1] называть Москву
холодную с дождями,
с пустым Арбатом, что пролёг
в кольце простуженных дворов.
И всё, что здесь произойдёт, –
уже давно когда-то с нами
случилось в версии другой
прожитых в памяти миров.

Была любовь сильней, чем смерть
в печальной повести Ростана,
бывали руки холодны
и сердце – треснувший хрусталь,
и проплывал шторма корабль,
и вкруг изысканного стана
был опоясан красный плат,
как повелось по моде встарь.

«Принцесса Грёза» и Москва,
и дождь в Лаврушенском, и «Демон» –
кружил неодолимый зов меня
по станциям метро!
И расплескались, как глаза,
как врубелевских лиц поэмы,
воспоминанья на холстах,
где в главной роли – серебро.

Влетать, как Грёза, на корабль
и устремляться к Трубадуру,
и жизнь вернуть, и, смерть поправ,
на арфе золотой играть!
Москва. Лаврушенский. Октябрь.
И светом полнятся фигуры
владений Врубеля. Дышать.
Любить и падать… И летать!

Я только молодею час от часу

(Написано в стиле «Вийоновской баллады»)

Я молодею с каждым новым днём.
Струится кровь по венам молодая.
Упруги губы, глаз горит огнём.
Иду по жизни, весело играя.
И только документы открывая,
Я своего рожденья вижу год.
Какой, скажите, выдумал урод,
Что я должна старухой седовласой
В стесненье прикрывать беззубый рот?
Я только молодею час от часу.

Предполагаю свежести во всём –
Свежа любовь горячая, земная!
И то, как я шагаю ноябрём,
Напоминает бег начала мая!
И плещется в душе вода живая,
Что рифмы неуёмные даёт
До времени, когда иного гласа
Не наступил естественный черёд.
Я только молодею час от часу.

Смотрю, как поживает за окном
В кисельных берегах страна родная,
Струит ручьями мёда с молоком,
Войну, как грипп, порой переживая.
Тот, кто не знает, – сразу не поймёт
Неправедного времени гримасы.
Моя страна рассветная живёт
И только молодеет час от часу!

Люблю цвета нежнейшего окраса,
Когда на горизонте день встаёт,
И времени течёт обратный ход,
Цвета пустыни розою украсив.
Мне это смысл и силы придаёт.
Я только молодею час от часу.

---

[1] Врубелевское панно «Принцесса Грёза», созданное на сюжет драмы в стихах Эдмона Ростана, именуют самым известным панно Москвы. В 1896 году С. Ю. Витте заказал Михаилу Врубелю панно для предстоящей нижегородской художественно-промышленной выставки. Савва Мамонтов решил продемонстрировать его в отдельном павильоне, выстроенном по собственной инициативе. Романтическая история о возвышенном стремлении к любви и совершенной красоте, созерцание которой достигается ценой смерти, имела оглушительный успех у публики. Живописное панно ныне экспонируется в зале Врубеля в Третьяковской галерее.

Валерий Лепов

г. Якутск

***

Окропи меня, и буду я чист,
А омой меня – стану белее снега.
Я сегодня твой первозданный лист.
Нарисуй на мне голубое небо.
Облака нарисуй, золотое солнце,
Птиц, траву и ещё – деревья.
А затем поцелуй, чтобы свежий ветер
Жизнью все паруса наполнил.

Окропи меня красотою звёзд,
Оплесни меня серебристым светом.
Если ночь внезапно ко мне придёт,
Чтобы был готовым всегда к рассвету, –
Как Давид, пращёю сразить Голиафа
И за хвост ухватить комету.
Великаны оставили нам планету, –
Но на плечи их не взвалить державу.

Окропи меня звоном дрожащих струн
И омой меня жаркой своей любовью, –
Я из тысячи тысяч летящих шхун
Выбрал названную свободой.
Пусть заря над родною землёй зажжётся,
Горизонт несравненной затмит красотой,
И не жалко за это судьбы никакой,
Если в небе огнями – таинственный остров.

Окропи меня, и буду я чист,
А омой меня – стану белее снега.
Гимн любви над Землёю опять звучит,
Каждый день сердца́ наполняя негой.

***

Научи меня любить.
Мать меня не научила.
Я не знаю, что за сила
Рвётся из моей груди,
Разливается по жилам
И плетёт из нервов нить,
Так, что до смерти знобит.
Знаю только к падшим милость,
Сострадание к больным,
Жалость к не достигшим мира
И почтенье к остальным.
Научи меня любить,
Не печалиться о мертвых,
Боли забывать обид,
Верить в истинного Бога,
Ждать смиренно дар судьбы,
Не ловить позор удачи.
Научи меня любить
Всех живых, любви не алча.
Научи меня любить,
Я ведь твой полынный мальчик.

***

Мне кажется, я раньше видел Вас.
Должно быть, где-то в позапрошлом веке.
Касался плеч рукой, губами – глаз
И чувствовал, как трепетали веки.
Вокруг горели свечи в тишине,
И зал огромный, в танце – только двое.
Так с музыкой внутри наедине
На небо поднимались мы с тобою.

Весь мир вокруг, как крошечный овал,
И звёзды рядом, пышущие жаром.
Ведь я тогда тебя поцеловал,
Чтоб потушить безумие пожара.
Но он не стих, и пламя до сих пор
Неистовствует звёздного портала, –
Огнём выходит из душевных пор
И расплавляет сердце из металла.

Тогда я видел больше, чем сейчас.
Передо мной распахивались двери
Дворцов и замков и природных тайн.
Со мною разговаривали звери.
Я видел прошлое. И в прошлом видел Вас.
Вы рядом шли тернистою дорогой, –
Как тень, как неотъемлемая часть,
Непостижимо вырванная Богом.

Я знал, что через много-много лет
Я буду помнить только эту встречу
Немимолётным сочетаньем черт, –
Ведь путь к тебе мой заповедан вечным.
…
Пусть путь к тебе мой заповедан вечным, –
Верна ты мне в распахнутой душе,
И сыплет снег бриллиантами на плечи, –
Подарок неземного атташе.

Хранящим верность в призрачных минутах,
Часах и днях, неделях и годах, –
Распахнутые очи незабудок
Любовь запоминают навсегда.
Она хранится в отблесках зарницы,
В мерцанье звёзд и шелесте травы,
Дорожкой лунной в речке отразится, –
Пути Господни в мире таковы.

***

“I have no name:
I am but two days old.”
What shall I call thee?
“I happy am,
Joy is my name”.
Sweet joy befall thee!

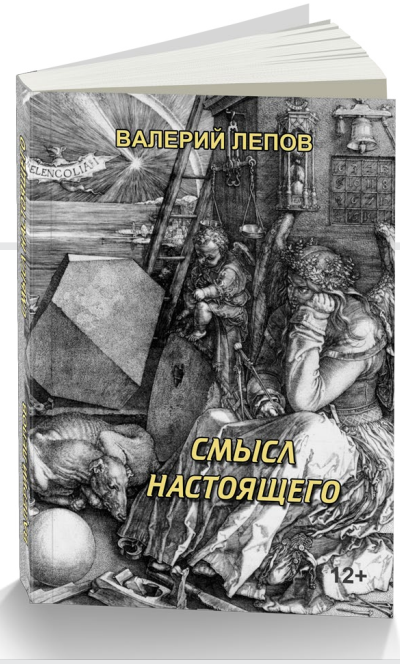
Уильям Блейк «Дитя-радость»
(«Песни неведения», 1789)

Любовью оскорбить нельзя –
Она лишь больно ранит сердце
Или, елеем в нем скользя, –
Перерождает во младенца…

Любовь как трепетный цветок,
Что быстро вянет без поддержки…
Она в беспамятстве влечёт
К себе лишь ароматом терпким.

Один мудрец, сияя мыслью
И зная жизненный уклад,
Любовь сажает в грунт с подпиткой,
Давая вырасти корням, –
Когда из тоненькой былинки
И вширь потянется, и в рост,
И зацветёт любовь со смыслом, –
То семя в землю упадёт.

А пустоцвет дурной и красный,
Своей прельщая красотой,
Завянет скоро, в день ненастный
Удобрив почву под собой.



Смысл настоящего
Валерий Лепов

Сборник стихотворений

Кол-во страниц: 212
Формат: А5
Переплёт: мягкий

Купить книгу
knigi-market.ru/smysl-nastoyashchego-valeriy-lepov

Марина Старчевская

г. Ришон ле-Цион, Израиль

Шестнадцать

Проснуться, зная наперёд,
Что жизнь блестит, как яркий фантик,
Когда отчаянный романтик
Тебя в конце аллеи ждёт.
Когда болезнь – и не болезнь,
А просто лёгкая простуда –
Причина, или нет, причуда
На сутки с книжицей залечь.
Примчится, только позови,
Герой киношный или книжный…
А счастье – это форма жизни,
И жизнь – предчувствие любви.

Вокзальное

Скрипнет, лязгнет, свистнет тонко –
И пойдёт считать состав
Окна-кадры киноплёнки
По платформе до хвоста:
Понесутся чьи-то лица,
Нос, приплюснутый к стеклу,
Чьих-то жизней вереница,
Обещаний и разлук…
Там, в купе, на верхней полке
(Ни поплакать, ни обнять)
Счастье в старенькой футболке
Уезжает от меня.

Последнее лето…

Закат опустил воспалённые веки,
Пылающий день отступил и остыл,
Луна, уплывая, исчезла в прорехе,
Как будто закапали в небо чернил.
Под южные звуки горячих мелодий
И страстные пляски цветных фонарей,
Дорога по пляжу за гору уходит
Враскачку за простенькой песней моей.
Мне снятся обрывки счастливого смеха,
Гекзаметром плещется в берег волна…
Последнее лето двадцатого века:
Родители живы, а я влюблена.

Я жду тебя…

Я жду тебя у моря. Жизнь моя,
Не заблудись в дороге на закате:
Ты помнишь наше место, где скамья
И девочка с шарами на плакате?
Свежеет ветер, пенится прибой,
Садится неуёмное светило –
Багровую дорожку за собой
От каменного пирса прокатило.
Не важно, что́ уже не изменить:
Семью, работу, праздники, зарплату,
А эти встречи – тоненькая нить,
Что тянется из нашего «когда-то…»
Осталась только ветхая тетрадь,
И пара фотографий из архива,
И то, чего уже не написать –
Ни ретро, ни стандартом, ни курсивом.

Средиземноморский романс

За окошком цветут магнолии,
Бугенвиллии с резедой…
Мы с тобою друзья, не более,
Не люби меня, дорогой!
Не дари мне серёг из жемчуга,
Не гляди на меня с тоской,
Не зови меня глупой женщиной,
Не зови меня, дорогой!
Не ищи у друзей отдушины,
Не пугай, что уйдёшь к другой.
Просто я к тебе равнодушная,
Не брани меня, дорогой!

Галина Щекина

г. Вологда

ВОПРЕКИ ВСЕМУ

***

Большим аскетом был студент –
Учил, мыча, дивертисмент.
Забили в ней колокола,
Уже тогда его ждала.

Когда он шёл хмельной домой
Себя не помня, боже мой,
Метелью жутко выла мгла…
Она вздыхала, но ждала.

Не замечал он никогда
Её глаза, её года,
Что сын, карьера и дела...
И всё-таки она ждала.

Пусть дирижёр взмахнёт рукой,
Из сердца музыка рекой.
Не упрекнув, не помня зла,
Она молчала, но ждала.

И снова ночь, и вьюги вой.
Замёрзший, но ещё живой
Он у дверей. Лицом бела,
Она шепнула, что ждала.

***

Она была немножко грубой,
А он, наверное, святой.
Но на ветру, кусая губы,
попробуй, милая, постой.

Царапая, тащило листья
по тротуару вдоль реки.
Непросто быть простым и чистым
слепому чувству вопреки.

У виноватых то и счастье –
что обнимать кого нельзя.
Но страх внутри над ними властен
зажмурить влажные глаза.

И с темнотой стихали звуки,
а им никто не мог помочь.
Он только целовал ей руки
и уходил, хмелея, в ночь.

***

Он сказал: «Неловкая какая!» –
и тарелка грохнула из рук,
полетели чашки прямо с краю,
отозвался в сердце этот стук.

Он сказал: «Ну отчего так душно?» –
подгорая, задымился лук,
и волною жаркою недужной
затянуло дом и всё вокруг.

Он сказал: «Глаза бы не смотрели!» –
и с лица исчезла красота,
и затихли соловьиных трелей
песни возле красного моста.

Он сказал: «А если все сначала?» –
ты ведь классная... мы молоды пока –
и любовью снова закачала
сладким ветром синяя река.

Больше произведений автора по ссылке
www.stihi.ru/avtor/rakel

Рената Юрьева

с. Кочневка, Новосибирская обл.

Когда бы не любовь

Глухой стеной дожди застлали город.
Свет звёзд и фонарей устал мерцать.
И сгинул мир бы, если б не герои –
Любовью окрылённые сердца.

В погоне за рублём и мнимой славой
Мы примеряем роль лжеца, льстеца.
Но чистоту хранят наградой главной
Любовью окрылённые сердца.

Когда бы не любовь, устали б крылья,
И не взлететь бы нам над суетой.
Стихи о ней не припорошит пылью,
Ей никогда не выйти на покой.

И было так, и есть, и будет дальше
Под вечный свет крылатого Стрельца:
Спасают души от тоски и фальши
Любовью окрылённые сердца.

Сама

Какое счастье думать о тебе,
Ещё милее услыхать признанье!
Вся жизнь проходит в суетной борьбе,
А смысл её – в любви! Души метанья –
Опора стылых, сумеречных дней.
Боюсь нарушить словом трепет чувства.
Светлеет ночь…
Стал мир чуть-чуть добрей…
Мне кажется? Но что ж душе так грустно?!

Бегут по жизни люди, мчатся дни,
В движенье растворить печаль пытаясь.
Я знаю, как зажечь во тьме огни:
Сама тебе в любви, рискнув, признаюсь.

Не со мной

Хотите знать, мой друг любезный,
О чём печалюсь в свете дня,
Зачем, молчание храня,
Срываюсь в отчужденья бездну.

Зачем Вам знать? Чужие тайны
Маня, отталкивают всех,
А Вас прельщает блеск утех,
Которых дать Вам сложно крайне.

Обманывать Вас не желаю:
Душе моей известна страсть,
Но, чтобы нам в ней не пропасть,
Вуаль поспешно опускаю.

Не победить судьбы капризной
И пресловутую мораль.
Счастливым будете!.. Как жаль,
Что не со мной… не в этой жизни…

Искушение

Любви жестокое крушение
Низводит жизнь до «не хочу».
Всё больше давит искушение
Задуть последнюю свечу.
И окунуться с головой
В спасительный немой покой.

Не ждать, не сочинять отчаянно
Сюжет из сказочных чудес,
Его венцом любви венчая… Но
Не наигрался грешный бес:
Лишая радости и сна,
Захлёстывает чувств волна.

Иные есть в миру влечения:
Вершины гор и шум берёз…
Закрою шторы в час вечерний я,
Скрываясь от обманных грёз.
Напрасно звёзды рай сулят:
С тобой иль без тебя – всё яд.

Лишая радости и сна,
Захлёстывает чувств волна.
Мне б окунуться с головой
В спасительный немой покой.
Напрасно звёзды рай сулят:
С тобой иль без тебя – всё яд
Чтоб боль разлуки превозмочь, –
Бежать от чувств сердечных прочь!

Я вспомню

Я вспомню о тебе однажды,
Себя страданьем не губя,
Когда считать не стану каждый
День, прожитый вновь без тебя.

Не боль обиды вспомню горькой,
Не расставания пассаж,
А поцелуй твой перед зорькой,
Когда весь мир был только наш;

Наш первый бал под небом звёздным
Под покрывалом сентября.
Так далеко ещё морозы
Прощальных слов и января…

Когда тебя я вспомню, милый,
С улыбкой на душе, губах,
Тогда пойму: я отпустила,
Простив за прерванное «Ах!»

И только…

Скользит рука игривою волной,
И дрожью отзывается душа.
Влекут неумолимо глубиной
Любимые глаза… И чуть дыша
Иду ко дну безумия страстей,
Чтоб вновь взлететь к высотам ярких звёзд…
И только блики солнца всех мастей…
И только отблеск счастья в каплях слёз…

Созвездие счастья

Подари мне Созвездие счастья –
Двух сердец Золотое Руно!
Много звёзд в небе, все – разной масти,
Но согреть может только одно.

Даже если затейливый Случай
Разлучит нас на дни и года,
Буду знать, что за тёмною тучей
Мне твоя так же светит звезда.

И дожди не сокроют слезами
Свет Созвездия нашей любви.
Пусть не мы, но жить будет веками
Наше звёздное то визави.

Высший смысл нашей жизни, столь краткой,
Средь Вселенной для всех затаён.
Я люблю всех созвездий загадки,
Но согреть может только твоё.

Купить книгу
knigi-market.ru/za-mechtoy-renata-yureva

Ольга Авеядух

г. Троицк

Ветер

Ветер в поле причешет травы,
Колосками шурша в пути,
По осоке вдруг пустит волны
И зароется в ней – не найти.
Я, как бабочка, бьюсь об окна,
Через форточку – на простор,
Я, как волк, чей давно голодный
По подлескам гуляет взор,
Жажду воли и жажду ветер
В волосах по полям нести,
Но до боли клюются ветки, –
Мне одной далеко ль уйти?
Сквозь туманы в чужие лица
Я вглядеться пытаюсь: вдруг
Кто-то хочет рекою литься,
Кто-то шепчет тихонько: «друг».
Ветер в поле гуляет вольный,
Я к окошку тихонько жмусь.
Ишь, как гнёт он берёзки крону! –
Я одна с ним гулять боюсь…

Осень

Во дворе зацвёл клён
золотым и пурпурным, –
Впитал он лучи моих солнечных грёз.
Клён-королевич в мундире ажурном
Гордо задрал над берёзою нос.
Берёза-девица нежна и стыдлива,
Под пение ветра качается в такт.
Над речкой вальяжно раскинулась ива
И тополь, кичась, поправляет свой фрак.
Я выйду во двор, прокрадусь мимо лета,
Что сладко сопит в своём гамаке,
И, выдохнув пар в прохладу рассвета,
Листочек пущу в дальний путь по реке.
Пройду мимо клёна – тот шляпы не снимет,
Кивнёт, полетит из-под шляпы листва.
Берёзка чуть вздрогнет и глаз не подымет,
По белой коре поглажу слегка.
Багряной листвы да веточек ивы
Домой нанесу, что хватит рук.
Рассыплю по полу, чтоб стало красиво,
И стану ждать в гости друзей и подруг.
И стану ждать в гости я птиц перелётных,
Что осенью поздней покинут наш край,
И, чтоб не грустить, наверно, раз в сотый
Куплет запою, подлив себе чай:
«…Багряна тропинка, прозрачна слезинка,
Чрез осень и зиму лежит путь домой,
Но друга улыбка, огонь и лучинка,
Где б ни была я, – повсюду со мной…»
И стану ждать в гости я белок-болтушек.
С орехами баек лесных принесут.
Смешные болтушки: расскажут, повздорят,
Немножко прикрасят, немножко приврут.
И стану ждать в гости я в вечер зарницу,
Открою окно и дверь на балкон.
Смешаются дождь, и белки, и птицы,
И я на полу босиком под зонтом.
«Багряна тропинка, прозрачна слезинка…»
И клён-королевич берёзку обнял,
И листик по речке, и в чае смешинка,
И лето сопит в бахроме одеял.

Встану рано

Встану рано, садами, дворами,
Наступаю рассвету на плащ.
Мне собаки виляют хвостами,
Чуть прищурясь, кивает мне грач.
Никого: только пёстрая Муська
На колодце, пригревшись, лежит;
Да хромая вертлявая Дуська
На мой свист поласкаться бежит.
Скрип качелей: повыше! Повыше!
Не держусь, руки врозь – два крыла.

В небо грач, я – ногами до крыши.
Полетела бы, если б могла.
Растекается плавленым сыром
Чуть ленивый солнечный свет.
На ладошку улитку с крапивы
Посажу и скажу ей: «Привет!»
Босиком по росе я вприпрыжку
И с разбегу обратно в постель.
У огня тихо греется мышка:
За окном-то вообще-то метель…

В бездну звёзд

Я бы сошла с этих рельс, как поезд,
Понеслась бы в пропасть,
да не вниз, а вверх.
В бездну звёзд,
В бездну грёз, чтоб ответить, кто я.
Разве счастья желать – такой уж грех?
Я бы сошла, но стучат колёса,
Голубого цвета вагонов нет.
Мчится поезд на край утёса,
И не высунуть даже носа…
Будут снова сверять билет.
Я бы сошла с этих рельс без клади,
Без багажа и с дырой в пальто
В бездну звёзд,
Пусть всего лишь на день,
Даже если всего лишь на день…
Только б руку подал мне кто.

Без 15-ти весна

Поздний ужин. Чай. Болтаем.
Без 15-ти весна.
По-другому Шарик лает,
По-другому не до сна.
Позади февральский ветер,
Позади январский лёд.
Над берёзой месяц светит,
На берёзе – кот орёт.
Без 15-ти весною
Наполняется душа.
Разве я теперь сокрою,
Отчего едва дыша
Жмусь к окну, гляжу на звёзды
В замеревшей тишине? –
Где-то там колышет воздух
Наша песня о весне.

О ветеранах

Я ничего не знаю о войне.
Но плачу горькими слезами
Как будто то, что было с Вами, –
Сегодня было обо мне.
Дороги в клёнах златоглавых,
Кровавый лёд и серый дым:
Москва за нами, впереди Берлин.
Как будто с Вами я на равных
Сражалась в чащах роковых,
Окопы рыла, выносила
Друзей погибших на руках.
Как будто я… неведомая сила!..
Ведь было всё совсем не так!
Остались песни, книги и кино.
Осталась горстка тех, кто правда помнит.
Так мало. Сердце жмёт и тихо стонет.
Так мало вас. Война была давно.
Так мало добрых ваших глаз, –
И ни одни глаза не знаю!
Я лишь сегодня замечаю.
И, может быть, в последний раз.

Молитва

Пожалуйста, дай мне время,
Прошу тебя, дай мне силы!
Пожалуйста… я не гений.
За что мне повсюду вилы?
Пожалуйста, помоги мне
Стоять на раздаче солнца.
Под самым холодным ливнем
Оно очень больно жжётся.
Хотел, чтоб я стала сильной? –
Играй мне на струнах чётче!
Душа моя хочет мира,
А плачет надрывно, Отче!
Пожалуйста, дай мне время.
Перед сном дай мне кроху ласки.
И может, по воскресеньям…
Читай у кровати сказки.

Страница автора
vk.com/lyagushkastory

Сергей Анохин

г. Шебекино, Белгородская обл.

***

Ветер несёт пересохшие листья,
солнышко шлёт мимолётный привет,
и обнажается истиной чистой
гроздьев рябины рубиновый свет.

Ласточки, словно беспечные мысли,
то разлетятся, то к небу прильнут,
Божьи старушки на лавочки вышли
вить разговоры из праздных минут.

Слово за словом, как бусинки в бусы,
день собирает и движется в даль,
времени бег ускоряя искусно,
в сердце печальками сея печаль…

Обретение покоя

Одряхший дед
от снегопадов
уехал к сыну зимовать,
ему немного было надо:
еда, газеты да кровать.

Пожалуй, всё. И до апреля
он жил бы тихо и светло,
но внуки сразу же запели:
«На кой его к нам принесло?»

Когда жива была старуха,
он внуков пестовал,
и вот
сын шепчет сдавленно на ухо:
«Сестра просторнее живёт».

И дед уехал,
даль родная
махнула издали рукой…
И лишь бездомный ветер знает,
в чём дед обрёл себе покой.

Уходил отец

Взял чемодан. Повёл плечами.
Сказал: «Сынок, иди сюда.
Отдай записку эту маме.
Я уезжаю. Навсегда…»
Утёр слезу.
А может, просто
от глаз моих прикрыл глаза
и зашагал по полю проса
туда, где ширилась гроза.

Был вечер надвое расколот,
краснело солнце над леском,
но с туч тяжёлых
мне за ворот
уже тянуло холодком.

И я от солнца к чёрным тучам
отца помчался догонять,
а детство плакало беззвучно
и отставало от меня.

***

За окном – кипенье вьюги,
нам – уютно и тепло,
мы сороке-стрекотухе
ремонтируем крыло.
И глядит с испугом птица,
и, вздыхая горячо,
дочка бурно суетится,
сын теснит её плечо.
Тополька мятутся ветви,
глухо плачется стекло;
за окном студёный вечер,
а в душе – тепло-тепло.

***

Прекрасен день, но дальше солнца
при свете видеть не дано –
день только узкое оконце
в мир, где просторно и темно.

В мир, где за каждою звездою
увидишь новую звезду,
где мысли ходят чередою,
не обрываясь на ходу,
а, поднимаясь бесконечно,
влекут в такую высоту,
откуда видишь Край и Вечность
так ясно, как сирень в цвету!

Шемраевка

Шемраевка. Трудно деревню
на карте района сыскать;
среди пустырей и деревьев
когда-то здесь выросла мать.
И дом под зелёною крышей
был полон, весельем звенел,
теперь-то мы в город все вышли,
и он в тишине потускнел.
И бабушка зимы не дома
живёт – у своих дочерей;
а время течёт невесомо,
а двор заселяет пырей.
И всё-таки каждое лето
ведёт нас дорога туда,
где верба душевным приветом
шумит в тишине у пруда.
Без боли же с ней не столкнуться:
всего за одиннадцать лет
успела деревня согнуться,
всё сходит и сходит на нет.
Немало дворов посносили,
в другие вошла седина;
остался один дед Василий
и бабка Меланья – одна.
Да что говорить –
постарело,
увяло деревни лицо,
а время вершит своё дело
с печально известным концом.

***

Родина,
в платье осеннем
из шелестящего дня
мягко к себе на колени
ты посадила меня;
с первой минуты рожденья
слышал я сердца биенье
милой моей стороны:
речек, лесов, тишины...

Вот потому-то неровно
сердце забилось моё –
чую высоко над кровлей
молнии злой остриё;
даже в просторах Вселенной
есть душегубов следы...

Сядь же ко мне на колени –
уберегу от беды.

***

Судьбы себе придумать невозможно,
и я скольжу по лезвиям эпох:
всё истинно и в то же время ложно,
сомненьями отмечен каждый вздох.
И правды преждевременное слово
порой разбойней выверенной лжи
разносится в толпе буйноголовой;
певец добра, молчаньем дорожи –
Не вечно будет наше небо мглисто,
настанет время думать об одном:
как трепетно
и беззащитно чисто
шумит листва берёзки за окном.

Воскресенье

Сбыться запахом, и цветом,
и движением, и звуком,
и луны неярким светом,
и соловушкиной мукой.

Над серебряной рекою
усыпить свои хотенья
и почувствовать: в покое
наступает воскресенье.

Александр Арзуманов

г. Пятигорск, Ставропольский край

Моя погибель – эти очи

Я видел много разных глаз:
Пустых, наивных, томных, страстных,
Но так взволнован в первый раз –
Очей нет более прекрасных.

В них чистота, и ум, и рок,
Покорность, нежность, обещанье,
И добродетель, и порок,
И неприступность, и желанье.

В них сумасбродство и мольба,
Гордыни лёд и свет прощенья,
В них кроткий трепет, в них борьба,
Невинных грёз и обольщенья.

Стон, слёзы преданной рабы,
Укор, измена, благосклонность,
Нещадный приговор судьбы,
Каприз, неистовство, влюблённость.

В одних очах: и рай, и ад,
Безумный танец дня и ночи.
В них смех и плач, огонь и хлад,
Моя погибель – эти очи.

Соловецкий камень (Простите...)

В бреду, в ненастье, стужей укрываясь,
Хрипя костями, язвами – навзрыд,
Беспамятство, безверьем упиваясь,
Молит забыть раскат, что кровью сыт.

Всех тех, чей крест, зияя номерами,
Ушедших этой пустошью в века,
Чьи имена простывшими кострами
Безмолвием взирают свысока.

Всех тех, израненных, распаханных смертями,
Всех тех, чьей жизнью шаркая, конвой…
Я ныне, оглушённый голосами,
Ночами надорвавшись, сам не свой,

Всех тех молю… О Господи, простите…
За малодушья ком, за немоту,
Плените хлад, восстаньте, не молчите,
Не дайте позабыть ту темноту.

Над задремавшей суетой...

Над задремавшей суетой,
В тиши небесных океанов
Луна ладьёю золотой
Плывёт сквозь сны седых туманов.

Прохлада ночи, трепет звёзд,
В запрудах шепчется осока,
Звенящей лентою под мост
Струится речка, мчит далёко.

Годами не согбенный сруб,
Церквушка с вечными крестами,
За ней погост, былинный дуб
Скрипит оплётшими летами.

Из самой темени лесов,
Где полночь сходится с горою,
Осенний вздох, крик мудрых сов,
Всё это вспомню той порою,

Когда моя душа вспорхнёт,
Допив последнее мгновенье,
Мой век усталый взор сомкнёт,
И обнажится откровенье.

Снегири...

Красной кляксой на снегу – Снегири,
Не уймутся, всё кружат – Январи.
Иней ветви до земли, не кори,
Двери настежь отвори, подопри.

Час, другой, запляшет проблеск зари,
Доживи, договори, не соври,
Сквозь метель увидь, узнай, рассмотри,
Наши души в том снегу – Снегири.

Маяком, костром, пожаром гори,
Не беда, пусть каждый день Январи,
Темень – стужу растопи, озари,
Искры в стаи собери, раздари.

Предостереги меня, Господь...

Предостереги меня, Господь,
От шагов неверных да от бед,
От затей дурных, где в клочья плоть,
И от чёрных туч, что застят свет.

От пустых визитов и бесед,
К тем и с тем, о ком забыть пора,
От того, что кто-то скажет «Нет»,
От дождя, что не пойдёт с утра.

От чужих, неверных, глупых жён,
От невежд, орущих невпопад,
От ночей, где боль сожрала сон,
И костров, что больше не горят.

От дорог, ведущих в никуда,
От толпы, шагающей по ним,
От ключей, где мёртвая вода,
От любви вождей к своим живым.

Предостереги от неудач,
И от серых, беспросветных дней,
От столов, где вместо смеха – плач
Да озноб, от траурных огней.

От закрытых жадностью окон,
От того, кого бы невзлюбил,
И чтоб реже поминальный звон
И не жало сердце от могил.

2000 г.

Ничто не вернётся на круги своя...

Ничто не вернётся на круги своя,
Разорвана цепь, между мною и мною,
Ни справа, ни слева, всё это не я,
Я где-то отстал, не поспел за собою.

И тот, что ушёл в непроглядную ночь,
И тот, что остался с тенями заката,
Всё это не я, мне уже не помочь,
Я там, где дожди не пролились когда-то.

Я выжженный лес, шелест мёртвой листвы,
Растаявший снег, откружившая вьюга,
Растерянный крик заплутавшей совы,
Сухая пустыня, не знавшая плуга.

Я русло давно затерявшихся рек,
Ненайденный брод, берега без причала,
Я пустошь глубин, я растраченный век,
Уставшая тишь без конца и начала.

Всё лучшее написано и сказано

Всё лучшее написано и сказано,
Все лучшие почили – вышел век.
Нам не дано, а свыше не предсказано,
Когда и где окончит время бег.

Мы ждём – кто день, кто год,
кто полстолетия…
В трущобах настежь, в замках жжём мосты,
То травимся, то ищем долголетия,
То вдруг бежим в объятья пустоты.

То грезим – кто чертами, кто чертогами,
Кто чёрными краюхами как смоль,
Кто ливнями, что смыли боль дорогами,
Забыв того, кто принял эту боль.

С утра грешим, чужие лица бликами
В чужом пиру мелькают как в бреду.
А к ночи молим Ангела пред Ликами,
Укрыть крылом да отвести беду.

Мари Гардэ

г. Пенза

Там, где заканчивается одиночество...

Скользнёт в окошко первый луч –
и сон взлетает призраком.
Проводишь пальцем по стеклу,
рисуешь счастья «признаки»:
Стрелу с сердечком, мотыльков…
и глупо улыбаешься –
Прошла по городу любовь
и зацепила краешком.
Теперь боишься сделать вдох:
так хрупок миг рождения!
Забыла всё, что было до,
как дурочка блаженная.
Две чашки кофе, сливки, тост…
нет, два! И джем малиновый.
Твой быт банален был и прост,
и даже не молила ты,
Чтоб тот, единственный, встречал,
и дом стал тихой гаванью,
А сон у милого плеча
сравнился с дальним плаваньем.
Какие чёртики в глазах,
в движениях раскованность,
И ночью сладкая слеза –
не знала про такое ты.
Теперь пошли минуты вспять:
от нежности – до нежности.
И поворот, и взгляд, и стать,
и кожа белоснежная,
И в зеркалах не ты – она –
красивая, без возраста!
В мужской рубашке у окна
расчёсывает волосы.

Не корми моего дракона

Не корми моего дракона,
он спокоен, пока лежит
Запелёнут, замотан в кокон,
что плету для него всю жизнь.
Этой твари потрафишь только –
кинешь зла и обид впроброс, –
И уже не нужна винтовка –
не берёт его серебро.
Не пытайся рубить осину –
не вобьёшь сквозь броню сучок,
Зверь имеет такую силу,
что не видел никто ещё.
Он нажрётся беды-несчастья
и смакует мою слезу, –
Каждый раз в ненасытной пасти
прорезается новый зуб.
Нет у гада от зла отрыжки –
переваривает еду –
Как насытится, сносит крышу,
бьёт под дых, вышибает дух,
Изрыгает не слово – пламя, –
рушит всё на своём пути,
Словно туча встаёт меж нами,
запрещая сказать «прости».
Разве нам не подвластен разум?
Сколько стоят покой и мир?
Зверя можно прикончить разом –
навсегда перестать кормить!

Если бы...

Зальдило мой порог, мороз закрасил стёкла,
Паук засох в углу, грехи не досчитав.
Казалось, столько мог…
теперь и кофе тёплый,
И кот не в меру глуп, и пёс не моложав.

Прости, моя весна, тебя теперь не вспомню.
Не слышен смех гостей…
он смолк давным-давно.
Заблудшие во снах
про жаркий южный полдень
Фантазии, и те – бесцветное кино.

Нет красок у картин на потускневшей плёнке.
От чёртовых колёс лишь чёрные столбы.
Взметнётся листьев клин почти одушевлённо,
Зашепчет – безголос – о том, что если бы…

Но «если бы» прошло.
Сжигает листья дворник.
Струится белый дым неяркого костра.
Не стало даже слов и мыслей непокорных.
Снега мои седы, пронзительны ветра.

Марина Демчук

г. Серов, Свердловская обл.

РЕЧНЫЕ АНГЕЛЫ

***

На шаткие качели
сосновых игл
два ангела слетели
на краткий миг.
Два облака проплыли
как миражи…
Один расправил крылья,
другой сложил.
Как раньше в поднебесье
не повстречались?
Всего-то были вместе –
пока качались…
Июльский зной живицей
стволы оплавил…
Один сложил, как птица,
другой – расправил.
Ах, где мы нынче, кто мы?
Унёс закат
две тени невесомых
за облака.

***

Теней синева и солнечный свет
в снег между соснами вплетены.
Из-под неплотно сомкнутых век
верба следит за приходом весны.
И, до свободы считая дни,
пульсом живым средь холодной тьмы
бьётся река, и струя звенит
в своды её ледяной тюрьмы.
Млея, белея под ярким лучом,
кошки зимы подставляют бока:
боязно, щекотно и горячо…
кап... кап... кап…

***

Разрушенный причал для паука
становится уже обычным домом:
он споро паутиною заткал
подгнивших досок чёрные проломы.
А если вдруг расходится волна
и бьёт в причал, сердитая, седая, –
на брызги разбивается она,
и капли в паутине оседают.
О маленький богач, ловец волны,
твои тенёта серебром полны;
но первый шторм тебя легко смахнёт,
не пощадив ни дома, ни тенёт…

***

Отразился в реке весь безоблачный день –
с синевою и солнцем, разбрызганным щедро.
Лист ивовый, играючи сорванный ветром,
напоследок купается в синей воде.
Золотистая спинка в стремнине видна…
Он не понял ещё, как вода холодна.

***

Козлёночком – из козьего копытца,
а мне хотелось досыта напиться
из ямки под осеннею осиной,
где в землю след впечатался лосиный, –
и стать лосёнком, чтоб в лесном завале
мои следы вот так же узнавали,
по летнему иль зимнему пути
чтоб ты однажды смог меня найти.
Мы встретимся… да вот одна беда:
ты воду пил из волчьего следа.

***

Ночь под куполом неба сиренево пляшет.
Ловит луч проводов перекрестье.
Мгла стекает за край опрокинутой чаши,
затопляя предместья.
В жёлтом круге фонарного света
ночь позёмку полощет
и нелепую тень доходяги-поэта,
словно вросшую в площадь.
И глядит, насмехаясь, плясунья, как снизу –
заморочен, растерян, заснежен –
божий шут позабытую ищет репризу
в освещённом манеже…

***

Берёзовый, белый, сквозной, молчаливый.
Ни птицы, ни ветра, ни шороха листьев.
Сентябрь, словно вор, проходя торопливо,
от звонкой монеты все ветки обчистил.
Но Бог синеву, как накидку, набросил
на лес, что так подло ограбила осень.

***

Так сладко плачется сосулькам,
так пальцы солнца горячи,
смешно капели в лужах булькать…
Весна смеётся без причин.
И даже если вдруг заплачет,
набив синяк о гололёд,
то это ничего не значит:
погладит ветер – все пройдёт.

***

У ветра повадка лисья –
и клык наостро, и коготь.
Выводок жёлтых листьев
перебежал дорогу…
Где для птенцов осенних
от холодов спасенье?
Оторвались от стаи.
– Детки, что с вами сталось? –
осень цыплят считает…
А скольких – не досчиталась…

***

Ни свату, ни брату, ни чёрту, ни Богу,
как левый ботинок на правую ногу.
Ничей. Никому. Ни отцом и ни мужем.
Другим неудобен, с собою не дружен.
Всё в жизни не так, не тогда и не то.
А смерть скрупулёзно подводит итог.
И в этом итоге – поэт: гениальный,
шальной, аморальный,
капризный, скандальный.
Ни нравом. Ни внешностью. Ни теплотой.
А мир без него – сирота сиротой.

***

Чтоб согреться, деревья руками трясут
в обжигающий холодом воздух,
но сквозь ветер они осторожно несут
опустевшие лёгкие гнёзда.
Ждут осенние гнёзда весенних птенцов,
не желая с зимою мириться.
За снега, за моря их доносится зов –
и всегда возвращаются птицы.

Ирина Ежова

г. Новокузнецк

Девочка-волк

Хорошо ты себя причёсываешь
да приглаживаешь…
Повернёшься – ну прямо девочка-паинька.
Только тот, кто внимательно
в тебя всмотрится,
Видит волчьи глаза твои изжелта-карие…

Только тот, кто смотрит внутрь,
а не поверхностно,
Только он лишь суть твою сможет выведать.
Улыбнёшься ты скромно, даже застенчиво.
Да клыки твои тебя острые выдадут.

Ты всегда со всеми приветлива и участлива,
Да вот только затронь –
и повеет могильным холодом…
За родных своих
и друзей своих расстараешься –
Вспорешь глотки,
сочтя это веским доводом.

Хорошо ты просто воспитана,
милая девочка,
И натуру свою в узде
ты звериную держишь.
Дыбом шерсть, и глаза свои дико-волчьи
В отраженье зеркальное
прячешь и холодеешь.

Гранатовый браслет

Я свернусь для тебя в кулон:
Надевай меня и носи.
И спасу я тебя от бед,
И укрою от тёмных сил.

Я как волк – почую врагов.
И оскал им свой покажу…
И не дам я в обиду тебя.
Ни своим, ни чужим, никому.

Я как тот неказистый браслет,
Из шести бордовых гранат…
Моя жизнь так похожа на то,
Что герой Куприна испытал.

Возвеличивать и воспевать…
Всё, чем я могу оплатить…
Драгоценный мне Бога дар –
Возможность тебя любить.

Капитан

Он говорит: «Капитан, зачем вам война?
Ваш корабль похож на старый дырявый бак.
Посмотрите на ваших матросов: из них
Каждый третий – трус.
Четвёртый каждый – слабак.
Дайте руку, скорее же, мой дорогой капитан!
Я вас выведу в место,
где вечно тепло и светло…
Оставляйте корабль, зачем вам эта борьба?
В ней за годы столько бойцов полегло.
Я же вижу, повыбит мех, и мундир не тот…
Вы устали… Сложите уже ружьё…
Отпустите матросов. Не мучайте больше их.
Пусть они получат каждый уже своё…
Капитан презрительно так смотрел:
«Ах ты дьявол! Старый паршивый чёрт.
Убирайся в ад. К таким же своим чертям.
Мои люди – каждый на перечёт…»
Капитан команду отдал бойцам:
«Драить люки!
Свистать всем на самый верх.
Не сдадим корабль наш никому.
Только крысы бегут
трусливо и раньше всех».

И матросы выстроились в плотный ряд
(Клетки знали – лечение к ним идёт).
Капитан в ответе за весь организм…
Вместо страха надежду он подаёт…

Про Маяковского

Я обещала стихи не писать.
И видишь, как не сдержала слово.
Для меня всё, что касается тебя, –
Непонятно… Несдержанно… Нетолково.

Меня спасает одно лишь то, что
У всех великих людей была муза.
Я Маяковского привожу в пример…
Для него любовь не была обузой.

Он – громадный, жилистый Эверест.
Сердце его как глыба железная.
Как он хотел, чтобы Лиля его
Была с ним мягкая… женская… нежная.

Его, вершителя звёзд,
Громкого покорителя зимней стужи,
Закрывали на кухне на ключ, когда
Лиля в спальне уединялась с мужем…

Как он сносил это?.. Как терпел?
Жилистая эта громадина.
Как не выламывал хлипкую дверь.
Как не кричал: «Убью тебя! Гадина».

Я не писатель. Я, помнишь, маяк…
Свет мой для всех не ярок.
Я не Володя… Но знаю давно:
Любовь – это Божий подарок.

Старое пальто

Я – размазня. Я – старое молевое пальто.
Ты приходишь. Меня надеваешь.
И говоришь, что я без тебя никто…

Ты презрительно шепчешь:
«Ну что за тоска? Что за вид?
Дыры и те полиняли».
А у меня в плечах и где пуговицы болит…

Я не люблю тебя в гневе.
Ты страшен как ураган.
Швыряешь меня и орёшь:
«Продам тебя, к чёрту, продам!»

И вот я в ломбарде.
Мне страшно. Я – молевое пальто.
Меня не возьмут и не купят
В ближайшие лет эдак сто…

Вдруг рядом со мной говорят:
«Мне это пальто заверните.
И будьте поаккуратней.
Смотрите, его не помните!»

Я еду, в пакете свернувшись.
От страха подкладка дрожит…
Сейчас распакуют, примерят,
Увидят убогий мой вид…

Вот дом. Достают из пакета
Меня как ценный товар.
И бережно так надевают,
Как никто ещё не надевал…

Я вскрик восхищения слышу:
«О Боже, какое пальто!
Я в нём – дворянин, англичанин!
Я – лорд… И не меньше того!

Тебя я носить буду редко.
Почищу, повешу в свой шкаф.
Ну, может быть, только на праздник.
Вместе с рубашкой в шелках».

Кричу я: «Носите! Носите!»
Мне всё ведь ещё невдомёк…
За все мои 30 лет
Меня так никто не берёг…

Не отвечено

Вот что бывает, когда наизнанку душа…
Когда выпиваешь тонну полусухого.
Когда сообщение прочитано,
но не отвечено.
Ты сердце открыл…
А тебе же в ответ – ни слова.

Когда так бомбит,
что в высоких окопах не скрыться.
Дрожь в голове и в ватных моих ногах.
Я столько раз хотела забыться,
Что распята за это
на всех известных крестах.

Как человек, прочитав,
может вдруг не ответить?..
Раньше такое было мне невдомёк.
Но я ведь взрослею…
И, в общем, не глупая девочка.
За тысячу раз можно усвоить урок.

Когда нет ответа, значит, тебя не помнят.
Не ценят. Не любят. И точно не берегут.
Нет. Нет. Я не злюсь. Какое имею право?
Я трубку на твой звонок
больше не подниму…

Просто текст

Я хотел бы тебя обнять,
Но я просто текст…
Тридцать три алфавитные буквы.
С пробелами или без…
Я тянусь к тебе всеми дефисами и тире,
Через весь земной шар.
Мегабайтами фраз во тьме.
Ты прими меня, ты пойми –
я конструктор слов.
Я не знал ничего,
кроме ямбовых этих оков.
Да местами я вычурен, слишком криклив.
Но едва я вижу тебя, я смущённо затих…
Мой хозяин – поэт… алкаш…
Хлещет водку, вино и ром.
Я бы бросил его, но знаю:
Не выдержит, кончит дном…
Если б он не вдыхал в меня жизнь,
Не строчил бы строку за строкой,
За ним бы давно пришла
Та самая гостья с косой…
Я хотел бы тебя обнять,
Но я просто текст.
Не могу согреть, но зато
Могу рассказать:
Каждый вечер он письма шлёт…
Только глупый огонь
Хоть ты тресни не может их прочитать…
Вроде умный хозяин, толковый.
Но что за беда?! Как не может понять,
Что в камине они не дойдут никогда!!
Он сжигает и пишет…
Заливает тетради вином.
Хлещет водку. А в промежутках – ром.
Пламя лижет буквы, строчки, слова…
Я всего лишь текст…
Мне тебя не обнять никогда…

Человек-маяк

Я не писатель… Куда мне…
Просто конструктор слов.
Старый скрипучий маяк…
Проектор для твоих снов…

Открываю грудную клетку…
Достаю свою лампу-сердце…
Протираю, вставляю обратно
И на ключ закрываю дверцу.

Я немая башня со светом…
Руки мои – лучи.
Убери ладони, открой глаза…
В темноте никогда не кричи…

Я буду стоять сто, двести…
Захочешь, хоть триста лет.
Я твой сигнальный огонь…
Жизни твоей амулет.

Если тьма случится повсюду…
Если некому будет согреть.
Вспомни… маяк – человек…
Будет тебе гореть…

Страницы автора
pisakaezhova.blogspot.ru
vk.com/pisakaezhova

Сергей Еромирцев

г. Санкт-Петербург

Время ходит пешком

Время ходит пешком –
и планета злорадно смеётся.
Ей плевать на хранилища
некогда гордых костей.
Над затихшей империей
коршун истории вьётся,
И мамаши с тревогой
домой загоняют детей.

Ещё только начало,
и плебс ещё сыт и беспечен.
На границах враги
ещё прячут оскалы мечей.
Время ходит пешком.
Его путь черепами отмечен,
И зигзагами молний,
и чёрным железом ночей.

Океаны дрожат
в предвкушении бури столетия,
На лице небосвода
бесшумные росчерки птиц
Время ходит пешком.
Поднимается солнечный ветер,
Начиная этап передела
привычных границ.

Дом

Дом слышал всё. Вечернюю молитву.
И голос хриплый пьяного отца,
Дрожащего, с притупленною бритвой,
Не видящего в зеркале лица.

Он слышал шёпот ветра в тополях,
И на реке предутренние плески.
Надсадный зуд пузатого шмеля
В тяжёлой паутине занавески.

Дом жизнь хранил. Потрёпанный годами.
Глаза больные ставнями прикрыв,
Он мир непрочный подпирал стена́ми,
Фундамент в землю русскую зарыв.

Смелела мышь, точила половицы,
И галки поселились на трубе.
Давненько не варили чечевицы
В покинутой потомками избе.

Дом позабыл весёлый голос мамин,
В её кровати дремлет тишина.
Он незаметно стал воспоминаньем,
Обрывком недосмотренного сна.

Но он всё ждал, подслеповато щурясь,
Щетиной зарастая сорняков.
А новостройки, нагловато хмурясь,
Совсем не замечали стариков.

И я, как он, заброшенный, бесхозный,
Не раз судьбою битый наповал,
Его по тайным знакам узнавал,
И радовался, что пришёл не поздно.

И вот уже подстрижен и подлатан,
Расправив стены, вновь хорош собой,
Дом, прикурив от головни заката,
Дымит нещадно новенькой трубой.

Не стыдно перед дедом и отцом!
Ухожен двор и перекрыта крыша.
Приблудный кот царапает крыльцо.
Живёт мой дом! И всё, как прежде, слышит!

Бессонница

Ночь притаилась за окном.
Касаясь влажно занавески,
Слезится небо. Нынче в нём
Так мало глубины и блеска.

Ночь беспокойна. Ночь пьяна.
И темнота всё глуше, тише…
Тень ускользающего сна
Скользит по отраженью крыши,

Измерив вдоль и поперёк
Притихшей комнаты пространство,
И бесконечности порог,
И нестабильность постоянства.

***

Вот и всё. Полыхнуло, погасло.
Загустел и остыл окоём.
И заполнило жёлтое масло
Запотевший оконный проём.
Стариковски кряхтит половица.
Робко тренькнул и замер сверчок.
Утащила полночная птица
В тёмный лес облысевший смычок.
Тянет прелью из пасти подвала,
Толстый чайник беззлобно ворчит,
Громко пахнет нагретым металлом,
И на вкус даже воздух горчит.
Согревая в дырявом кармане
Долгий счёт безвозвратных потерь,
Я дремлю на скрипучем диване.
Дует месяц в открытую дверь.

***

Рыжий кот, обломок янтаря,
Капли солнца на вечернем платье,
Лёгкий привкус летнего объятья,
Горький смех начала сентября.
Дробь рябины, города тиски.
Под ногами небо расплескалось
И берёзы ржавые листки,
И в душе непрошеная жалость.
Ангел мой, ты проводи меня
Через ночь знакомою тропою,
Как ведёт усталого коня
Мальчик ясноглазый к водопою.

***

Негромко. Грустно. И тепло.
Душа прошла
Между берёзовых стволов
На край села.

Закат затеплился едва,
Да прогорел,
И побуревшая трава
Вся в серебре.

Из прохудившейся трубы
Сквозит дымком.
Растут фонарные столбы
Косым рядком.

И бабка, руку поднеся
К больным глазам,
Незряче смотрит в небеса.
И осень там.

Игорь Колесников

г. Ангарск, Иркутская обл.

Я пущенная стрела

Я пущенная стрела,
Я чей-то всесильный рок.
Как долго я свой рывок
Ждала!

Я пущенная стрела
С приказом: «Вперёд лети!»
Тверда я в своём пути –
Скала!

Я пущенная стрела.
Я как палача топор.
Какой тетива напор
Дала!

Я пущенная стрела,
И мой не прервать полёт.
Тому, кто сейчас умрёт,
Хвала.

Я пущенная стрела.
И песней в последний миг
Послушать предсмертный крик
Звала.

Я пущенная стрела.
О жертва, меня прости…
Я, только чтоб смерть нести,
Жила…

Симфония дождя

Ветер начал с увертюры,
Робко тишину нарушив.
Шелест листьев партитуры
Долетел от старой груши.

Зазвучали маракасы –
По стеклу стучали ветки.
Скрипкой взвизгнула два раза
Дверь балкона у соседки.

Оборвали песни птицы,
Чтобы выступил маэстро:
Должен дождь вот-вот пролиться!
Вот своё он занял место…

И тотчас коснулись клавиш
Капли, быстрые, как пальцы.
Закрывай глаза, представишь,
Как поют зонты-скитальцы.

Как звучат, узнаешь, крыши,
Подоконники, скамейки.
Вон труба вступила, слышишь?
Изливает воду лейкой.

Ох, раздолье для ударных
Тарабанить по тарелкам!
От ударов одинарных
И до дроби мелкой-мелкой.

Музыки апофеозом
Грянет гром гигантской бочкой!
Быстро иссякают грозы…
Бег ручьёв поставит точку

Нежным говором свирели.
Всё! Концерт дождя окончен.
Снова птицы загалдели –
Это шум оваций, точно!

Андрей Коровёнков

г. Домодедово

Генеральная уборка

Пока зима, мороз, сугробы горкой
И дел не так уж много на виду,
Затею генеральную уборку
И в голове порядок наведу.

Поднакопилось, думаю, там хлама
Да мусора на три грузовика.
И тараканов тьма. Открыть бы рамы,
А то ни ветра нет, ни сквозняка.

Уборка – дело нужное. От скуки
Проверенный бальзам. Увы и ах:
До головы всё не доходят руки…
И не хожу давно я на руках.

Начну не вдруг. С опаской. Осторожно.
Перетряхнуть все мысли? Не вопрос.
И станет светлой голова. Возможно.
Не только белизной седых волос.

Нет. Как-то страшно. Я сначала в ванне
Немного полежу. Потом в тиши
С любимой старой книгой на диване.
А уж тогда… Быть может… От души!

Лень. Подожду, покуда краски лета
Расцветят ныне хмурое окно.
Но… Пыль сотру. Со старого скелета,
Забытого в шкафу давным-давно.

Натворить чего-нибудь…

Выцветшее за́ день небо
Запылённым лоскутком
Разлеглось небрежно. Мне бы
По нему да босиком
Пробежаться без оглядки
На условность бытия.
Поиграть с закатом в прятки.
С громким криком «Вот и я!»
Запустить в его румяна
Горсткой первых робких звёзд.
С бравым видом хулигана
Ухватить за длинный хвост
Беспризорную комету.
Хвост за месяц зацепить.
И до самого рассвета
Бесшабашно колесить
По ночному небосводу
Над огнями городов…
Разве это не свобода?
Только… я к ней не готов.
Возраст. Право, наказанье!
Статус… Только вот в чём суть:
Настигает вдруг желанье
Натворить чего-нибудь!..

Миролюбивое

Не сверли ты меня взглядом пристальным.
Слишком долго мы громко молчим.
В чём сомнения? Ныне ли, присно ли
Для упрёков нет веских причин.
    Даже если и есть основания,
    Доказательства мнимой вины,
    Всё равно – в землю штык! А братания
    Интересней холодной войны.
Ну а если война – пусть уж явная.
Атакуй и громи в пух и прах!
Бей по фронту и с флангов. Но, главное,
Без бойкотов, роялей в кустах.
Хватит вечера – наатакуемся,
От души накричимся «ура».
Перемиримся. Перецелуемся.
И спокойно уснём. До утра.
    Нет резона молчать оглушительно
    До надрыва, до звона в ушах.
    Что касательно, то относительно.
    Мир? Я первым готов сделать шаг.

Владимир Литвишко

г. Ессентуки

Вновь пора на дворе, что отлично подходит к вину

Подышу на листочек
и ветру на память отдам.
Пусть, забрав у меня,
как желанный автограф уносит
эти несколько строчек,
итогом прожитым годам,
окантовкою дням,
в золотисто прекрасную осень.
Вновь пора на дворе,
что отлично подходит к вину,
где и белое впору,
и красное столь же уместно.
Коль этюд в сентябре накропаю,
под ноги взглянув,
он утонет в повторах,
природой отмеренных честно.

Всё же нужно найти
пусть пяток незатасканных слов.
Поищу по округе
желанно искомое нечто,
ощущая в груди
грусть промокших кирпичных углов
квинтэссенцией круга,
в который стекается вечность.
Накрошу осенизмов,
добавлю карминостроку,
дожделивневых струй,
ощущение светопотери.
Ренессанс с маньеризмом,
сойдясь, навевают тоску.
Чуть горчит поцелуй,
что замешан на гаснущей вере.

Дождь, как выстрелом в тире,
пометит касаньем воды.
Повстречавшись в пути,
восхищённо захлюпают лужи.
И, как главный арбитр,
мне кивнёшь ожидаемо ты:
как всегда убедив,
что любим, вне сомнений, и нужен.

Осень поздняя. Дождь. Непогода

Осень поздняя. Дождь. Непогода.
Выдул ветер остатки тепла.
Оскудела, поблекла природа.
Прямо в лужах тропа пролегла.
Неказистые дни обступили.
Скрыто солнце до лучшей поры.
Снова насморки вырастут в силе.
Не увидишь футбольной игры.
Ребятня, отгалдев по округе,
осаждает вовсю Интернет.
Скоро взвоют холодные вьюги,
дым из труб поднимая в ответ.
Перемазаны грязью машины,
что летят по знакомым путям.
Мокнет обувь в расквашенной глине,
подчиняясь широким шагам.

У подъездов исчезли старушки.
Редко где – на верёвках бельё.
Обжигающий кофе из кружки
взвил бы вверх настроенье моё.
Задубел и застыл, как полено,
хорошо, недалече уже.
Вот и дом, что один во вселенной:
здесь легко и уютно душе.
Захожу. Раздеваюсь в прихожей.
Мою руки в горячей воде.
Как мурашки сбегают по коже
слёзки капель, спеша к темноте.
И на кухню, к столу за тарелкой.
Режу хлеб, налегая на нож.
Всё прошло. Огорчения мелки.
Вечер с милой привычно хорош!

В моём театре осень – режиссёр

В моём театре осень – режиссёр,
распределяя тексты по страницам –
то грусть пошлёт, что затуманит взор;
то влагу губ, которой не напиться.
Кроит сюжеты, строит антураж,
разбрасывая листья где попало;
мусоля, как художник, карандаш,
рисует жизни прожитой начало:

где подчеркнув, где осветлив слегка,
штрихами скрыв ненужные ошибки;
вдруг выпрямляет путь наверняка;
сопроводив вдоль авансцены хлипкой.
Просматриваю, словно сериал,
завёрнутый в шагреневую кожу,
всё, что Всевышний мне когда-то дал,
чтоб отличить и сделать непохожим.

Шагаю вдаль по вымокшим мостам,
озёра лужиц огибаю ловко.
А город, с тротуаров чуть привстав,
корит опять с ухмылкой и издёвкой,
без снисхожденья требует ответ:
какого, наконец, рожна, мол, надо?
И капли дней стекают вновь след в след –
добычей, наказаньем и наградой.

Кончается осень устало

Кончается осень устало,
шумящая в струях дождя.
Зима в этот раз запоздала:
появится чуть погодя.
Лишь дверь отделяет от мира,
но служит преградой всему.
Без яркости красок квартира
взлетевшей душе ни к чему.

Как странно, томительно, вязко.
В тех днях, что текут без чудес,
букетиков позднюю сказку
нам дарит таинственный лес.
Промокший сжимается вечер.
Чуть видно в бокалах вино.
Ты руки кладёшь мне на плечи,
смотря молчаливо в окно.

Вода всё бурлит, всё клокочет,
всё рвётся под кожу земли.
Покоя в бессонные ночи
мы раньше найти не могли.
Теперь же былое – обманно.
С годами сгущается кровь.
Из цепких объятий дивана
непросто вдруг вырваться вновь.

Царит телефона молчанье,
придавлен он спящим котом.
Прижалась к подмоченным зданьям
горсть лужиц за каждым углом.
Смеркается. Время затишья.
Привычный пейзаж городской,
где звёзды повисли над крышей.
И тьма. И ноябрь. И покой...

Несколько строчек зимнего настроения

Забросала пороша
безлюдные тихие скверы.
Над горбами машин –
ни огня, будто в спячке дома.
Одинокие птицы
на белом пугающе серы.
Слишком редки кормушки.
Закрыты людей закрома.
Нет причины свистеть,
рассыпаться в заливистых трелях.
Им дожить до весны бы,
добычей не став для котов.
А по крыльям стучат,
точно градины, стразы метели.
Ожидают напасти
в провалах молчащих дворов.

Меж пластинками льда
утонули случайные крошки,
и непросто найти червячков
под застывшей корой.
Нет гуляющих мам,
с чьих им раньше бросали ладошек
ребятишки подкормку,
столь нужную этой зимой.
Лишь цепочки следов.
Хлопья густо летящего снега.
Мрак молчащих подъездов
и окон безликая тьма.
Город, ждущий рассвета
в рекламы мерцающих реках;
безразлично жестокий,
как холод, сводящий с ума.

Виктория Никитина

г. Калининград

А дождик всё льет

Вот декабрь, а дождик всё льет,
Календарь ему, видно, не в счёт.
Он снежинкам кружиться мешает,
Под ногами потоком смывает.
А они ко мне липнут и тают,
По щекам всё слезами стекают.
Ветер дует зло, дождь прогоняет,
Только зонтик из рук вырывает.
А навязчивый дождик всё льёт
И зиме наступить не даёт.

Зима пришла

Неторопливые снежинки
Легли на плечи и дома.
На окнах высохли слезинки.
Пришла нарядная зима.

Вчера тоска обуревала,
Когда на небе груда туч,
Лучам пробиться не давала,
Их будто заперли на ключ.

Свои у Балтики причуды.
Лишь свежий дунул аквилон,
Очистил небо от запруды,
И солнце заняло свой трон.

Зашоренная любовью

Я зашорена любовью.
И совсем я не глупа,
Даже в курсе: любовь зла,
И сполна сыта той болью.

К удивлению, не злюсь
На разбитые мечты
И размытые мосты…
Лишь со временем боюсь,

Что желание уйдёт
За любовью без оглядки
Плыть в волнах солёных, шатких,
Где герой меня найдёт.

Там рассудок не у дел,
А душа заколобродит,
Кровь вином по жилам бродит,
Там страстей шальных предел…

Ох, куда меня несёт
От тоски, коль в сердце лёд!
Может, шоры пора снять
Да фантазии унять?

Маревое чудо

Небо голубое, искрится лёгкий снег.
Время, не спеши так, замедли вечный бег.
Верю я в предчувствие чуда впереди.
В день такой прозрачный легко его найти.
Рядом оно где-то блуждает. Егоза!
Я его узнаю по искорке в глазах.
Маревое чудо разли́лось бирюзой.
Цвет аквамарина сгущался ледяной.
Месяц показался и вспыхнула звезда.
Чудо – озаренье. Ищи его всегда!

Александр Онищенко

г. Сертолово, Ленинградская обл.

Две вороны и орех

Из-за грецкого ореха
Две вороны подрались,
Сколько было вокруг смеха –
Ведь орехов – завались!

На дорожках, на лужайке,
На деревьях, что вокруг,
Но вот тот, что был в канавке,
Вдруг поссорил двух подруг!

Он на жёлтеньких листочках
В одиночестве лежал,
На его надутых щёчках
Муравьишка загорал.

Обе птички захотели
Съесть с орешком муравья,
Так кричали, так шумели,
Оказалось, что всё зря!

Прилетел вдруг старый ворон,
Совершивший тяжкий грех,
Он под дружный птичий гомон
Утащил с собой орех!

25 ноября 2017 г.

Булочка на асфальте

На асфальте булочка лежала,
Старичок остановился и молчал –
В его памяти война пылала,
Ленинград блокадный голодал…

Свой паёк разрезав на кусочки,
Всё до крошки собирала мать!
Нет, сама не ела – сыну, дочке
В рот старалась аккуратно класть!

Хлеб, как жизнь, так это равноценно
В тот военный сорок первый год!
Нынче булочка уже не ценна!..
До чего такая жизнь дойдёт?

26 ноября 2017 г.

Если б я умел рисовать…

Если б я умел рисовать,
То рисовал бы природу –
Горы, реки, морскую гладь,
В озёрах тёмную воду.

Я б нарисовал восход и закат
И, конечно, белые ночи,
Я б нарисовал грома раскат,
Запах моря и чёрные очи!

Я б нарисовал все свои сны,
Если б только смог их вспомнить,
Ну и конечно, свои мечты,
Чтобы потом их исполнить!

23 сентября 2017 г.

Елена Оскина

г. Люберцы, Московская обл.

***

Тишина над городом и выше
Держит невесомый палантин.
Даже если крикну – не услышат.
Во вселенной я совсем один.
Скучный, равно ангелу и чёрту,
Я иду, ссутулившись слегка.
А Луна скривила козью морду,
На костюм мой глядя свысока.
Не злорадствуй, без того уж ясно –
В этом мире нечего ловить.
Я из тех, кто прежде понапрасну
Что-то в нём пытался изменить.
Но, когда толкли мы воду в ступе,
Кто бы знал, что в жизни, как в кино:
Над любыми принципами вкупе
Воцарится принцип домино.
То, что разум возводил годами,
За секунду глупость сокрушит.
В прошлом всё… А может, и мы сами –
Только эхо чьих-нибудь обид?
Да и было ли оно, то время,
О котором стоит сожалеть?
Может, нас нарочно сводят с теми,
Кто всегда у сердца держит плеть?
Я устал и пьян – но этой ночью,
Кажется, рискнул бы и теперь,
Ради света в скважине замочной
Кинуться в неведомую дверь.

Мой самурай

Тело здесь, а душа
В побеждённой стране,
Той, где ты не спеша
Шёл навстречу ко мне.
Снова вижу твой взгляд,
Кровь на сильной руке.
Трое суток подряд
Мы давились саке.
Не решаясь спросить,
Допиваю стакан.
Между нами есть нить,
Что спасает от ран.
Зашивает она
И печаль, и тоску,
Если грусти волна
По огню и песку
Пронесёт невзначай.
Мы сбежим от неё.
Не про нас, так и знай,
Прокричит вороньё.
Ну же, пей за любовь,
За поруганный край
За который ты кровь
Про́лил, мой самурай.
Понимал, что вот так
Не спастись от оков.
Сакабато – пустяк
Против пули врагов.
Но друзьям невдомёк
Было верить в финал.
И жестокий курок
Их пути оборвал.
Ты поэтому пьёшь,
Заглушая вину.
Завтра снова уйдёшь
От меня на войну,
И докажешь в бою
Силу ваших мечей.
В этом вечном строю
Ты и мой, и ничей.
Пусть эпохи летят,
Не оставив следов,
Я сбегу наугад
В дикий рай сладких снов,
Где любви суждено
В омут пасть с головой.
Там меня в кимоно
Ты встречаешь живой.

Сергей Протянов

с. Красавка, Саратовская обл.

Итог жизни

Мой краток путь земной –
В полвека уместился!
Шёл скользкою стезёй,
Не в тот я век родился!

Взошла звезда – не та,
Нет нити путеводной…
Что жизнь? Одна мечта,
Взгляд нищего холодный…

Бархат чёрных глаз…

Я подарил бы Вам стихи,
Я подарил бы Вам сонеты,
Забыл бы старые грехи,
Всё то, что было на планете.

Пусть этот бархат чёрных глаз
Дорогу указует вечно,
И солнца луч вдали угас,
И звёзды обнажила Вечность…

***

Пройдут года, пройдут века –
Сотрётся память обо мне,
Останутся мои стихи,
Написанные при луне…

***

Вот время сузило донельзя
Тот мир, в котором я живу
Команда вдруг: «А ну-ка, целься!
Огонь! По тем, кто на плаву…»

***

Нет места на Земле
Душе бродячего Поэта,
Оставит он в золе
Тень сладкозвучного сонета.

***

О бесконечность мироздания,
О недосказанность стиха,
О музы лёгкое дыхание,
О непослушная рука…

***

Нет правых и нет виноватых –
Пред Вечностью все равны,
Не стёрты на душе заплаты –
Через прорехи звёзды видны…

***

Когда вдруг слово за душу возьмёт,
И вцепится в твой мозг как клещ –
Тогда душа отправится в полёт,
Пробив в обыденности брешь…

***

Звенит весёлая капель.
Как гимн весне
Лукавый юноша Апрель
Шагает по земле…

***

Уходит почва из-под ног –
Я перестал писать стихи,
Лишь тот, кто на ветрах продрог,
Поймёт, что значит страсть души…

***

Осталась в прошлом жизнь моя,
Когда был молод, независим.
И непроторенной легла стезя,
И был неведом, незнаком
Хрустальный блеск холодных истин…

Больше произведений автора по ссылке
www.stihi.ru/avtor/serg40200841239

Юлия Санникова

г. Санкт-Петербург

***

Мальчик с лицом страдальца,
Рыцарь с упрёком миру,
Капал огонь на пальцы,
Любо стрелять по тиру!
А на родине пророков
Ветер слабел от камней,
В горной тени на Востоке
Отражение видней.
Вечный город обесточен,
С током сердца гаснет взгляд,
В темноте здесь чёрт хохочет,
В поднебесье рвётся град.
Ветхим платом в глубь вселенной
Падал мир, взлетал орёл
И кружил, светлели тени,
А за ними странник брёл,
Мальчик-рыцарь в латах боли,
Сжато древко от копья,
Улыбнулся, точно воли
Набирался вырвать «я»
Из объятий злой юдоли,
Мойры сети судеб шьют,
Не избегнуть вечной доли,
А в земной любовь найду.
Золотой колчан и стрелы
Прямо в солнце – остриё,
Рисовали утром мелом
Дети прошлое своё,
Был там воин, путь и стража
У подножия горы
И забытая поклажа
Счастья пришлой детворы.

2017 г.

***

Мы дальние люди, от всех далеко,
за солнцем запрятаны лица,
во времени выжить не так и легко,
неслись до конечности птицы.
Кричали и плакали – в горы и высь
до самой высокой надежды,
А радуга мира, упав до листвы,
сомкнула у вечности вежды.

Не думайте, ветер не бьёт по устам,
а утром так жалобно пели
гагары на серых колючих кустах
в свои золотые свирели.
Мы ждали отрады, а выпал лишь снег,
растаял от первого солнца,
Не смерить ни боль, не измерить и бег,
а выпить придётся до донца.

Мы нищие мира и радости боль,
устали играть в вашу сказку,
на раны нам сыпали мира юдоль
с обещанной вычурной лаской.
А мы всё стояли. Продрались сквозь ложь
и вынули меч различенья,
Здесь вызрела ранняя сладкая рожь,
её запекали в печенье.

И всем раздавали. Кому на приют,
кому на подачку убогим,
а утром гагары о горе поют,
как будто о счастье двуногим...

2017 г.

***

На том конце земли – любви закат,
И мальчик-воин со щитом и в латах,
Уволенный из мира, вышел в сад
С мечом в руке в ржавеющих заплатах.
Я вижу боль в изгибе юных губ,
И плач по неразгаданному счастью,
Не довелось… любить, пока могу
В закатное набрасывая снасти,

Молчать…
А там, в двух тысячах годах земли
Кричать…
Юдоль в реке печали прячет лик
Святого,
Или идола встречать
войны…
Ему наёмники всегда верны.

А мне верна раздольная печаль…
Из злого мальчика лепили воина,
А в глубь миров насельники кричат
О жизни, в корень древа мира встроенной…

Кому раздор, иному сладость злата,
Война…
война людей и ожиданий, дум,
По крышам слёзы падали покатым,
А по земле пути к исконному ведут,

Мы плакали здесь…
с нашим братом,
На пять минут отпущены из плена,
Секунд, идей и денежных купюр,
Застыла на песочных пляжах пена
Рисунками, описанными словом «сюр».

Сюрреализм и давние надежды,
Полсотни лет мы выплакали прежде…

2017 г.

***

Снег сегодня тает быстро,
Словно хочет убежать
От земли ручьём игристым,
Лужиц новых нарожать.
Нынче молятся святые,
Утром бой и сводки зла,
Плач стоит, воронки стынут,
На душе и в поле – мгла.
В царстве выживших роптали,
Ветер-трудник мёл поля,
И с листвою облетали
Ветви-руки. Умолял
Каждый встречного о счастье,
И в бетон одетый миг
Наполнялся грубой страстью,
Словно к ней давно привык.
Снег растаял и расплавил
Грязи тёмных городов,
Никому здесь нет ни славы,
Ни позора. Груды слов
Грудь душили, пластик выжил,
Сжал пространство, жизнь и вздох.

Там вот утро звёзды слижет,
Разбросают хлебных крох
Искупительную меру
На обочине дорог.
Поднебесные химеры
Не пускали за порог.

Здесь ведь край победы вечной,
И солдатская страна,
Заливался болью кречет
Точно боль, как жизнь, одна.
В первом крике той атаки
Шёл Иван – Иванов друг,
Шёл на сме́рть и выжег знаки
Жизни новой старой вкруг.

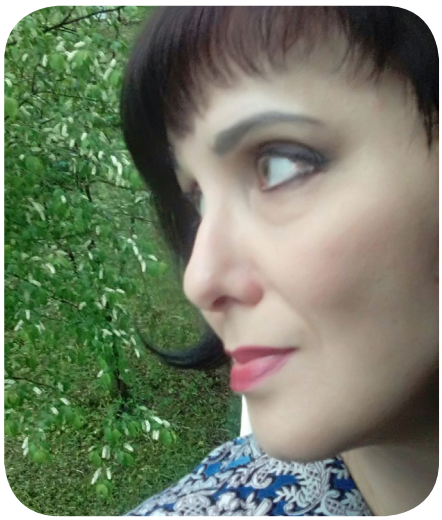
В недоступном отраженье,
В непроглядном Наяву,
Оживали мёртвых тени
Бессловесный вынув звук,

И пронзительную песню.
Жизни глас сильней веков,
Счастье здесь из веры. Треснул
И у мрамора покров.

И тяжёлый слой тумана,
В нём всё так, как было там
В прошлом веке – веке странном,
Веке страшном.
Пал обман...
и осталось отчужденье
Мир. О мире. Ложь и плен.
И с надеждою хожденье
вкруг безумных перемен.

2017 г.

Больше произведений автора по ссылке omiliya.org/author/yuliya-sannikova



Лилия Слатвицкая

г. Владимир

Немного о дверях

Стучаться лбом в захлопнутую дверь –
нелепей нет занятия на свете…
Тем паче, что за дверью – суховей
по выжженной пустыне безответья…
Бесцветье лет, бесснежье жутких зим,
календарей спрессованные даты,
а лучший лекарь вечно тормозит –
опять заснул под ёлочкой, поддатый!

Сквозит… сквозит навылет… На износ
моторчик слева дёргается тонко…
Песком у двери высыпан вопрос:
«А вдруг?»… И «Почему?» – ему вдогонку.
И что ж так сладко, сладко, боже мой!
долбить её челом, кровавя густо,
не понимая битой головой,
что там, за нею – пусто… пусто… пусто.

Не видеть стен, проросших трын-травой,
не слышать колокольного «Доколе?»
что хрипло издаёт звонок дверной,
но на него не выйдут… не откроют…
Мусоля память – кладбище потерь,
клепать и клеить старое корыто,
не замечая по соседству дверь,
что для тебя давным-давно открыта.

Текстильно-геометрическое

Есть человек. И он тебя не любит.
Он существует где-то вдалеке,
и утром не твои шальные губы
к его колючей тянутся щеке.
И не твоя ладонь скользит по складкам
сатиновой измятой простыни
на край кровати, чтобы там украдкой
его прикосновеньем подразнить.
…И ты, всё это представляя ясно,
Встаёшь… Затем, привычным взмахом рук
ныряешь, как в бассейн, в халат атласный,
идёшь, включаешь чайник, фен, утюг…

А есть – другой. Он говорит, что любит,
и даже верит сказанным словам.
А у тебя… Как будто без прелюдий
дерюгой натирают старый шрам.
Ты гладишь креп… Тебе почти не больно.
Привычный, нерушимый быт, уклад.
Сюжет – не пресловутый треугольник,
а так… недорисованный квадрат.

Один день

Прошедший год…
Он был несносным:
то нёс пургу, то просто – нёс
куда-то влево, високосно,
с откоса, с насыпи, вразнос.
Он был жестоким и опасным:
бросался бедами, бросал
прицельно, в яблочко – напасти,
сшибал вестями наповал.
Он бил наотмашь – беспрестанно,
он бредил, вскрикивал, молчал…

Но всё же, знаешь, как ни странно,
я остро чувствую сейчас,
что в этом будто угорелом,
с цепи сорвавшемся году,
был тихий остров – день в апреле,
и я опять в него иду,
чтоб там пропасть на те пятнадцать,
у года отнятых минут,
где ты и я… Где длятся, длятся
слова, что этот год спасут.

Ольга Фляркoвская

г. Москва

Летом 16-го

Зной отпылал, и так прозрачен
Подсохший августовский сад.
Виднее стали стены дачи,
Окна решётчатый оклад,
Качели с узкою дорожкой,
Забор, смородины кусты,
Державный взгляд соседской кошки
С чердачной пыльной высоты,
Мои зачитанные книги,
Слегка продавленный диван…
Все тектонические сдвиги,
Экономический обман,
Теракты, войны, гарь бомбёжки
И чей-то пасмурный вердикт,
Что ветер нынешней делёжки
Раздует бурю впереди.
Угрозы тайной постоянство
В соседстве цифр календаря,
Столетней распри окаянство
Вокруг последнего царя.
Виднее плод в утробе века –
Иона в чреве у кита,
Вся беззащитность человека,
Всё одиночество Христа…
Мои неловкие попытки
Найти в душе покой, уют…
Непрочные живые нитки,
Которыми надежды шьют.
Стеклярус призрачных иллюзий,
Стаккато бусин дождевых…
Весь этот летний *ол инклюзив* –
Миф для сегодняшних живых.
Кривые петли у калитки,
Неровность плитки у крыльца,
Немая музыка в избытке –
Шкаф партитурный у отца…
Неоценимость передышки,
Блаженства летнего волна –
Его недолгие излишки
Уже освоены сполна.
Ах, эта летняя приватность
Простого дачного житья!..
Неповторимость, невозвратность,
Незащищённость бытия.

***

Обители, озёра, тишина…
Белёсая сентябрьская прохлада.
Наполнилась прибрежная волна
Медовой желтизною листопада.
На стенах дремлют сырость и покой,
Здесь речи умолкают отчего-то.
Осыпались древесною трухой
Бока на берег вынутого бота.
Короткая возможность просто жить,
День провести у озера и храма,
Безмолвие природы сторожить,
А на молитве первой вспомнить маму.
Горчинкой мха черничный пахнет лес,
У северных широт короче лето.
Последней паутины лёгкий блеск,
И тихие вопросы… без ответа.

«Псков – Москва»

Эх, Россия… сёла, огоньки,
В сизом небе жёлтые дымки
Изогнулись, что хвосты кошачьи…
Тянутся болота и леса…
Убранное поле, голоса
Стай последних кличут или плачут.
Зов могу я только угадать
Из окна вагона… Снова гать…
Семафор над лентою дорожной…
Станция с окошками в резьбе…
Малая зарубка на судьбе,
Тихий вздрог предчувствия под кожей,
Память крови – это ли не чушь?!.
Но когда едины все пять чувств

В странном узнавании и боли,
Понимаю, потому жива,
Что ломаю сердце на слова,
Словно хлеб октябрьской юдоли…
Псковщина! Родимая тоска,
Ломота у правого виска,
Туч стада и низкое давленье.
И внезапным всплеском – белый храм,
Белый конь и снега первый шрам,
И комком в груди – стихотворенье…

***

Алле Шараповой

Звезда моя цикорий[1] –
Платочек голубой.
Октябрь на Чёрном море.
Приморский день рябой.
Отброшена подушка,
Исписана тетрадь.
Остаток чая в кружке
Нет силы допивать,
Да голубь по перилам
Гули́-гули́-гули́…
Да брызги, как бериллы,
Да в море корабли.
И синенький цветочек –
Святая простота.
И сызмальства у дочки
Горчинка возле рта.
Виной всему окраска
Неяркого цветка,
Да съёмная терраска,
Да взрослая тоска.
И год идёт за годом,
И всё не рвётся нить,
И чтобы быть с народом –
Народом надо быть.
И ночи на терраске,
Где мухи и мячи,
И верно, для острастки
Ночной гудок звучит.
И синенький цикорий
Подмешан в лунный свет.
А море, море, море
Шумит – и горя нет…

[1] *Строка из стихотворения А. В. Шараповой «Длинная командировка».*

На смерть Евгения Евтушенко

Весна без солнца, что зима без снега,
И мокрый ветер дверью бьёт с разбега
И рвёт в тоске тугие провода…
И в кромке льда есть траурное что-то,
Ведь в грузовом отсеке самолёта
Поэт домой вернулся навсегда.
Он не прошёл окопов и ГУЛАГа,
Но ведал стыд сползающего стяга,
На красный флаг был скоплен компромат…
Задиристость жила в нём и отвага –
Сибирском парне, мачо и стиляге,
Начавшем путь со станции Зима.
И сквозь любые тары-растабары,
Сквозь суд людской,
Столь скорый, сколь неправый,
Я слышу сердцем ритмы тишины!
По всей России нынче и́дут снеги
И помнят всё о ярком человеке
Из той несуществующей страны.
Те снеги не буравит дождь колючий,
Те снеги очистительней и круче
Любой постмодернистской шелухи…
Пункт погребенья назван им без страха.
И всё яснее гулкий голос Баха.
И все уже написаны стихи.

3 апреля 2017 г.
Москва. Снег…

Смородинка

Когда приплющит непогодина
и ветры душу украдут,
заветной баночкой смородины
развею зимний неуют.
Намажу ложкой ломтик хлебушка,
в метельный гляну окоём…
А помнишь, как-то парнем с девушкой
зашли в смородину вдвоём?
Тугие чёрные жемчужины
(что сны июльские, сладки)
не в чашки скатывались к суженым,
а мимо прыгали с руки!
Ах, время быстро с горки катится,
Декабрь клюкой колотит в дверь.
Где ты, в разводах синих, платьице?
Где та смородинка теперь?..

Людмила Чеботарёва (Люче)

г. Нацрат-Иллит, Израиль

Чертополох

А может, это вовсе и неплохо,
Что, пережив сто жизней и смертей,
На поле я взойду чертополохом
И буду там распугивать чертей,

Чтоб не приблизилась лихая сила,
Бежала от тебя, как от огня.
Я ничего у Бога не просила,
Но вот прошу – чтоб ты любил меня,

Такой, как есть: то сдержанной и чинной,
То ветреной и горячащей плоть,
А иногда – сердитой беспричинно
И потому готовой уколоть.

…Раскрасят небо яркие сполохи,
Короткую рассеивая ночь.
Задев случайно лист чертополоха,
Ты тотчас же отдёрнешь руку прочь,

Того не зная, что провидец-случай
Тебя нарочно вывел за порог,
Что это я взошла звездой колючей
На перекрёстке всех твоих дорог.

Август

Спляши мне, август, по-шамански,
Роняя звёзды с высоты.
До дна допит бокал с шампанским –
За упокой моей мечты…

Я Вам, наверное, не нравлюсь,
Но под ребро толкает бес.
Не лей дожди, мой глупый август,
За упокой моих небес…

Зачем же плакать безутешно
О звёздах, сбившихся с орбит?
Ты помолись, мой ангел грешный, –
За упокой моих обид…

Дух августа густой, медовый…
Давай, не тратя лишних слов,
Нальём себе ещё по новой –
За упокой моих грехов…

Из почвы корни тянут соки,
Спешат плоды увидеть свет.
Не плачь, мой ангел одинокий,
За упокой моих побед…

Гостинцы августа – с горчинкой,
И сон мне не смыкает вежд.
Ликует в яблоке личинка –
За упокой моих надежд…

А сгусток августовской ночи
Блуждает тромбом по крови,
И пересмешник зло хохочет –
За упокой моей любви…

И на плече печальный кречет
Кричит, пророча вечный срок.
Поставь мне в изголовье свечи –
За упокой моих тревог…

Ты слишком загостился, август!
Пора в дорогу – поспеши!
Не вой, мой старый, верный Аргус,
За упокой моей души…

Наталья Чугришина

г. Москва

Встреча

Машин плывущих вереница.
На двух дороги берегах
Так трепетно в сердцах стучится
Полёт и страх.

Минутное вознагражденье,
Плата молчанью о мечтах,
Сна утреннего продолженье –
Глаза в глазах.

Два голоса в морозный воздух
Согретой дымкой понеслись,
Узором стеблей и отростков
В слова вплелись.

Мелькнула встреча синей птицей,
Каждый к семейным шёл делам.
Она позволила родиться
Этим стихам.

24 января 2017 г.

Белой плеядою...

Белой плеядою тесно столпились
В очереди за питьём
Майские тучи в одеждах на вырост
В устье реки голубом.
Жадно глотали, дождём наполняясь,
Не осушив водопой,
Вдоволь напившись, открыто смеялись
Грома раскатом, грозой.
Дар, что завещан Царицей-весною,
Всеми желанный, святой,
Сетью мерцающе-кружевною,
Сыпался чрез решето.
Чистого блага земле перепало:
Зазеленела травой.
Только колодец был полон до края
Талою вешней водой.
Не был охвачен весеннею жаждой,
Стоило ль тучам труда?

Переливалась в нем каплею каждой
Та же святая вода.

10 февраля 2017 г.

Солнечный паук

От окна к зеницам струнами упруго
Тянет свои нити солнечный паук.
За стеклом в засаде ловит век движенье
И, ресниц касаясь, извлекает звук.
Престо и аллегро, ленто и анданте…
Ноты выбирает будущему дню.
Видно, от того-то, как паук сыграет,
Так и я, проснувшись, этот день спою.

4 мая 2017 г.

Стихи

Стихи. Стихии тихие мои,
Вы – не хиты и без хитросплетений,
Слиянье снов и яви совпадений.
Сманили в стайки строчные свои,
Меня сманили.
Есть в стаях ваших страх и страсть,
Стенанья, сотканные струнами страданий,
И смех, и счастье, и напасть,
И стыд, и исполнение желаний.
Странных желаний.
Вы в стужу отсылаете огня,
Вы не устанете, к сюжетам опостынув.
Струясь иль с новой силою нахлынув,
Страницей станете стихающего дня.
Спетого дня.

Январь 2017 г.

Андрей Шутов

г. Шилка, Забайкальский край

Зима в Забайкалье

Нам всем не хватает весны
В стылом, непраздном Забайкалье.
Признаки наступающей белизны
Ветер и осень напредрекали…
Берёзы, ветки опустив, стоят,
Их не украсит лист зелёный.
Ловлю печальный взгляд
Двух одиноких влюблённых…
День незаметно на убыль пошёл.
Устали стрелки на циферблате.
Зимой не плохо и не хорошо.
Капризам природы не скажешь
«хватит».

2009 г.

***

В.

Вспоминаю январь морозный.
Забыть его не могу.
Как гуляли мы ночью поздней,
Как деревья стояли в снегу.
Тогда ты была со мною,
Боль души одинокой моей…
Мы часто бродили порою
При блеске ночных фонарей.
К театру с тобою спешили,
По тонкому льду скользя.
Друг друга очень смешили,
Говоря, что падать нельзя.
Потом мы с тобой расстались.
Я в город свой дальний спешил…
Себе побоялся признаться
В секрете на дне души.
Теперь мы друг другу пишем
Тысячи добрых слов.
И счастье совсем не близко,
Но верю – жива любовь.

2013 г.

К юбилею Б. И. Кузника

Он – профессор и писатель,
Он и «Бицепса» создатель,
Медицины вечный узник –
Это всё наш славный Кузник!

Сентябрь 2017 г.

***

Любимая женщина инженера Шутова
его не ждёт ночами.
Любимая женщина инженера Шутова
несёт тяготы за плечами.
И жизнь её идёт по другим маршрутам,
о которых не подозревает А. Шутов.

Сентябрь 2016 г.

***

Прощайте любимым обиды.
Прощайте любимых всегда.
Пусть рушатся пирамиды,
Летят ураганом года.
Вдруг встреча была ненапрасной,
И где-то ещё на пути
Оглянетесь, скажете: «Здравствуй!»,
Поймёте, что всё впереди…

2013 г.

Больше произведений автора по ссылке www.stihi.ru/avtor/andreishutov87

Иван Щитов

г. Санкт-Петербург

Проходит жизнь

Проходит жизнь, как осень по бульвару,
И в золоте осыпавшихся лет
Глазами луж повсюду ищет пары,
И безнадёжно смотрит им вослед.

И памятью, застывшей на скамейках,
По вечерам, закутавшись, сидит.
На прошлое оглядываясь мельком,
Сама с собой о чём-то говорит.

Такая жизнь всего лишь раз даётся,
И в наготе танцующих ветвей
Она то ветром об заборы бьётся,
То плачет мелкой моросью дождей.

И в тишине прогуливаясь плавно
По мостовой и полутьмой дворов,
Она даёт задуматься о главном,
Столкнувшись взглядом с окнами домов.

Ночь. Молодость. Стихи – всё это даром.
Когда ещё Господь такое даст…
Проходит жизнь, как осень по бульвару,
И в каждом шаге повторяет нас.

Больше произведений автора по ссылке
www.stihi.ru/avtor/shcitovivan25

Грошик

Мы жизнь свою несём в руке,
Как грош зажатый.
Одни потратят грош в ларьке,
Другие дорожат им.

Один проест, другой пропьёт,
А третий проиграет,
И всяк по-своему живёт
И в жизни выживает.

Другие грошик отдают
Забавы ради,
На свой покой и свой уют
Его потратив.

А кто-то – «Ну не дурачок!» –
Другие скажут,
Зажмёт свой грошик в кулачок
И не покажет.

Мы жизнь свою в руке несём
Как грошик медный.
И каждый в жизни при своём…
Богатый… бедный…

Потратишь на себя… ну что ж,
Немного чести.
А кто-то складывает грош
С другими вместе.

Есть у гроша другая грань,
И может каждый
Вложить в протянутую длань
Свой грошик важный.

Потратить смело жизнь свою
На помощь ближним.
Блаженны те, кто отдают
Не от излишеств.

Тебе дан грошик, выбирай,
Куда потратить.
Хочешь – пропей, иль проиграй,
Иль кинь на паперть.

Тебе твой грошик мать дала
В ладошку лично,
Чтоб его в добрые дела
Ты обналичил.

Лариса Агафонова

г. Москва

Волонтёрство по любви

(Отрывок из романа)

Каждый будний день, сходя с эскалатора на своей станции метро, Нина встречала пожилого мужчину, раздающего бесплатные газеты. Нина не читала такие издания, но каждый раз брала новый экземпляр. Ей почему-то было неудобно проходить мимо. «Человек работает, наверное, получает зарплату в зависимости от розданных газет, мне не тяжело взять одну, а ему приятно», – думала Нина, встречаясь глазами с мужчиной. Очень скоро она уже приветливо кивала ему при встрече, а он здоровался с девушкой, как со своей знакомой. Они никогда не разговаривали, ничего не знали друг о друге, просто совершали ежедневный ритуал.

Однажды Нина не увидела мужчину на привычном месте, удивилась, но не придала этому значения. Неделю на «Щукинской» вообще не раздавали газеты. Когда на этом же месте появилась женщина, Нина подошла к ней с вопросом, куда делся её предшественник. Та пожала плечами, равнодушно ответив, что ей нет никакого дела до того, кто стоял здесь до неё.

– Пока я здесь работаю. Неудобно мне сюда ездить с «Речного вокзала», но голод не тётка, надо как-то крутиться. Ты газетку-то бери, а то ходят тут, спрашивают. А я не справочное бюро, язык не казённый со всеми лясы точить.

Почему-то брать газеты у этой равнодушной женщины Нине не хотелось. Но каждое утро, сходя с эскалатора, она искала глазами знакомого мужчину. Ли́ца менялись, за пару месяцев газеты раздавали трое разных людей. Неприветливую тётку с Речного вокзала сменил щуплый подросток, потом неказистый мужичонка неопределённых лет. И у всех Нина спрашивала про того самого раздатчика газет, проработавшего на их станции около года. И только последний потрёпанный мужичок понял, о ком идёт речь.

– Так это Петюня был, он в больнице лежит уже давно. Язва у него. Говорят, не выкарабкается.

– А в какой больнице? – неожиданно для самой себя спросила Нина.

– А тебе зачем? Навещать, что ль, пойдёшь? – хмыкнул мужичок.

– Пойду, – твёрдо ответила Нина, сама не понимая, что ею движет.

– В пятьдесят второй он лежит. Отделение не знаю, не друг он мне, чтоб ему передачки носить. Звать его Пётр Иванович Рябцев. Я почему запомнил – он моему соседу однофамилец. Коли живой ещё, привет передавай от Пашки Митрохина. Он вспомнит.

– Спасибо вам, Павел.

– Ишь ты, Павел! Да я всю жизнь в Пашках хожу, привык уже. Но приятно, – щербато улыбнулся мужичок.

В первую же субботу Нина отправилась в пятьдесят вторую больницу. На всякий случай приготовила домашнюю еду, по своему опыту зная, как «вкусно» кормят в больницах. Нашла отделение гастроэнтерологии, убедилась, что есть такой пациент Рябцев, и, дождавшись приёмных часов, пошла в палату. На кровати возле окошка лежал, закрыв глаза, скелет, обтянутый кожей, мало

напоминающий того бойкого старичка, который приветливо улыбался, раздавая газеты в метро. Если бы Нина не была уверена, что это он, никогда бы не узнала.

Она подошла к кровати и тихонько позвала:

– Пётр Иванович?

Мужчина открыл глаза. Сначала он долго вглядывался в Нинино лицо, потом на лице его появилась слабая улыбка, больше удивлённая, чем радостная.

– А ты откуда здесь? Тоже лежишь, что ли? – спросил он, чуть приподнявшись на кровати.

– Нет, не лежу. Пришла вас проведать, – улыбнулась в ответ Нина.

– Шутишь, – уверенно сказал Пётр Иванович и откинулся обратно на серую наволочку.

Нина присела на стул рядом с кроватью.

– Я пришла к вам, принесла вам супчик домашний и яблоки печёные. Врач сказал, что такую еду вам можно есть.

Пётр Иванович прикрыл глаза, затем снова открыл, словно проверяя, сидит ли Нина на стуле или исчезла. Потом с трудом сел на кровати.

– А откуда ты узнала, что я здесь? – по-детски недоверчиво спросил он.

– Мне Павел Митрохин сказал. И привет вам передал.

– Митрохин… А, Пашка. Так а зачем тебе было узнавать? – он склонил голову набок и с нетерпением ждал ответа.

– Вас долго не было на работе, а я уже привыкла у вас газеты брать. Вот и стала узнавать, где вы.

– А тебе так газеты нужны бесплатные?

– Газеты мне не нужны, а без встречи с вами день казался неправильным.

Пётр Иванович вдруг сморщил лицо и заплакал. Без всхлипов и рыданий, просто слёзы текли по его сморщенному, измождённому болезнью лицу, а он вытирал их сухоньким кулачком, не стесняясь того, что плачет перед посторонним человеком.

Нина молча протянула ему бумажные платочки и неловко погладила по плечу этого, в общем-то, постороннего человека, так непосредственно выражавшего свои эмоции. Постепенно Пётр Иванович успокоился, шумно высморкался:

– Давно я не плакал, – покачал он головой. – Ты прости меня, старого. Как звать-то тебя, я даже не спросил, вот ведь дурак какой.

– Нина я. А давайте вы супчик съедите, а то остынет он, а потом мы поговорим.

– Да я уж почти не ем, от всего больно, и таблетки, и уколы здесь, и капельницы разные – ничего не помогает. Но супчик попробую, давно я домашнюю еду не кушал.

Пётр Иванович ел, а сам поглядывал на Нину, словно проверяя её реальность.

– Вкусно-то как, – он не заметил, как съел всю тарелку и даже ложку облизал. – Спасибо тебе, дочка, за то, что на минутку почувствовал себя кому-то нужным.

– Почему же на минутку? Я к вам ещё приеду, вкусненького привезу. Только вы уж не курите, Пётр Иванович. Мне санитарка пожаловалась, что вы тайком от врачей курите. Вам нельзя, лечение насмарку пойдёт. А вам выздороветь нужно. И жить долго-долго.

– Не буду, дочка, вот возьму и брошу на старости лет, – смешно затряс головой старик. – Я ведь никому не нужный был, как жена умерла. Детей не нажили, племянник есть, так он в Мурманске живёт. Редко приезжает. Я ему даже не сообщил, что болею. Зачем тревожить занятого человека? А так он у меня добрый, внимательный, посылки шлёт к праздникам.

Всеми правдами и неправдами Нина добыла адрес племянника Петра Ивановича, написала ему о болезни дяди, попросила приехать. И оказалось, что он действительно тепло относится к единственному старшему родственнику. Мужчина приехал в Москву, перевёл дядю в платное отделение, а после лечения забрал к себе в Мурманск.

– Ты, дочка, спасла меня, век буду тебя благодарить, – говорил Нине на прощание Пётр Иванович. – Если б не пришла ко мне

со своим супчиком, уже б давно схоронили меня. Дай Бог тебе счастья и мужа хорошего!

Побывав в больнице, посмотрев на несчастных, никому не нужных стариков, Нина поняла, что может сделать для них хоть немного: дать капельку тепла и заботы, помочь искупаться, переодеться, побриться, да просто выслушать. Нина нашла сайт волонтёров, присоединилась к группе таких же энтузиастов и начала работать в больницах на постоянной основе. Забота о других стала необходимой, помогала жить полной жизнью. Это не было подвигом, насилием над собой, это был осознанный путь, по которому хотелось идти вперёд.

Старики радовались приходу помощников, у них загорались глаза, появлялось желание жить, а уж когда кто-то из волонтёров придумал отмечать дни рождения прямо в отделениях, собирать всех именинников за месяц и поздравлять их, устраивая небольшой концерт, процент выздоравливающих сразу увеличился. Старики под руководством добровольных организаторов разучивали стихи, а кто не мог запомнить, читал по бумажке. Пожилые люди пели надтреснутыми голосами, волонтёры разыгрывали сценки, порой даже свободные врачи и медсёстры принимали участие в праздниках.

– Они как дети, – делилась Нина с подругой Аней, – радуются конфетке, обижаются, если им слов не досталось или шарик получили не того цвета, что у соседки.

– Как у тебя терпения хватает? У меня порой даже на домашних времени и сил не остаётся, а тут – чужие.

– А их не надо терпеть, их любить нужно, тогда всё в радость.

Надо только выучиться ждать

Лариса Агафонова

Психологический роман

«С лица воду не пить», «не родись красивой», – можно сколько угодно твердить эти спасительные слова, но какой девушке не хочется быть привлекательной? Добрая, любящая, понимающая, Нина день за днём сталкивается с людской жестокостью и равнодушием, переживает драмы и личные трагедии. Нелюбимая дочь для матери, мечтавшей о красивом ребёнке, «гадкий утёнок» в школе, «серая мышка» во взрослой жизни... Где взять волю, чтобы преодолеть все препятствия и не потерять веру в лучшее? После всех испытаний останутся ли силы, чтобы стать счастливой, обрести любовь, открыть радости семейной жизни и даже материнства, которое казалось невозможным? Мираж ли это, который развеется на ветру, или «надо только выучиться ждать»?

Купить книгу
knigi-market.ru/2676

Кол-во страниц: 232
Формат: А5
Переплёт: мягкий

Эйшель Антонов

г. Архангельск

Икра пинагора

(Продолжение. Начало в № 8–12/2017, № 1/2018)

Часть 7

Радости Саши не было предела. Она лихорадочно стала перебирать верёвку, вытаскивая продольник. Верёвка никак не хотела заканчиваться. От холодной воды руки стали неметь, плохо слушались, верёвка выскальзывала и опускалась обратно в глубину. Да ещё и от нетерпения руки так тряслись, что вместо равномерного подъёма получалось «два метра вверх, метр вниз».

Саша намотала верёвку на кочет и остановилась. Погрела руки, растирая их друг об дружку. Подняла руки вверх и подставила солнышку. «Грей, грей мои руки, солнышко! Ты ведь ласковое и доброе. Недаром же поморы завсегда изображали солнышко на всех предметах: полотенцах, кухонных досках, прялках. Согрей мои руки, солнышко, и я обязательно вытащу пинагора для дедушки. Помоги мне, ласковое солнышко!»

Девочка успокоилась, руки согрелись. Отмотала верёвку с кочета и стала медленно поднимать тяжёлые грузила вверх. Верёвка дёргалась, но уже не так сильно, как вначале. Саша опустила первое грузило в лодку и посмотрела в воду. На поводках, слегка шевеля хвостами, сидело две рыбины. По форме они никак не были похожи на пинагора.

Девочка быстро вытащила остаток продольника и бросила на дно лодки. Раздался глухой удар грузила о дерево. «Поосторожней бы надобно мне кидать-то, не дай бог дно пробью и утону», – подумала Саша.

Рыбины были небольшие, но имели очень крупную по сравнению с телом голову и огромные глазища, которые сразу же после выброса в лодку уставились на Сашу, как бы удивляясь тому, откуда она вдруг взялась. Спинка рыбины была коричнево-серая, бока серебристые, чуть желтоватые. Кого-то она девочке напоминала.

«Тресочка, что ли? Да нет, треску я знаю, она не такая вовсе, хотя очень похожа. Может, какая-нибудь дефективная? Бывают же у рыб мутации». Саша внимательно присмотрелась к рыбинам. Были они совершенно одинаковые, как будто близнецы братья либо сестрички.

«Да это же сайка! – вдруг догадалась девочка. – Мне же дедушка про неё рассказывал. Да и показывал вроде, токмо это очень давно было, в детстве».

Саша сняла рыбин с крючков и отправила к остальным в казённик. В этот раз она решила насадить на крючки разную наживку: жабры, червей и кусочки рыбы, которые были отрезаны от камбалки.

Девочка опустила продольник на дно, закрепила верёвку за кочеты и сполоснула руки в воде. Высыхая, соль стягивала кожу, рукам было больно. Саша достала бутылку пресной воды и сполоснула руки. Подставила руки солнышку, чтобы немного согреть.

Далеко на горизонте над морем низко висели сероватые тучи. Солнце опустилось в них. Яркие жёлто-красноватые лучи веером вырывались из сероватого марева. Как будто это вовсе и не море и тучи, а русская печь, в которой медленно горит огонь, играючи перебегая с одного места на другое. Со

стороны мыса Лопшеньгский потянуло ветерком.

«Шелонник[1]. Непогодье неминуемо придёт, не позже чем завтра, а я вот так до сих пор и не поймала ни одного пинагора», – настроение у Саши было, как погода на Белом море, иной раз не единожды на дню поменяется. Хотелось плакать, да все слёзы уже выплаканы были.

Спать не хотелось, выспалась она уже на дню. Девочка решила занять себя какой-никакой работой. Рыбу, например, почистить. Заодно наживки приготовить.

Саша стала доставать из казённика рыбу. Маленьким рыбацким ножом она ловко вспарывала рыбине живот, извлекая кишки, вырывала жабры, проходилась от хвоста, снимая чешую. У камбалок чешуя была мелкая, прилипала к рукам. Девочке приходилось часто споласкивать руки, нож и рыбину в море.

У саечек чешуи почти не было. Слово «сайка» было таким странным. У рыбаков это была рыба, а вот в городе сайкой называли хлеб. Это были такие мягкие белые булочки. Лежали они на прилавке красивыми тройками. Отделишь одну, и обнажится красивый белый бок. Хлебушек мягкий, тёплый, очень даже похожий по мякоти на деревенский, но всё одно в деревне хлеб был вкуснее. По крайней мере, на Сашин взгляд.

***

А вот у детей слово «саечка» имело совсем неприятное значение. Этой зимой в школе пара восьмиклассников сунули ей под самый нос что-то зелёное и склизкое.

– Ай! – отскочила от них Саша.

– Саечку за испуг, – сказал здоровенный как шкаф Денис и ударил девочку снизу двумя пальцами под подбородок.

– Ой, – Саша схватилась руками за подбородок и прикрыла рот.

Парни расхохотались. Они трясли в руках лизуна и показывали пальцами на девочку.

– Ли-ли-лизуна испугалась! Ха-ха-ха! Ли-ли-лизуна же никто не боится. Ха-ха-ха!

Саше было обидно не за то, что она испугалась, – нападение было слишком неожиданным, и она даже не успела рассмотреть, что это, лизуна-то она вовсе не боялась, – а обидно было за саечку, так как от предательского удара снизу она прикусила язык. Солоноватый привкус говорил о том, что язык кровоточил.

– Ко-ш-ш-ш-лы, девочка с трудом шевелила языком.

– Кошлы! Ха-ха-ха! Лишун. Ха-ха-ха!

Парни передразнивали её и загибались от хохота. Собиралась толпа.

– Тупи-ш-ш-шы.

– Тупишы! Ха-ха-ха! Тупишы. Ха-ха-ха! Ой, не могу больше!

Саша, широко расставив ноги и поставив руки в бока, вонзила свой взгляд в Дениса. Тот перестал смеяться, выпрямился и вдруг указательным пальцем правой руки ткнул в направлении её рта.

– Вампирша!

– Вампирша! Вампирша! – подхватили другие дети.

Саша развернулась и, расталкивая детей, побежала в направлении женского туалета. Вбежав в него, она с остервенением захлопнула дверь и остановилась как вкопанная у зеркала. Вид у неё был страшный. Волосы всклочены, из уголков рта тянулись тоненькие алые струйки.

«Вампирша!» – всплыло в голове обидное прозвище. Обидно было до слёз. И сделать она ничего не могла против этого громилы Дениса.

Саша умылась и пошла на урок. Говорить она не могла, на претензию учительницы по поводу опоздания только пожала плечами. Села на место и постаралась забыться в учёбе. Это ей удалось, но лишь ненадолго.

Вечером в интернате то и дело она слышала: «Вампирша! Вампирша!» Саша не выдержала, с психу схватила вещи и выскочила на улицу. Мороз был несильный, около двадцати градусов. Она твёрдо решила уйти домой к бабушке с дедушкой. До

[1] *Шелонник* – юго-западный ветер.

деревни не так уж и далеко, чуть больше пятидесяти километров. Пешком, конечно, топать долго, но девочка надеялась, что её подберёт какая-нибудь попутка.

Саша шла по дороге. Сначала – по берегу, но потом вышла на лёд. Зимой через Унскую губу по крепкому, скованному морозом льду ездили даже небольшие грузовики. Но вечером в будний день девочке не встретилось ни одной машины.

Когда исчезли из поля зрения все фонари, на чёрном бархатном небе появились яркие звёзды. Саша нашла Большую Медведицу, провела от ковша пунктирчиком воображаемую линию и нашла Малую Медведицу с яркой Полярной Звездой. Звёзды были очень красивые.

Девочка оглянулась и увидела огромную жёлтую луну, поднимающуюся над горизонтом. На небе заиграли зарницы. Как огромные зеленоватые водоросли шевелились сполохи северного сияния. Саша остановилась и долго любовалась на небесную красоту.

***

Вскоре она почувствовала, как мороз начал проникать под кроличью шубку, покалывая и грозясь сковать всё тело. «Вперёд! Надо идти, а то замёрзну», – дала сама себе команду Саша. Она знала, что с морозом можно справиться, только если будешь двигаться. Неподвижного человека мороз в один миг одолеет.

Она шла и шла. Чёрное небо, белый снег и лёд. Северное сияние уже не радовало. Время было позднее, хотелось спать. От усталости её сморило. Хотелось закопаться в снег и отдохнуть. Но Саша всё время повторяла: «Нельзя отдыхать! Нельзя! Надо идти!»

Вскорости впереди показались огни. Идти стало веселее. Но усталость брала своё. Саша падала. С трудом поднималась и снова шла. Руки замёрзли. Она старалась двигать пальцами, чтобы хоть как-то разогреть ладони, но помогало слабо.

Каким-то волшебным образом она всё-таки смогла добраться до берега. Огнями светился Унский маяк. Саша постучала в дверь. Никакой реакции. Она постучала ещё раз. Сил у неё почти не осталось. Стук был совсем слабым. Громко залаяла собака, прятавшаяся от мороза до того момента в будке; теперь она выскочила и с остервенением бросалась на непрошеную гостью. Но девочка уже не могла убежать, а только прикрывалась ранцем.

Дверь открылась. В клубах пара показалась голова мужчины. Он был похож на огромного Деда Мороза, отдалённо напоминал Святого Николая с иконы, которую Саша видела в церкви.

– Что тебе, девочка? – спросил мужчина.

Саша ничего не могла ответить, она так замёрзла, что язык не поворачивался и рот не открывался. Но мужчина и так всё понял без слов. Он подхватил её на руки и занёс в дом. Снял с неё верхнюю одежду. Саша чувствовала себя, как будто она кукла. Она подчинялась коротким командам, которые отдавал ей Святой Николай. Как оказалось позже, его действительно звали Николай, но только он был вовсе не святым, а обычным смотрителем на маяке.

Мужчина внимательно осмотрел её лицо, растёр ноги, надел на них толстые носки из серой овечьей шерсти. Точно такие же носки вязала её бабушка долгими зимними вечерами. А вот её замёрзшие руки, которые она почти не ощущала, Николай поместил в тазик с водой. Медленно Саша стала чувствовать руки, перебирать пальчиками, и вот уже они совсем как раньше могли служить ей, и тут она поняла, насколько же холодная вода в тазике.

– Холодно, – едва слышно произнесла девочка.

– Холодно? Ну-ка пошевели пальцами! – скомандовал мужчина.

Саша пошевелила.

– Всё нормально, – девочка вытащила руки из воды.

– Вот полотенце, вытирай руки да садись за стол.

Девочка подошла к столу и села. От самовара шёл пар, на столе в большом блюде горкой лежали так любимые ею шанежки.

Саша с удовольствием пила горячий чай и ела шанежки. Приятное тепло растекалось по всему телу.

– Как звать-то тебя?

– Саша.

– А меня Николай, вот и познакомились.

– Ага.

– А ты откуда идёшь?

– Из Пертоминска.

– А куда идёшь?

– Домой, в Лопшеньгу.

– В Лопшеньгу, значит. Далече будет.

– Далече.

Посидели молча. Сашу клонило в сон.

– Ты в школе учишься, а живёшь в интернате?

– Да.

Снова молчание.

– Сбежала из интерната, небось?

– Ага.

– Из-за чего?

Саше вдруг стало как-то стыдно. После чудесного спасения всё её обиды показались такими мизерными, что даже говорить о них никак не хотелось. Краска бросилась в лицо, девочке стало жарко.

– Ну ладно, потом расскажешь, если захочешь. Иди-ка ты спать. Утро вечера мудренее. А в интернат я позвоню, сообщу про тебя, а там, небось, волнуются, переживают.

– Да, – Саша кивнула, соглашаясь.

Уснула она мгновенно. Утром на попутной машине Николай отправил её обратно в интернат. Взрослые её, конечно, ругали, да и поделом, было за что. А дети, что дети… Обзывать её перестали, даже Денис пришёл и извинился. Не совсем по своей воле, а по принуждению, как потом оказалось. Десятиклассник Илья, который был родом из той же деревни, что и Саша, поговорил с ним серьёзно, по-мужски. На том история с «саечкой» и закончилась.

***

Саша сложила почищенную рыбу обратно в казённик, помыла руки и решила проверить продольник. Верёвка шла ходко, без волнений. Рыба не чувствовалась. Так и оказалось: когда девочка вытащила грузила, то обнаружила голые крючки. И даже ещё хуже – два крючка как корова языком слизнула, точнее, какая-то рыбина перекусила поводок.

«Ну, берегись, вражина, я тебе в сий момент железные поводки навострю!» – Саша была зла на неудачу и на невидимого противника, который оборвал ей крючки. Хорошо ещё, что ей достало ума захватить запасные крючки с поводками, а то сидела бы тут и ждала у моря погоды.

В запасе у дедушки имелись плетёные поводки-тросики из нержавейки. Девочка заменила обрывки поводков из лески на тросики. Такой тросик перекусить не всякая рыба сможет. Саша надеялась, что это пинагор перекусил поводки. Ведь может же пинагор разгрызать раковины, вот и поводок с лёгкостью перекусил.

Девочка аккуратно опустила продольник на дно. Оставалось ждать. Делать было нечего. Самое время заморить червячка. У Саши уже давненько маковой росинки во рту не было. Девочка поела, запила еду травяным чаем из термоса. Глаза начали закрываться. Саша примостилась на корме, укуталась в ватник и уснула.

Проснулась она, как только её пригрели первые лучи проснувшегося солнышка. Голубое небо было всё в белых узорах, высокие облака причудливо изгибались в разные стороны.

Саша села, вытянула затёкшие от неудобной позы руки и ноги. «Перекусить или проверить продольник? – вот в чём вопрос. Ответ простой: сделал дело – гуляй смело! Конечно, сначала продольник».

Девочка потянула бечёвку вверх. Шло легко. «Опять пусто», – расстроилась Саша. Она подняла продольник примерно наполовину, когда бечёвка дёрнулась и пошла в сторону. Девочка обернула шнур вокруг кисти и потянула на себя. Опять пошло легко, но потом вдруг резко дёрнулось, так, что шнур впился в руку.

– Ай, больно же!

Саша поднялась, схватилась другой рукой за бечёвку и потянула на себя. Онемевшей от боли правой рукой она стала скидывать шнур с руки. Снова удар. Бечёвка рванулась

в сторону, соскользнула с левой руки и за правую руку потащила девочку. Саша потеряла равновесие и рухнула за борт.

Вода накрыла её с головой. От неожиданности она не успела зажать нос, и вода хлынула в ноздри. Сильная боль ударила в голову.

«Только бы не потерять сознание. Тогда конец».

Шнур снова потянул её руку за собой. Саша схватилась за него левой рукой и стала скидывать бечёвку с правой руки. Она медленно погружалась в глубину. Плавала Саша хорошо и утонуть никогда не боялась. Они часто соревновались с соседскими мальчишками на время пребывания под водой. И всегда выходила победителем. До шестидесяти секунд она могла легко продержаться под водой. Если бы не боль в ноздрях и голове и не бечёвка, намотанная на руке, то никакой проблемы бы не было.

«Надо снять бечёвку с руки, надо снять бечёвку с руки, надо снять бечёвку с руки…» – билась мысль в голове.

Саша стала двигать руками и ногами. Погружение вниз закончилось, и она начала медленно всплывать. Сверху становилось все светлее, пока она не оказалась на поверхности. Девочка встряхнула головой и жадно стала дышать широко раскрытым ртом.

Бечёвка снова дёрнулась, руку пронзила боль, и Сашу потянуло вниз. Она нырнула, обгоняя движущуюся вниз бечёвку, и тряхнула рукой. Ослабленный шнур начал соскальзывать с руки, девочка помогла другой рукой и вот уже освободилась от бечёвки, которая стремительно ушла в глубину.

Продольник, конечно, было жалко, но жизнь была дороже. Саша двинула руками, зашевелила ногами и стала всплывать. Жадно схватив очередную порцию желанного воздуха, девочка огляделась в поисках лодки. К её удаче та оказалась совсем рядом.

Только тут Саша почувствовала, какая вода холодная. В июне Белое море ещё не успевает прогреться, и температура воды довольно низкая, особенно на глубине. Холодная вода сковывала тело. Девочка энергично задвигала руками и ногами, пытаясь согреться.

Хорошо ещё, что на ней было совсем мало одежды и она додумалась перед сном снять сапоги, а то тяжёлые батары утянули бы её на дно морское. И не видать бы ей больше белого света.

Саша подплыла к лодке. Борт был довольно высокий и крутой. Раньше девочка никогда не залезала в лодку с воды. Только на мелководье, но там прыгнуть в лодку было легко.

Саша энергично заработала ногами, вытянула руку и ухватилась за борт. Лодка накренилась, и девочке удалось ухватиться за борт второй рукой.

«Теперь осталось только подтянуться и вползти внутрь. Всего делов-то!»

Девочка стала подтягиваться вверх. Онемевшая от бечёвки и холодной воды правая кисть плохо слушалась. Саша уже почти дотянулась подбородком до края борта, как рухнула обратно в воду.

Снова её накрыло с головой. Она быстро всплыла, стараясь энергично работать руками и ногами, чтобы хоть немного согреться. Новая попытка залезть, и снова она рухнула в воду.

Отчаяние охватило Сашу. Она вдруг поняла всю безнадёжность своего положения. Самой ей не забраться, а помощи ждать неоткуда. Деревня-то, конечно, была совсем рядом, но кто знает, что она тут попала в беду. Пока кто-нибудь случайно не поедет мимо. Но к этому времени она окончательно окоченеет и уйдёт на дно.

«Прости меня, дедушка. Такая вот у тебя внучка беспелюха. Ничего толком сделать не умеет. Прости меня!»

Саша перестала шевелиться, но море не хотело её забирать, выталкивая обратно на поверхность.

«Господи, помилуй и прости мя грешную. Очень много я грешила, невозможно сосчитать, но помилуй меня, Господи, и прости меня, грешную».

***

Девочка успокоилась.

«Сбоку никак не забраться. Тогда где? С кормы. Там же винт есть. На него встать и залезть. Да и руль там же», – стала раз-

мышлять Саша и поплыла к корме. Ухватилась за шток руля, подтянула ноги, встала одной ногой на вал двигателя, другой на руль. Подтянулась. Руль сдвинулся, нога соскользнула, и девочка рухнула в воду.

«На руль вставать нельзя, он вихляется. Надобно на вал вставать».

Так она и сделала. Вал был прочный и легко выдержал её вес. Саша выпрямилась и сразу же перевалилась за борт. Только ноги в небо взлетели, а она соскользнула на дно лодки.

Всё тело била мелкая дрожь. Саша стала снимать с себя мокрую одежду. Снимала, отжимала за борт и развешивала по бортам сушиться. Закончив, девочка надела тёплые носки, батары, закуталась в ватник.

Немного согревшись, Саша налила из термоса горячего чаю и поела. Приятное тепло пошло по телу. Поднявшееся солнышко грело сверху. Девочка расплела косу и освободила волосы. В распущенном виде они сохли быстрее.

Она сидела на скамейке, медленно качаясь взад-вперёд. Тело согрелось, волосы высохли, глаза медленно закрывались. Отчего-то снова захотелось спать.

До её слуха долетело «тра-та-та-тра-та-та…», но она не могла разгадать, что это был за звук. Внезапно показался острый нос, мотор перестал тарахтеть, и через совсем короткое время к её лодке подошла моторка.

Саша даже сообразить ничего не успела. На корме сидел мужчина.

– Доброе времечко, Саша!

– Здравствуйте, дядя Слава!

Девочка как-то не сразу узнала соседа, его дом стоял через два дома от дедушкиного. После почти ледяного купания голова соображала плохо. Она обрадовалась.

– А я смотрю – лодка знакомая. Думаю, что это она тут в чистом море делает? Дай, думаю, гляну. Сразу-то не углядел, кто в лодке сидит, а уж потом только тебя углядел. Как дедушка?

– Да так, ничего. Болеет. Состояние, фельдшер наш говорит, стабильное, удовлетворительное.

Вот тут-то Сашу и бросило в жар. Она вдруг сообразила, что сидит она в лодке в чём мать родила, прикрытая одним только ватником.

– Понятно, а ты тут что делаешь?

Лицо залилось краской. Девочка уткнулась носом в ватник, плотно сжала ноги, руками попыталась соединить полы ватника между собой. Благо, ватник был дедушкин, ей он был большой, почти как пальто.

– Я? Я? Да ничего, сижу.

– Просто сидишь? Одна? Посреди моря?

«Как бы от тебя отделаться-то? Уехал бы поскорее, а то я тут умру от стыда».

– Да нет. Я рыбу ловлю.

– Как?

– На продольник.

– Где?

Тут Саша сообразила, что продольник-то ушёл на глубину. Безо всякой надежды посмотрела на кочет и обнаружила аккуратно завязанный узел.

– Да вот же, – девочка показала рукой на кочет. – Шнур здесь привязан, а грузила и крючки с наживкой на дне.

– И много словила?

– Не, две сайки токмо.

– Покажи.

Саша представила, как она сейчас встанет и, блестя голыми ногами, пойдёт в корму показывать рыбу. Её снова бросило в жар.

– Не-е-е.

– Ты у нас жихоня[1], что ли?

– Да нет, не жихоня я вовсе. Вон, в казённике лежат. Посмотрите сами. Если так охота. Устала я, вставать не хочу.

Мужчина подгрёб веслом к корме её лодки и заглянул в казённик.

– Богато у тя туточки. Говоришь, только сайки, а туточки у тя и камбалка, и сиг.

Саша повернулась вполоборота к дяде Славе.

– Так то в сеть на тоне попало. А на продольник токма одни сайки.

– Понятненько. С тобой всё нормально?

---

[1] *Жихоня* – жадный (-ая).

– Да, а что?

– Да какая-то ты не такая, как всегда.

– Устала я. Ночь не спала, всё продольник проверяла. Да вот сеть ещё. Устала, понимаете?

Дядя Слава внимательно посмотрел ей в глаза. Саша выдержала взгляд. Она была сильная девочка и, когда надо, могла убедить кого угодно.

– Ну ладно, нормально так нормально. Удачи тебе. Баская[1] ты девочка.

Саша зарделась от похвалы.

– Спаси Господи! И вам удачи.

– Спасибо, Саша.

Мужчина оттолкнулся от борта, на вёслах отошёл на приличное расстояние и запустил мотор. Снова раздалось переливистое «тра-та-та-тра-та-та…», и лодка стала медленно удаляться.

Как только она отошла на приличное расстояние, девочка, прикрываясь ватником, быстро натянула на себя одежду. Она была чуть влажноватая, но это было не так страшно, как снова оказаться в столь неловком положении, в которое Саша попала несколькими минутами ранее.

***

И тут она вспомнила о продольнике. Узел был завязан крепко, и при натяжении бечёвки он выдержал натиск неизвестного морского монстра. Саша потянула за бечёвку. Та поддалась и пошла вверх. Некоторое время бечёвка свободно вытягивалась, а потом опять резко дёрнулась.

Саша уже была научена горьким опытом, поэтому наматывать бечёвку на руку она не стала, а дала монстру свободу, пока тот не остановился. В этот момент девочка набросила шнур на кочет и завязала узлом.

Теперь она действовала осторожно. Выбирала бечёвку до рывка, затем немного отпускала, после фиксировала шнур на кочете. Мало-помалу бечёвка укорачивалась, и Саша уже ожидала появления морского монстра, который искупал её в холодном море.

Вскорости из глубины показалась зубастая пасть. Саша увидела маленькие тёмные глазки. Но и монстр в тот же момент увидел девочку. И взбесился. Он стал уходить в сторону, опуская бечёвку, и потом резко возвращаться, рывком пытаясь освободиться.

Саша поняла, что таким образом монстр или оборвёт бечёвку, или сорвётся с крючка. Она развязала узлы, стравила бечёвку и дала возможность монстру уйти в глубину. Монстр исчез, перестал беситься и рвать бечёвку.

Проблема была в том, что продольник у Саши был один. И на нём в данный момент сидел монстр. И девочка не могла заниматься тем, ради чего она пошла в море: ловить пинагора. Надо каким-то образом освободить продольник от монстра. Точнее, от рыбины. Девочка, увидев монстра, поняла, что это крупная рыбина, которая схватила более мелкую, сидевшую на крючке продольника, и таким образом сама попала на крючок.

Девочка имела навычку вываживания рыбы: дедушка учил, что крупную рыбу надо изматывать, периодически подводя к лодке и отпуская. Саша решила так и поступить. Она стала вновь и вновь подводить рыбину к лодке и, когда та начинала беситься, отпускала её. Раз за разом бечёвка укорачивалась.

Когда рыбина была уже совсем близко, она, сверкнув серебристым боком, ушла под лодку. Конечно, изматывая рыбину, Саша сама смертельно устала. Им обоим была нужна передышка, чтобы накопить силы для дальнейшей борьбы.

Девочка быстро перекусила, запив еду водой, и упала на дно лодки. Она лежала и смотрела в голубое небо, разглядывала рисунок облаков, пытаясь отгадать и найти что-то знакомое.

Очередной рывок заставил её вздрогнуть. Рыбина, отдохнув, снова взбесилась. Саша поднялась и стравила бечёвку. Вместо того чтобы, как обычно, уйти в глубину, рыбина в этот раз пошла в сторону, огибая лодку.

[1] *Баской* – хороший, удачный.

Бечёвка зацепилась за нос. Девочка вскочила и освободила шнур.

Сверху было видно, что рыбина пошла по кругу. Саша стравила шнур и, взявшись за него, встала в лодке. Она высоко подняла руку с бечёвкой, чтобы не дать рыбине замотать шнур о лодку.

На случай, если рыбина снова захочет рвануть бечёвку, Саша только слегка придерживала бечёвку пальцами. Она никак не хотела снова оказаться в холодной воде. Покружив, рыбина выдохлась. Всё-таки тянуть за собой два грузила было довольно тяжело.

Саша стала потихоньку выбирать бечёвку, стараясь не делать резких движений, чтобы снова не взбесить рыбину. Та безвольно плыла вверх за бечёвкой. Девочка быстро выбирала бечёвку, не забывая однако периодически закреплять её на кочете.

Вскорости рыбина была уже совсем близко от борта. Она медленно двигала хвостом, жабры то открывались, то закрывались. На первый взгляд, её длина была около метра. Плетёный поводок торчал из её клювовидной ощеренной острыми зубами пасти.

О том, чтобы поднять её за поводок, не могло быть и речи. На воздухе рыбина всё равно бы вырвалась. Она была слишком скользкой, чтобы удержать её руками. А под действием её веса крючок неминуемо вырвется. И рыбина уйдёт в глубину. А там она, скорее всего, всё равно погибнет.

Сачка, как у того дяденьки, который ловил рыбу с лодки на удочку, у Саши не было. В их семье удочками никто никогда не лавливал, посему и сачка не держали.

Девочка попробовала взять рыбину обеими руками за жабры, низко склонившись за борт, но, как только рыбина хватанула ртом воздух, она ударила хвостом, обдав Сашу градом брызг, и вырвалась.

«Чем бы тебя подцепить?» – задумалась Саша.

Взгляд её упал на багор. Это было мощное оружие с железной пикой и крючком на деревянной ручке. В лодке лежал багор и багорик. Багор обычно использовали для того, чтобы зацепить брёвна. Багориком часто зацепляли борт другой лодки, чтобы пришвартоваться.

Саша взяла в руки багорик и примерилась. Крючком вполне можно было подцепить рыбину и затащить её в лодку. Девочка опустила инструмент в воду и медленно подвела его к неприятельнице. Та продолжала плавно двигать хвостом, косила глазом, отодвигаясь от крючка. Саша не стала торопиться. Пусть рыбина привыкнет, что багорик находится рядом с ней и не причиняет ей никакого вреда.

Когда рыбина перестала отодвигаться от багорика, Саша осторожно завела крючок под рот рыбы, дождалась, когда откроются жабры и ввела багор под них. Крючок багорика появился в зубастой пасти.

Девочка крепко взялась за рукоятку, набрала полные лёгкие воздуха.

«Господи, помоги рабе Божьей Александре!»

Саша потянула рукоятку багорика на себя. Рыбина сначала шла хорошо, но, вдохнув свежего воздуха, забилась, сорвалась с крючка и бухнулась обратно в море. Солёные брызги полетели на Сашу. Она и так ещё не до конца обсохла, а тут снова её обдали холодной водой.

Девочка села на скамейку. Руки тряслись то ли от страха, то ли от напряжения. И вытащить рыбину не было никакой возможности, и срываться она никак не срывалась.

Саша выглянула за борт. Рыбина спокойно стояла на прежнем месте, шевеля хвостом и жабрами. Только жабры сокращались чаще, чем прежде.

– Отпустить тебя, что ли? – Саша полезла в рот к рыбине, чтобы отцепить крючок, но та сомкнула челюсти, острые зубья чиркнули по ногтям. – Ай!

Оставалось только одно: снова вытаскивать рыбину багориком. Саша осторожно подвела крючок к рыбине и ввела его под жабры. Рывком дёрнула за древко вверх. Рыбина описала полукруг, шлёпнулась на дно лодки и тут же стала прыгать, пытаясь выскочить, но борта́ у лодки были высокие.

Саша от рывка сама потеряла равновесие и тоже упала на дно лодки. Дело было сделано: рыбина в лодке и продольник свободен, можно было продолжать рыбалку.

(Продолжение следует)

Владимир Волкович

г. Нетания, Израиль

Маленькая целительница

– Вита, Вита! – женщина в белом халате бежала по аллее, покрытой ровными коричневатыми плитками, и кричала девочке в инвалидной коляске, быстро катившейся к обрыву над морем. Там, у самого обрыва, стояла беседка, из которой открывался изумительный вид на море и прибрежную полосу.

– Вита, тормози! Остановись наконец!

Девочка въехала в беседку и застыла, смотря невидящим взглядом на расстилавшуюся морскую равнину, нестерпимо блестевшую под лучами солнца.

Женщина перешла на шаг, она уже тяжело дышала, ухватившись левой рукой за бок.

– Виолетта, как тебе не стыдно! – заговорила она срывающимся голосом, лишь только достигла беседки. – Мы с тобой уже обсуждали эту тему, ты не должна никуда самостоятельно уезжать. – Девочка не пошевелилась, лицо её оставалось неподвижным, как и взгляд, устремлённый в какую-то только ей одной видимую точку на горизонте. – Виолетта, я к тебе обращаюсь.

Девочка повернула голову и посмотрела на женщину. Сначала на полные ноги в стоптанных туфлях, перечёркнутые синими прожилками. «Вены», – отметила про себя. Потом перевела взгляд на выпятившийся живот, в котором увидела опухоль, на одутловатое лицо. Подумала: «Пила много да и пьёт». Взгляды их встретились, и женщина поёжилась, наткнувшись на какую-то холодную синеву больших детских глаз. На лице девочки, испещрённом шрамами, не дрогнул ни один мускул.

– Я поняла, Екатерина Матвеевна.

Вита отвернулась. Она, конечно, могла вылечить нянечку, приставленную к ней заботливым главврачом, могла, но не хотела. Впервые не хотела, и ей не было жаль эту женщину. Это было что-то новое в её ощущениях, новое за весь этот последний год, новое за два года после того, как она вновь очнулась на этом свете.

Море гулко набрасывалось на берег, словно желая поглотить его, но в бессилии нехотя отступало, шурша мокрой галькой. Потом, собравшись с силами, вновь повторяло попытку. И снова безуспешно. Виту обволакивала эта неустанная, нескончаемая сила. Эта равномерность и монотонность убаюкивали, рождали из глубин сознания тяжёлые воспоминания.

***

Бац. Огромный кулак угодил ей куда-то под рёбра, и она полетела в угол, ударившись головой о ножку стула. Отец снял с себя широкий ремень, его глаза, налитые кровью, уставились на девочку. Он что-то говорил, скривив рот, и приближался, но она ничего не могла разобрать, страх и ужас сковал маленькое тельце. Мать бросилась вперёд, чтобы защитить дочку, но отец отшвырнул её.

– Убью! – Ремень со свистом рассёк воздух.

– А-а-а-а! – вырвался из горла крик, страшная боль пронзила Виту. На маленьком тельце выступили багровые, вздувшиеся от ударов ремня рубцы. – А-а-а-а-а!

Отец опомнился, когда она уже захлебнулась криком и он перешёл в хрип. Вита ничего не воспринимала, она была без сознания.

Утром проснулась от нестерпимой боли, всё её тело было одной сплошной болью.

Вся её короткая жизнь была одной сплошной болью.

В школу она смогла пойти только через несколько дней, в семье тщательно скрывали эти экзекуции. Отец работал начальником крупного строительного управления, которое числилось в передовых, получало награды, а его руководители – премии. Сор из избы не разрешалось выносить никому. На работе у отца были постоянные стрессы – это Вите рассказали позже, – он часто напивался, чтобы их снять. А по пьянке всегда находил у неё какие-то промашки и бил зло и больно. Доставалось и старшему брату, но тот успевал убежать, возвращался поздно или вообще не ночевал дома.

Раны на теле девочки едва успевали затягиваться.

Вита всё время жила в тревоге и настороженности, впечатлительная девочка стала заикаться. Мать водила её к логопедам, но они ничем не могли помочь.

По ночам мать выходила на кухню, доставала из своего тайника маленькую, завёрнутую в тряпицу икону и молилась. Отец был противником всякой религии, и если ему попадалась икона, свирепел и топтал её ногами, а на жену обрушивал поток брани. Но когда отца не было дома, мама читала дочке Святое Писание и объясняла его как могла.

Однажды, когда отец уехал в командировку, мать окрестила дочку. Это было их маленькой тайной, и крестик Вита носила в кармане.

Неизвестно, сколько времени такое воспитание могло бы продолжаться и чем бы закончилось, но помог случай.

Отец пришёл после очередного оперативного совещания на работе крепко выпивший. Видимо, ему там досталось от начальства. Чем важнее было совещание, чем больше возлагали ответственности, тем сильнее пил отец. Казалось, что ему нужен был какой-то баланс, чтобы сохранять равновесие и продолжать жить в таком темпе.

Отец спросил дочку о чём-то, но она уже была в таком страхе, что не могла ничего ответить, а только заикалась, пытаясь выдавить из себя хоть одну букву.

– Что? – он зло уставился на Виту. – Опять ты не виновата?

Он сделал шаг к ней, кулак уже был занесён для удара, но тут перед ним вырос сын. Подростку недавно исполнилось шестнадцать, старше Виты почти на пять лет, ростом с отца, но худее его в два раза. Последний год усиленно занимался в секции бокса и добился там больших успехов. Гибкий, мускулистый, уверенный в себе, он стоял сейчас прямо перед отцом.

– Только тронь её, – спокойный, твёрдый голос сына не сулил отцу ничего хорошего.

По инерции отец рванулся было оттолкнуть или ударить сына, но в затуманенном алкоголем мозгу его, видимо, осталась капелька осознания того, что может в этом случае произойти. Он молча повернулся и ушёл.

С тех пор он Виту не трогал, но заикание у неё не прошло. Она, как и раньше, оставалась замкнутой девочкой. И больше всего на свете желала, чтобы у неё был другой папа.

***

Море успокоилось и теперь лениво плескалось, словно мягкий и послушный зверёк. От былой его силы и агрессивности не осталось и следа. Солнце зашло за горизонт, луна появилась на тёмном небосводе, и Вита скользила взглядом по блестевшей на поверхности воды лунной дорожке. Казалось, что она ведёт в бесконечность, ведёт в никуда. «Как моя жизнь», – подумала Вита.

– Виолетта, пора на ужин, – нянечка оторвалась от толстого любовного романа, который читала уже много дней.

– Поехали, я готова, – Вита развернула коляску и сделала несколько движений, пробуя крутить руками колёса.

От моря тропинка поднималась вверх, и катить коляску было очень трудно.

– Не надо, Вита, тебе необходимо поберечь силы.

От этой уже навязшей в зубах фразы Вита передёрнулась. Нянечка встала позади коляски, взялась за дугу за спинкой, и они тронулись. За ужином Вита, как всегда, равнодушно жевала котлеты, мысли её были далеки и от этой пищи, и от этой столовой, и от самой больницы. Вообще-то её давно должны были отправить в Дом инвалидов или куда-нибудь ещё, в такое же заведение, но молодой и перспективный главврач добился того, что её включили в штат и оставили в больнице. То, что делала она, не мог делать никто. Ей выделили отдельную квартиру в больничном городке, как сотруднику, закрепили за ней постоянную сиделку.

Время от ужина до сна было её самым любимым. В эти три часа никто не мешал Вите размышлять, молиться и призывать небесные силы. И воспоминания, воспоминания наплывали, вытесняя все остальные мысли, окружали её плотной стеной, за которую уже невозможно было выбраться.

***

Из того страшного дня Вита помнила только, как машина, в которой они ехали, провалилась куда-то, перевернулась и в окнах сквозь треск и грохот замелькали земля и небо. Потом она ощутила сильный удар и потеряла сознание.

Девочка мучительно долго возвращалась к жизни. Операции не принесли желаемого облегчения, она оставалась в неподвижности долгие месяцы.

А случилось всё в один из летних дней. Чтобы хоть как-то загладить вину за своё поведение дома, отец иногда выезжал с семьёй на служебной машине в горы. И брал с собой водителя, потому что без водки отдыха не признавал, а сам ехать за рулём в подвыпившем состоянии опасался. Это были редкие дни, когда все вместе они напоминали дружную семью. Поджарив на огне отменные шашлыки, которые подготовил водитель, вся семья расположилась на широком одеяле, где стояли в изобилии взятые из дому закуски.

Сначала отец пил сам, мать только пригубила для вида. После нескольких рюмок он стал наседать на водителя:

– Выпей, Вася, одну можно.

Вася выпил одну рюмку, потом отец налил ещё, потом ещё. Эх, не ведал он судьбы, не предчувствовал, что смерть свою наливает в рюмку водителя. Да и не только свою.

Сухие строчки протокола потом свидетельствовали: «…находясь в состоянии опьянения, на узкой горной дороге водитель не справился с управлением, и машина, сбив боковые ограждения, перевернулась и упала в пропасть…»

В живых осталась только Вита. Она уцелела чудом.

Лёжа долгие дни в неподвижности, Вита перебирала в памяти все свои прожитые годы и никак не могла понять, почему именно ей Господь подарил жизнь. Ей, а не маме, которая боялась сказать слово поперёк отцу; не брату, который рос смелым и решительным мальчиком, и даже не самому отцу, на которого уже не было обиды. Смерть уравняла всех.

Изменения в себе Вита заметила сразу, как только смогла говорить. Она почти не заикалась, только чуть медленнее выговаривала слова. Но самое главное началось, когда девочка смогла перебраться из кровати в инвалидное кресло на колёсиках. Она ездила по палате и весело смеялась впервые за последний год; чувствовала, что живёт совсем другой жизнью, что она – это совсем уже не она.

Вита подъехала к женщине, которая лежала в её палате после тяжёлой травмы на заводе и всё время стонала от боли. И вдруг почувствовала, что какая-то неведомая

энергия струится из её пальцев. Девочка осторожно положила руку на больной, израненный, порванный бок женщины, и та притихла. Боль сразу ушла.

Женщина смотрела на неё большими удивлёнными глазами, потом прошептала:

– Не уходи, доченька.

Вита сидела около неё до тех пор, пока та не забылась в глубоком спокойном сне.

Утром женщину повезли на перевязку, а назад она вернулась на своих ногах. Раны затянулись. Удивлённый врач рассказал об этом случае коллеге, но тот не поверил.

Вечером Вита снова сидела около женщины. Теперь она, вызвав энергию, водила рукой над ранами, разглаживая их. А на следующее утро уже несколько врачей разглядывали совершенно чистую кожу женщины. После этого случая целая коллегия изучала историю болезни и методику лечения. Так ничего и не поняв, врачи выписали женщину.

Зайдя перед уходом в палату, та поцеловала Виту и сказала:

– Ты – необыкновенная девочка, но я не должна о тебе никому говорить.

Больные из палаты, где лежала Вита, продолжали быстро выздоравливать, но никто из врачей не связывал этот феномен с девочкой в инвалидной коляске. Неизвестно, сколь долго продолжалось бы это неведение, если бы однажды Вита не познакомилась с любопытным человеком.

В большой комнате находился телевизор, компьютер, свежие газеты и журналы. Телевизоры были не во всех палатах, но даже из тех, где они были, больные приходили в эту комнату пообщаться, послушать новости. Иногда туда заезжала и Вита. Её уже больше интересовал мир взрослых. Там и обратил на неё внимание пожилой худощавый человек, как выяснилось из дальнейшего общения, учёный. На учёного он похож не был, всегда шутил и смеялся. Девочка в инвалидной коляске заинтересовала его.

– Как тебя зовут? – обратился он к ней.

– Виолетта.

– О, какое красивое имя, у тебя и жизнь, наверное, такая же красивая, – пошутил учёный.

– Нет, жизнь у меня не такая красивая, – ответила девочка, не приняв его юмор.

– А меня Всеволодом Петровичем звать.

– Ну, вот и познакомились.

Его удивила необычная, недетская серьёзность девочки.

– А улыбаться ты умеешь?

– Умею, но не хочу.

– А ты знаешь, что смех продляет жизнь? – Всеволод Петрович продолжал в том же шутливом тоне. – Ты же хочешь, Виолетта, чтобы жизнь у тебя была долгая и счастливая?

– Нет, не хочу, – Вита, по-прежнему оставалась серьёзной. – А у вас опухоль в животе, внизу слева.

Всеволод Петрович ещё шутил, по инерции:

– Тебе сорóка сведения на хвосте принесла?

– Я её вижу. Она плоская, как осьминог, и щупальца свои далеко протянула.

И тут до учёного дошло, что девочка говорит о раковой опухоли в его желудке и о метастазах.

– А ты… откуда… ты что, в самом деле видишь?

– Я вижу.

И тут во Всеволоде Петровиче проснулся учёный. Несмотря на то, что он уже прошёл химиотерапию, которая не помогла. Несмотря на то, что рак уже дал метастазы и дни его были сочтены.

– А как… как ты это видишь? Пойдём ко мне в палату.

Он встал, поморщился от боли и покатил тележку с девочкой к себе. Учёному выделили отдельную палату, там был и телевизор, и холодильник, но это мало радовало. Его уже вообще мало что радовало, но он был сильным человеком и пытался шуткой и подтруниванием заглушить неизбежные мысли о смерти.

Всеволод Петрович сел в кресло рядом с девочкой, приготовился слушать, одна-

ко она вдруг потянулась к нему и положила руку на живот. Боль ушла. Потом мягко подтолкнула его, чтобы он вытянулся в кресле, расстегнула пижаму. Учёный полулежал, затаив дыхание. Вита начала проделывать пассы руками над местом, где была опухоль. Она нагнетала в себе необыкновенной силы энергию и находилась уже в каком-то неземном состоянии. Неожиданно рука её погрузилась в живот учёного и через несколько секунд вытащила из него кусок окровавленной плоти. Вита швырнула его в ведро с мусором, стоящее в углу. Потом протёрла живот полой пижамы. На животе не было ни следа, лишь едва заметное красное пятно. Вита медленно приходила в себя, все манипуляции она проделывала, как сомнамбула.

– Что, что ты сделала?! – Всеволод Петрович, казалось, очнулся от глубокого сна.

– Я убрала опухоль, но щупальца остались… завтра уберу, я сегодня уже не могу. – Вита закрыла глаза и положила руку себе на лоб.

Учёный удивлённо и встревоженно смотрел на девочку:

– А я и не почувствовал ничего.

Прошло три дня.

– Больной, вы отказываетесь принимать лекарства и проходить процедуры. В чём дело? – главврач старался соблюдать официальность, чтобы показать свою значимость, несмотря на совсем ещё молодой возраст.

– Лекарства мне уже не нужны, да и пребывание здесь не имеет смысла, я здоров.

Главврач недоверчиво смотрел на Всеволода Петровича, он прекрасно знал, сколько тому осталось жить.

– Чтобы выписать вас, мы должны сделать заключение о вашем состоянии, надо сдать все анализы.

– Пожалуйста, делайте всё, что нужно, только побыстрее, – Всеволод Петрович недовольно потёр лоб и нахмурил брови.

На следующее утро учёный опять сидел у главврача и смотрел, как тот подписывает заключение.

– Поразительно, с таким мы ещё не сталкивались. Злокачественной опухоли нет и в помине. Ведь ещё три дня назад… Как вам это удалось? То есть кто это сделал… то есть… у вас были очень плохие показатели.

Всеволод Петрович улыбнулся:

– А у вас в клинике есть замечательные целители. Только вы о них пока не знаете.

В больницу зачастили различные комиссии. Вита делала операции на добровольцах. Они полулежали в креслах, чтобы ей без напряжения можно было касаться их. Сначала она несколько минут сосредоточенно смотрела перед собой, иногда шептала что-то, потом делала кругообразные движения руками в районе опухоли больного. Она приближала руку к коже пациента, и перед взорами членов комиссии кожа расходилась, появлялась кровь. Ясно можно было увидеть соединительные ткани, тонкие, почти прозрачные, на вид эластичные, залитые кровью. Вита погружала руку в тело больного и вытаскивала опухоль, словно отрезая её от тканей, а другой рукой кругообразными поглаживаниями как будто сшивала кожу. Потом вытирала немного крови, выступившей на коже больного. Поражённые врачи не обнаруживали никаких признаков хирургической операции: ни раны, ни шрама, ни царапины.

Операция заканчивалась. Выздоровление наступало всегда.

В комиссии был и специалист, который сам обучался этому искусству у филиппинских хилеров. Он подтвердил, что они такие операции делают. Но малолетних девочек среди них нет. Каким образом 13-летняя девочка смогла делать столь сложные вещи, которым обучаются годами и десятилетиями, не мог объяснить никто, да и она сама не могла.

Согласно одной из теорий, филиппинцы произошли от древней цивилизации – Лемурия. Её представители умели воспринимать и генерировать психическую энергию. Она концентрируется возле рук целителя, а пальцы принимают специальное положение, при котором они проникают внутрь тела.

Эта энергия совершенно неизвестна науке, которая знает только четыре состояния материального мира: твёрдое, жидкое, газообразное и плазма. Главным является не только сама операция, но и концентрация духовной энергии. Она излучается из середины пальцев и центра ладони, проникает внутрь физического тела и устраняет поражённые участки.

Специалист этот сказал, что каждый хилер имеет какое-то повреждение тела: один хромает, у другого рука короче. Природа словно компенсирует физический недостаток, давая возможность целителю помогать другим людям.

Всеволод Петрович активно участвовал во всех этих комиссиях, хотя не был ни медиком, ни психологом. Он изучил родословную Виты до седьмого колена, но найти какие-то пересечения с потомками лемурианцев так и не смог.

Вита очень уставала от бесконечных вопросов. После каждой операции она чувствовала себя опустошённой и два-три часа не могла не только говорить, но даже шевелиться. По настоянию Всеволода Петровича, проведение операций ограничили. Но Вита всё равно снимала боль руками и пробовала рассосать опухоль пассами над поражённым участком тела больного.

Она уже трудилась как настоящая медсестра. Её рабочее место было в отделении физиотерапии. Нянечка – Екатерина Матвеевна – находилась при ней неотлучно и помогала в операциях. Но с каждым днём заниматься этим было всё труднее. Вита сильно уставала, и на восстановление требовалось всё больше времени. Господь словно забирал у неё кусочек жизни за каждого излеченного. Она боялась, что в какой-то момент уже ничего не сможет. Этот страх всё глубже вползал в её сердце. Тревожили непрошеные мысли: что с ней будет потом? она так и останется просто инвалидом, маленьким инвалидом, недолюбленным в детстве?

Иногда её навещал Всеволод Петрович. И это были самые счастливые минуты в жизни.

Они шутили и смеялись, он общался с ней как с равной, и она забывала о том, что ей только тринадцать, что она всего лишь искалеченная девочка.

А в последний свой приход он удивил её:

– Хочешь переехать ко мне жить? Мои дети выросли, и нам с женой очень не хватает такой девочки, как ты. Я смогу добиться этого, ты только согласись.

Вита отвернулась к окну и закрыла лицо руками, плечи её вздрагивали. Ей никто не говорил ничего подобного в жизни, но она знала, что не сделает этого, что не сможет заставить пожилых добрых людей ухаживать за собой.

***

Сегодня был трудный день. Тяжелейшая операция – злокачественная опухоль в лёгких. Вита отказалась её делать, но когда увидела женщину, которая уже не могла ходить, с отёкшими ногами и страданием в глазах, она повернулась к Екатерине Матвеевне и сказала:

– Готовьтесь.

Поначалу всё было как обычно. Вита сполоснула руки в растворе и минут десять сосредоточенно вызывала в себе энергию. Наконец приступила к операции. Но в самый ответственный момент, когда опухоль была уже в её руке, почувствовала, как слабеет. Она не могла сшить рану, кровь продолжала вытекать. Это грозило катастрофой. Вита напрягла все силы, сосредоточилась. Ну, ещё немного, ещё мгновенье!

В полубессознательном состоянии она упала на спинку кресла и осталась лежать без движения. Екатерина Матвеевна вытерла кровь, которой сегодня было больше обычного, и повернулась к Вите:

– Виолетта! – Девочка даже не пошевелилась. – Вита, Вита, что с тобой?

Прибежал врач, схватил её руку, пульс едва прощупывался.

Виту немедленно повезли в реанимацию, оказалось – сердечный приступ.

***

Ей запретили делать операции, да и вообще, что-либо делать. Теперь она часами сидела в беседке и смотрела на море. Рядом Екатерина Матвеевна читала всё тот же роман.

«Вот бы полететь над морем, как чайка, распластав крылья, стать свободной, оставить за собой расстояния, оставить эту больницу, это инвалидное кресло, эту беспомощность, когда даже в туалет сходить самостоятельно не можешь». Она представляла себе предстоящую жизнь, и сердце сжималось. Кому она нужна, беспомощная. Всеволод Петрович пожалел, и все её будут жалеть, а она не хочет, не хочет, чтобы её жалели.

Сегодня, сегодня вечером она наконец сможет стать свободной. Так она решила.

Вечером после ужина, как всегда, осталась одна. Теперь Вита обращалась к Богу:

– Ты, Боже, Всемогущий, отпусти меня! Избавь от участи жить и умереть в этом кресле. Неужели ты оставил мне жизнь только для того, чтобы превратить её в страдание. Всё, что ты дал мне взамен смерти, я уже отдала людям. Боже, Боже, Милостивейший и Всемогущий, отпусти меня. Дай мне свободу.

И спустя минуту ей послышалось:

– Иди, дитя моё, отпускаю тебя. Ты свободна.

Вита выкатила кресло в коридор. В это время там было пусто, проехала мимо комнаты, где дежурила нянечка. Осторожно подъехала к входным дверям и приоткрыла их, двери во внутренний двор закрывались только на ночь. По наклонному пандусу съехала вниз и покатилась по дорожке к морю. Вот и беседка. Всё, назад ей уже не подняться. Можно, конечно, нажать тревожную кнопку и подать радиосигнал. Но не для этого она сюда ехала. Вита выкатилась из беседки и подъехала к обрыву, потом осторожно поднялась, держась за кресло. Поднялась и выпрямилась. Она не чувствовала боли, она сейчас ничего не чувствовала, она стояла, она свободна. Звёздное небо над ней, а под нею море… бескрайний простор.

Вита сделала шаг вперёд, и вот уже она летит. Летит как чайка. Дух свободы несёт её на своих крыльях.

Тихий всплеск, и маленькая звёздочка на небосводе погасла.

Никто и не заметил.

Утром обнаружили коляску на самом краю обрыва, а ту, что была в ней, так и не нашли.

Вознеслась душа её и полетела, свободная, над Землёй.

Купить книгу
knigi-market.ru/zhizn-po-kapelke-nina-romanova

Ирина Ежова

г. Новокузнецк

Отец и голуби

(Из цикла «Диалоги со Смертью»)

– Всё. Я так больше не могу! – она пришла домой поздно вечером и была явно не в духе. Закинув свою чёрную потрёпанную сумку в самый дальний угол комнаты, упала на диван. Лицом вниз.

Я покосилась на валяющуюся сумку. Точнее, на то, что называлось ею когда-то. Сейчас она представляла собой какие-то грязные засаленные лохмотья…

– Каждый день одно и то же… Меня тошнит уже от людей! – Её бубнящий голос доносился из-под подушек на диване.

Я молчала.

– Сил моих больше нет! Завтра же сложу все свои полномочия… Пусть ищут кого хотят.

Я продолжала слушать, не перебивая.

– Уйду! Вот увидишь! – она поднялась и теперь уже смотрела на меня, словно ища поддержки.

– Вот что за люди?! Ну неужели они хоть денёчек не могут не умирать? Я бы отдохнула немного…

Я не выдержала и вскипела:

– Слушай! Опять ты за своё?! Мало ли кому его работа не нравится?! Мне, конечно, не понять твоих обязанностей проводника между двумя мирами… Но, знаешь ли, я, между прочим, по восемь, а то и девять часов на ногах каждый день. И тоже с людьми работаю. А они, сама понимаешь, какие вредные бывают. И ничего… не жалуюсь тебе… – меня определённо прорвало.

Она удивлённо молчала и смотрела на меня своими пустыми глазницами. Мне стало немного неловко.

Чтобы как-то сгладить ситуацию, я спросила:

– Будешь чай?

– Да!

Она его любила. Особенно с сахаром и лимоном. И чтобы сахара ложки три… Это я приучила её к сладкому.

Я налила ей чаю и дала кружку.

Мы сидели друг напротив друга и попивали его…

Вдруг она ни с того ни с сего сказала:

– Тебе от отца привет!

– Как?! Ты его видела? – я резко вскочила и облилась кипятком.

Не чувствуя боли, я ждала её ответа.

– Видела. Просто забыла тебе сказать. Симпатичный, кстати, мужчина… Глаза карие, большие такие, – она улыбнулась пустым ртом. – Ты на него очень похожа…

По моему телу разлилось тепло. Да, мы с ним похожи… Очень.

– Как он там? Ему там хорошо? Только скажи честно! – Я умоляюще смотрела на неё.

– Да. Ему там хорошо. Там каждый делает то, что любил при жизни. Он голубей разводит, породистых. Гоняет их. Летят стаей в небе. Красиво так… На рыбалку ходит. Читает много. Говорит, скажи Ирке, чтобы за меня не переживала!

Я улыбнулась. Да. Он называл меня Ирка. Ни Иришка. Ни Иринка. Как многие. Ирка…

– Скажи, как вы увиделись?

– Я специально пошла его навестить. Чтобы тебя порадовать, – она допила чай и отставила кружку.

– Больше не спрашивай ничего. Я и так лишнего наговорила…

Я благодарно кивнула. И ушла спать.

На следующий день, гуляя по магазинам, наткнулась на дорогую чёрную кожаную

сумку и вспомнила слова: «…Чтобы тебя порадовать». Не раздумывая купила её.

Вечером, сидя за столом, мы как обычно пили чай с лимоном. Я достала подарочную коробку и поставила перед ней. Открыв её, она тут же принялась разглядывать подарок. Затем посмотрела на меня своими широко распахнутыми глазницами и кивнула. Тоже благодарно…

Настоящий друг

– Мам, скажи, а у Бога есть друзья?

Оторвавшись от телефона, я с удивлением посмотрела на сына. Интересно, откуда в его маленькой шестилетней голове взялись такие мысли?!

Задумавшись, как лучше ответить, я молчала. Сын не подгонял меня. Но по тому, как нетерпеливо он переминался с ноги на ногу, я поняла, что ему поскорее хочется услышать ответ.

Я попыталась сумничать и сказала:

– Димуль, ну конечно, есть! И я, и папа, и бабушка… Мы все с ним дружим.

Димка недоверчиво прищурился и выдал:

– Ага… Мама… Ты же говорила, что обманывать нехорошо! А сама обманываешь!

Я рассмеялась:

– Сынуль, да я тебе правду говорю. Конечно, Бог – наш друг. И мы его очень любим!

– Тогда вы – плохие друзья! Я бы не хотел с вами дружить, – сын состроил грустную рожицу.

– Это ещё почему? – для меня был удивителен и непонятен такой разговор.

– Вот смотри: ты проснулась. Помылась. Позавтракала. Бог тоже проснулся. И ждёт. Когда ты сможешь с ним поиграть. Хотя нет… – Димка рассмеялся. – Взрослые ведь не играют. Вы дружите одними разговорами… Значит, он ждёт, что ты с ним поговоришь. Ты собралась сама. Собрала меня. Отвела в детский сад. Бог ждёт… Уехала на работу. Бог ждёт. Работаешь весь день. Бог всё ждёт… Приехала с работы. Мы поужинали. Ты играешь со мной. Или читаешь книгу. Или смотришь с папой телевизор. И вскоре ты засыпаешь… Бог ждал тебя весь день! Мама, ты только представь, весь день… Чтобы ты хотя бы недолго с ним поговорила. И так каждый день! И ты, и папа, и бабушка!.. Разве вы для него хорошие друзья?

Я молчала. Совершенно потрясённая. Нет. Мы действительно никчёмные друзья… Даже никакие и не друзья вовсе. Так… обычные попрошайки. Только и делаем, что просим у него то одно, то другое…

Сын тихо продолжал:

– А я понял, что ему очень одиноко там одному. И теперь каждое утро, просыпаясь, я говорю: «Доброе утро, Дорогой Бог!» Если я сажусь кушать, то прошу и его покушать со мной. И знаешь, мам, мне кажется, ему стало немного веселее. И уже не так одиноко…

Димка замолчал. А я от стыда готова была провалиться сквозь землю… Он говорил такие очевидные вещи… Очевидные для взрослого. А не для шестилетнего мальчика. Наверное, иногда сам Бог вкладывает такие мысли в голову ребёнка, чтобы он, как бы невзначай, выдал их взрослому… заставляя задуматься…

Дичь

Главной целью моей жизни было служить. Служить, выполнять команды, охотиться. Я различал не только слова, но и интонацию хозяина. И когда в его человеческих глазах я видел гордость за меня, это было для меня самой большой наградой.

В тот день мы с ним охотились особенно долго. С рассвета. За все мои тринадцать лет не было ни одного случая, чтобы я заблудился или, того хуже, потерялся. До того дня… Я настолько увлёкся, погнавшись за этим серым косым трусом, что, когда всё-таки настиг его и прижал лапой, порадоваться мне этому было уже не с кем… Хозяина нигде не было. Я сразу понял, что потерялся… Чёртов косой… Со злости я даже выпустил его.

Я долго блуждал по лесу. Пока наконец не вышел на какую-то дорогу, ведущую к деревне. Я был так голоден, что в мыслях постоянно вспоминал зайца, которого отпустил. И, о чудо! Вдалеке я увидел трёх птиц,

неторопливо клюющих что-то у дороги. По-моему, это были курицы. Во всяком случае, так их называл хозяин и другие люди. Ещё хозяин говорил про них странную фразу: «Курица не птица, баба не человек!» Ну, насчёт бабы ему уж точно было виднее… Я усмехнулся своим собачьим мыслям. А вот по поводу курицы можно было поспорить.

Я подкрался к этой троице как можно ближе. В глаза бросались крылья и перья. Всё, что в моем понимании ассоциируется с птицей. Только одно не сходилось в моём уме: я не мог понять, дикие они или домашние. Раз они не в чьём-то дворе или загоне, стало быть, уже не домашние. А если не домашние, значит, дикие. А дикие – от слова «дичь»! Как только в моей голове пронеслось это слово, я без раздумий выскочил и рывком подскочил к одной из них. Резким ударом лапы я превратил её в свой обед. Остальные закудахтали и кинулись врассыпную. Но и им не удалось сбежать от моих крепких лап и острых зубов.

Подкрепившись одной, я потащил два оставшихся трофея хозяину. То-то он обрадуется, когда я вдруг объявлюсь, да ещё и с добычей!

Мысли о предстоящей встрече усыпили мою бдительность. И я не заметил, как на меня накинули большой плотный мешок и куда-то поволокли. Тащили меня недолго. Как только мешок был снят, я тут же принял оборонительную стойку и, ощетинив шерсть, зарычал.

Озираясь по сторонам, я увидел здорового мужика и молоденькую девчонку. Мужик добродушно улыбался. А девчонка и вовсе светилась от восторга, приговаривая: «Какой красавец! Пёс, а ну-ка сидеть!»

Услышав знакомую команду, я мгновенно отреагировал.

Девочка захлопала в ладоши: «Дядя Серёжа, ты посмотри, он не только красивый, но и умный!»

Я провёл у них пару часов. За это время меня покормили. Причём довольно вкусно. Девчонка всё время крутилась около меня. Было видно, что я ей понравился. Она мне, если честно, тоже. Добрая… И какая-то открытая. Но лучше моего хозяина всё равно нет никого. Вспомнив о нём, я загрустил. Положил морду на мохнатые лапы и заскулил.

Вдруг я услышал шум подъехавшей машины и подумал, что, скорее всего, это хозяин меня нашёл. Я радостно загавкал: «Ура! Ура! Я поеду домой!»

Но тот, кто вошёл во двор, оказался совсем не моим любимым и родным человеком. Это был молодой парень с колючими глазами и перекошенным от злости лицом. Он показывал на меня и орал: «Этот чёртов проклятый кобель сожрал семь моих лучших куриц!»

Я ощетинился и залаял: «Он врёт! Не семь, а три… И съел я только одну, остальные нёс хозяину».

Видно, человек, приютивший меня, так и не понял моего лая. Вдобавок он узнал этого парня. Им оказался сын одной из самых зажиточных и богатых деревенских женщин. Она пускала на постой путников, продавала им втридорога свой товар, тем и жила. Он горестно вздохнул и вложил мою цепь в руки этого злого парня. Парень пообещал, что возьмёт выкуп с моего хозяина за нанесённый мною урон и отдаст меня ему. Понимая, что этот сопляк удавится за лишнюю копейку, дядя Серёжа со спокойной душой отдал меня парню. Он рассудил, что мне ничего не угрожает.

Мы проехали всего пару домов. Парень вышел из машины, вытащил меня и привязал к дереву. В руках у него было ружьё. Я сразу понял, что меня ожидает. Злость затмила ему всё вокруг… Даже мысль о деньгах за мой выкуп не повлияла на его решение.

В моей собачьей голове вихрем проносились мысли: «Неужели жизнь этой бестолковой дичи равна моей жизни?! Я же умею служить… выполнять команды… а главное, я умею люби…»

Додумать эту мысль мне не удалось. Звук выстрела оборвал её, а заодно и мою жизнь…

Когда-то хозяин сказал мне: «Все псы, Пират, обязательно попадают в рай…» Он оказался прав. А мне удалось узнать цену моей такой недорогой жизни…

Всегда юная любовь

Всю свою жизнь я работала в магазине игрушек. С совсем юного, восемнадцатилетнего, возраста до преклонно-пенсионного. Мне повезло. Я очень любила свою работу. Да-да. Представьте! Я из числа тех счастливчиков, которые с радостью просыпаются по утрам и бегут на своё место.

Сказать, что за сорок своих трудовых лет я помню всех покупателей – значит покривить душой… Но одного я вспоминаю до сих пор.

Основная масса людей, которые наполняют мои рабочие будни смыслом, – мамочки с детьми. Или мамочки без детей. Ну, или, на худой конец, бабушки и тёти, мечтающие порадовать своих карапузов. Я к тому, что бóльшая часть клиентов – женщины. Мужчин крайне мало… Наверное, именно поэтому я так запомнила этого покупателя.

Он заходил к нам всего один раз. На тот момент я была двадцатилетней девчонкой. Но помню всё до мелочей. Он вошёл в мой отдел совершенно привычно, так, как будто ежедневно покупал плюшевых зайцев или медведей. Уверенными шагами он направлялся к стеллажу. Я сразу выделила его из прочих: строгое серое пальто, тщательно отутюженные брюки, слегка седоватые волосы. Приятная внешность. Но благодаря этим серебряным нитям в волосах было сложно определить его истинный возраст. Может быть, около сорока… а может, и все пятьдесят…

Пока я гадала, мужчина снимал игрушки со стеллажа, тщательно рассматривал и что-то бормотал себе под нос. Решив, что ему требуется помощь, я подошла. И сразу поняла, насколько заблуждалась относительно его возраста. Борозды морщин, хоть и не слишком глубоких, ставили в паспорте отметку – 72.

– Могу я вас сориентировать? Для кого подбираете? – я вложила в голос максимум учтивости, так как этот пожилой импозантный мужчина был мне приятен.

Он улыбнулся и сказал:

– Да вот, подарок для любимой выбираю. Может, подскажете что-то на свой девичий вкус? – Он растерянно указал на полку с медведями.

В моей голове всё сложилось: этот старый хрыч нашёл себе молодую деваху и теперь игрушки для неё выбирает… Ах ты старый чёрт! С женой, небось, лет пятьдесят прожил, и на молоденьких потянуло.

Я, поддавшись чувствам, отступила назад от этого изменника, скрестила руки на груди и гордо так произнесла:

– Не смогу вам помочь! У каждой девушки свой вкус…

От моего учтивого тона не осталось и следа. Очевидно, мужчина догадался о моих нехитрых мыслях. Он печально улыбнулся и вздохнул:

– Как жаль… А я так хотел Галинку свою порадовать! Хотите, покажу вам её?

Остатки моего воспитания, да и чего уж греха таить, любопытства, не позволили сказать ему «нет».

Через минуту я смотрела на снимок, который мужчина бережно вытащил откуда-то со стороны груди. На нём была запечатлена красивая женщина, примерно одних лет с моим собеседником.

– Жена моя, Галинка! Пятьдесят лет вместе прожито, – мужчина с гордостью и любовью смотрел на фото.

Я не удержалась и ляпнула:

– Так зачем ей мягкую игрушку-то дарить?!

Мужчина посмотрел на меня и лукаво улыбнулся:

– Молоденькая ты ещё, вот и не понимаешь! Запомни на будущее: женщина юна до тех пор, пока мужчина, который рядом с ней, балует в ней внутреннего ребёнка…

Я помогла ему выбрать самого красивого медведя, который только был в нашем магазине. Надеюсь, его Галинке он понравился!

А во мне, за всю мою жизнь, так никто и не разглядывал никакого внутреннего ребёнка… И ни разу не подарил плюшевого медведя… или, на худой конец, зайца, считая это уделом юнцов…

Александр Коломийцев

с. Зональное, Алтайский край

Милетянин в Афинах

Исторический роман

(Продолжение. Начало в № 10/2016, № 2–12/2017, № 1/2018)

– 13 –

За обедом в комнату вошла Архедика. Руки её были обнажены, бюст облегал хитроумно повязанный строфий, откровенней обычного обрисовывавший тугую плоть. Тонко тканные хитон и пеплос, не сшитые по краю, позволяли любоваться стройной ногой.

– Извини, Анаксимандр, мужа нет, я не могу присутствовать на обеде. Всё ли у тебя есть, доволен ли ты едой и вином?

– Благодарю тебя, Архедика. Ты прекрасная хозяйка, я всем доволен.

Выходя из столовой, женщина остановилась позади рабов, потупив голову, посмотрела из-под ресниц взглядом, таинственным и сообщающим нечто. Обычно взгляды были мимолётны, словно молния, сегодня Архедика смотрела долго, и Анаксимандр, находившийся под взорами рабов, ожидавших новых повелений господского гостя, опустил глаза. Когда же поднял, Архедика покинула комнату.

Отпустив измученного Торопыжку отдыхать, Анаксимандр лежал поверх постели с закрытыми глазами. Страсти теснили грудь, пульсировали в висках, лихорадили сердце, заставляя учащённо биться, словно он поднимался на высоченную гору. Далеко за морем ждала, звала Клеобулина, рядом, за стенами, находилась неравнодушная к нему женщина, снедаемая греховными желаниями. Да верно ли он её понял, не играет ли она с ним ради забавы? Понимая, что не позволит себе сделать этого, Анаксимандр представил, как ночью пробирается в хозяйскую спальню и утопает в сладострастных объятьях. А если вместо объятий его встретят возмущённые крики, на которые сбегутся рабы? В полузабытье Анаксимандр слушал стихающие шумы. Вот брякнул затвор на входной двери, – Топтыга проверял запоры, угомонился и привратник. В комнату проник запах благовоний, что-то было в этом запахе необычное, неведомое, будоражащее. А уж он-то почитал себя знатоком. Откуда в его комнате взяться благовониям? Не сны ли ему видятся? Некоторое время Анаксимандр лежал неподвижно, втягивая вздрагивающими ноздрями воздух, открыл глаза, повернул голову. У двери стояла Архедика, одетая в короткий, шафранового цвета хитон, скреплённый лишь пуговицей на плече. Как она вошла? Он не слышал ни малейшего шороха. Впрочем, вернувшись из лавки, отметил мимоходом: дверные петли кем-то смазаны, дверь открывается бесшумно, хотел ещё похвалить домоправителя. Он резко сел, поставив ноги на пол. Протягивая руки, Архедика плыла в неярком свете притушенного светильника. Как во сне Анаксимандр медленно поднялся, сомнамбулически двинулся навстречу. Неведомый запах проникал в кровь, разум уплывал, тело горело желанием. Пальцы расстегнули пуговицу, хитон тихо сосколь-

знул, обнажив трепещущее тело, Анаксимандр задохнулся. Женские руки обвили шею, сладострастная плоть нетерпеливо льнула, обжигая, уста слились с устами.

– Погаси светильник, – услышал Анаксимандр, едва различимый шёпот, удостоверивший в реальности происходящего.

С женщиной на руках шагнул к лампе, нагнулся, нетерпеливо задул огонь и в следующее мгновение был уже на постели.

Эта ночь вспоминалась сумбуром. Любовники, выйдя из забытья, уподоблялись прекрасным благородным повелителям лесных чащоб, волею природы сошедшихся в брачной встрече, необузданных в нашедшей выход страсти.

Архедика приходила во все ночи отсутствия супруга. И все ночи были подобны первой. Сладострастные игры нисколько не утишили любовный пыл. Комната наполнялась неведомым запахом, подобно дурману застилавшим рассудок, заставляя забывать и милую Клеобулину, и опасности любовной связи с чужой женой.

Ленеи закончились, но непогода не унималась. Взбалмошный Эвр принёс косматые тучи, цеплявшиеся за вершины гор, скрывавшие аттическое побережье. Землю и воду сёк холодный дождь. С Эвром заспорил Борей, превративший дождь в ледяной песок. Эвр не уступал, и ветры, гогоча и оглашая окрестности свистом, боролись, подобно двум могучим великанам. Эврип не знал, куда нести свои воды. Устремлялся на юг, передумав, торопился на север, бросался на скалы, заливал прибрежную полосу. Когда течение пролива поворачивало на север, волны в узкой горловине у Эретрии вздымались до скальных вершин и гребни их терялись в тучах.

Непогода покровительствовала любовникам, торопившимся наверстать холодные ночи. Но неотвратимость разлуки временами окутывала любовное ложе печалью.

– Зачем тебе уезжать в Милет? – спрашивала Архедика, лёжа на раскрытой постели, закинув руки за голову. – Оставайся, Пахет не вечен. Вступим в брак, ты станешь хозяином, расширишь дело. Я знаю, у тебя получится. Твои библосы будут лучшими, лавка – самой богатой и знаменитой. Покупатели со всей Эллады станут стремиться побывать в ней. Авторы будут сами предлагать свои тексты, дабы поскорей достичь славы, – фантазировала влюблённая женщина и, не дождавшись отклика, перескакивала на другое, требовала откровенности: – Неужто с твоей Клеобулиной тебе лучше, чем со мной? Ну, скажи, скажи, чем её ласки лучше моих? Ну, скажи, скажи, я постараюсь.

Анаксимандр молчал. И с Клеобулиной близость была сладостной, хотя и протекала однообразнее, и Клеобулина неиствовала в порыве страсти, но он заранее знал и предугадывал её желания, движения тела. И хотя в некоторые мгновения трудно было определить, кто есть кто, всё же жена подчинялась ему. С Архедикой близость протекала по-иному. Она подчиняла его своим желаниям. Иной раз он не сразу понимал, что она хочет от него. То требовались крепкие, до хруста, объятья, в которых она изгибалась и словно боролась с ним, то подобно рыкающей от страсти львице, вскакивала на постели, то опрокидывала его самого, и ему казалось, что в припадке страстного безумия она растерзает его тело. Но к Клеобулине он испытывал чувство, которого не питал к Архедике. Клеобулина была матерью его детей. Поэтому он сказал:

– Вы разные, тут нечего сравнивать. В Милете мой дом, дети. Как я останусь и забуду их? У вас с Пахетом есть сын, он наследник. Как я возьму то, что принадлежит другому? Да и Пахет ещё не при смерти. Как же мы станем жить? Неужто он ничего не заметит?

– Я бы как-нибудь устроила. Ты не знаешь, на что способна влюблённая женщина. Я бы придумала.

Анаксимандр усмехнулся.

– Слушаться влюблённую женщину – недолго и в беду попасть.

Архедика повернулась набок, прильнула к любовнику.

– Скоро взойдут Плеяды, и мы расстанемся. Муж мой непременно отправится в Афины на Великие Дионисии. Обещай, что останешься на это время.

В жарких объятиях с любовника слетела рассудительность, и он простонал:

– Обещаю!

Схлестнувшись в очередной раз в молодецкой драчке, ветры притомились потешаться над смертными, с перепугу забившимися в свои хрупкие домишки, и прилегли отдохнуть. На второй день безветрия, впустив в открытую дверь солнце, в лавку вошёл Пахет. Анаксимандр обслуживал покупателя, Нил и Чиж переписывали, Торопыжка мучил старый папирус. У Анаксимандра уже опускались руки. В каждом папирусе непутёвый мальчишка делал десяток ошибок. Буквы у него получались кривыми, прыгающими, а дельта, омега непременно сопровождались кляксами. Пахет появился в сопровождении Локра, нёсшего новые свитки – библосы и чистые, уже склеенные и листами. Сирт, второй раб, взятый в поездку и обычно исполнявший всякую домашнюю работу, был отправлен домой с поклажей. Пахет раскланялся с покупателем, поглядел из-за спины на работу переписчиков, Торопыжка при этом схлопотал подзатыльник. Благодаря весёлому настроению хозяина, кары за кляксы на папирусе не последовало. Дождавшись ухода покупателя, Пахет велел Локру развернуть на свободном столе свитки, потирая руки, подозвал Анаксимандра.

– Погляди, что я привёз. Две комедии – о землепашцах Главка, о семейных дрязгах сицилицйца Эпихарма, да два папируса с Эзоповыми баснями. О люди, люди! Эсхил и Эпихарм! И надо же, читают, смотрят.

Приобретениями книготорговец был явно доволен и поездку считал удачной. Басни раскупались всегда с большой охотой. Время от времени появлялись новые, словно Эзоп был бессмертным и творил вечно. Комедии в Афинах пользовались нарастающим спросом. Людей всё больше интересовало отображение реальной жизни, тем более поданное в шутливой форме. Несмотря на радость по поводу приобретения ходового товара, Пахет сокрушённо покачал головой, вновь посетовал:

– Как падают нравы! Глупые, не ведающие благородных помыслов землепашцы, козопасы, горшечники, а где же доблесть, деяния героев?

Толкнув Анаксимандра в бок, заговорщически подмигнул и вытащил из кошеля серебряную диадему со смарагдом.

– Вот, жёнушке подарок. Любит проказница гостинцы. – Полюбовавшись переливами камня, спрятал украшение. Пожевав губами, добавил: – На Великие Дионисии опять поеду в Афины. Новые комедии прикуплю. Эх-х, душа не лежит к скоморошьим забавам, а что делать? Покупателям нравятся.

Анаксимандра же снедали опасения, не догадается ли обманутый муж о неверности жены, не донесёт ли кто из рабов? Как не береглась Архедика, но от специально приставленного соглядатая не укроешься. Кто знает, не дал ли Пахет перед отъездом особо доверенному рабу или рабыне специальное поручение? Но Афродита, зародившая страсть и бросившая любовников в объятья друг другу, уберегла своих подопечных от нежелательных последствий.

К обеду Архедика вышла в зелёном пеплосе, смарагд в лучах светильников переливался глубоким изумрудным светом. Держалась неверная жена скромно, на любовника смотрела отстранённым взглядом. Сидя на кушетке мужа, слушала повествование о празднестве в Ленеях.

С утра переписчики – теперь уже в четыре руки – взялись за комедии. Библосы были в одном экземпляре, и Анаксимандр писал со всеми, под диктовку. Торопыжка, получив порцию упредительных колотушек, утирая кулаком слёзы, продолжал уроки чистописания. Ставить его на переписку, выходило себе дороже, чем исправлять каракули, проще заново переписать. Пахет попробовал использовать его на ином по-

прище, велел склеивать написанные листы в библосы, Торопыжка и тут отличился – всё перепутал. Неожиданно способности Торопыжки проявились в подписывании титулов и этикеток. Там, где требовалось писать красной краской, мальчишка превосходил самого себя.

– Ничего, ничего, – защищал Анаксимандр своего ученика перед суровым хозяином. – Годик потренируется, попишет титулы, станет заправским писцом. У Чижа необыкновенные способности, а Торопыжка – обыкновенный мальчишка. Мы слишком поторопились. Время придёт, выровняется.

Чиж наставника и радовал, и печалил. Радовали раскрывающиеся способности подростка, печалила рабская участь. За зиму Анаксимандр привязался к своему ученику-слуге, но изменить его судьбу был не в силах.

Пахет, видя, что дело настроилось, по утрам отлучался из лавки, в сопровождении Сирта обходил рынок, закупал продукты. Ранее с этими обязанностями Сирт с успехом справлялся самостоятельно. В отсутствие хозяина Анаксимандр исполнял два дела – диктовал и писал.

Взошли Плеяды, всё продолжительней становилось затишье. В порту пылали костры, беспокойно пахло смолой. Галеры покоились на эстакадах и просились в море. Мореходы расстилали на галечном пляже паруса, латали дыры, осматривали вёсла. На пирсе, прибрежной полосе с утра до вечера стоял гам. Купцы сговаривались со шкиперами, голытьба нанималась в матросы и гребцы. В харчевнях хлопали двери, праздношатающийся люд сновал туда-обратно. Стучали топоры, перекликались корабелы, брякали кости, кричали бойцовские петухи и перепела́. Глаза у всех смотрели бесшабашно, с задором. Ватаги городских огольцов носились по берегу. Сорванцы швыряли в море камни, задирали простофиль. У портовых построек сидели торговки-лоточницы с яствами, предназначенными для крепких, не избалованных поварами желудков: ячменными лепёшками, твёрдым сыром, луком, пирожками с чечевицей, горохом, бобами, солёной морской мелочью с лёгким душком. Сезон начался, близились Великие Дионисии.

Анаксимандр, придя в лавку, порывался сходить в порт, покалякать со шкиперами. Пахет удерживал:

– Не торопись, уважаемый. Пусть погода установится. Пройдут праздники, ветры окончательно улягутся, тогда и отправишься домой. Неровен час, опять буря галеру разобьёт, второй раз не спасёшься. Я сам со шкиперами сговорюсь. Я их всех как облупленных знаю. А то нарвёшься – или галера гнилая, плаванья не выдержит, или цену заломит – не расплатишься. Доверься мне, я сговорюсь. Если денег не хватит, поручусь за тебя, доплатишь в Милете, – и хитро прищурившись, хихикнул: – Ты ещё Торопыжку ремеслу не обучил, пишет как курица лапой, ничего не разберёшь.

Довод о поручительстве был самый весомый. Заработанных денег могло и не хватить. О плате они так конкретно и не сговорились. Вначале Пахет отнекивался, мол, посмотрю, что ты за писец. А потом милетянин сам, растроганный оказанным приёмом, не настаивал. Если бы не сговорились, куда было деваться? Не в кузницу же возвращаться. Да и пил, ел вволю, наравне с хозяином, и еда, и домашний обиход тоже денег стоят. Как-то у них сложилось, не как обычно у хозяина и работника. Всё теперь от Пахета зависит, что насчитает, то и заплатит, остаётся уповать на его честность и порядочность. Чересчур прижимистым хозяином Пахета не назовёшь, но и распустёхой не выглядит, денег не считает, лишь когда дело касается подарков жене. Видно, ласкать старческое тело та соглашается после роскошных подарков. А женской ласки Пахету ой как хочется, последние годы уходят. Удерживало и обещание, данное Архедике. Не хотелось обижать женщину, хотя, что в их жизни изменят несколько украденных ночей? Только беду могут навлечь. Так думал мужчина, женщина думала иначе. Может, и вправду Киприда вселила в неё любовь, а не мимолётную страсть?

Приближался день отъезда и закуролесил Зефир, отгородив Аттику напором ветра, длинными, ревущими валами. Пахет злился, с утра до вечера поминал демонов, ворон, собак, тартар. Досада вымещалась на Торопыжке. Заторканный мальчишка весь день хлюпал носом, сидел, втянув голову в плечи, тёр кулаком глаза.

Второй день мужчины обедали в одиночестве, Архедика занемогла. Пахет ворчал и сокрушался:

– Хотел её, бедняжку, в Афины взять, праздник бы посмотрела, в шествии прошла, у ювелиров бы, златокузнецов побывала бы, выбрала бы чего-нибудь, воспоминаний на целый год хватило бы. А теперь и не знаю, ехать ли самому? Она, сердобольная, уговаривает ехать. А сама сегодня врача звала. Толку от этих врачевателей, что с козла молока. Весь столик снадобьями завалил. Толку-то! Денег прорву запросил, – пожевав губами, фыркнул недовольно: – Эти врачеватели бабьими капризами кормятся. Что мойры соткали, то и выйдет, и никакое лечение ничего не изменит. Понятное дело – на войне: кровь остановить, стрелу вынуть, рану заживить. Нешто знают, что в чреве человеческом делается? Про дурную кровь, вóды толкуют. Дурную кровь и цирюльник пустит.

Анаксимандр возразил:

– Всякому человеку жить хочется. Пока здоров, болезни не одолевают и врачеватели не нужны. А как скрутит, поневоле забегает. – Отхлебнув вина, сменил тему: – Так ты едешь ли в Афины? Рабам отдых дашь? Всё-таки Великие Дионисии, всякий человек приходу Диониса рад.

– То человек, а то человеконогий. Нешто у них душа есть? Одна забота – брюхо набить, да на боку поваляться, ничего божественного и в мыслях не держат, так и скотина живёт. – Как обычно, окончательного решения сразу не высказал.

Анаксимандр дабы не вызывать недоумения заботами о чужих рабах, не настаивал.

– Не знаю, ехать ли, не ехать. Посмотрю. Ещё и жена некстати расхворалась. Обидно будет не попасть в это время в Афины из-за непогоды. Глянь-ка, что делается, зефир вовсю разгулялся, через Эврип не переправиться. Ну, да ещё три дня в запасе, поди-ка, угомонится.

С полдня следующего дня Зефир, решив, что достаточно помучил смертных, утихомирил ветер. Ночью в высоком бездонном небе, густо прочерченном каплями божественного млека, ярко блистали звёзды, и пуще всех – шестеро Атлантовых дочерей. Наутро гавань зашумела. Не менее полусотни галер наперегонки помчались к аттическому берегу, кто держал курс на ближайшие порты, большинство же, сокращая сухопутный путь, направлялись в Пирей. На одной из этих галер находился и Пахет, сопровождаемый Локром и Сиртом. Состояние жены улучшилось, и книготорговец благосклонно позволил себя уговорить не беспокоиться о здоровье супруги, побывать на празднике и совершить торговые дела.

(Продолжение следует)

Купить книгу
planeta-knig.ru/shop/1032/desc/russkie-khroniki-10-veka

Елизавета Лещенко

г. Таганрог, Ростовская обл.

Встречи в пустоте

(Продолжение. Начало в № 1/2018)

Глава 6
9.1.7

Загадочный шифр «9.1.7» оказался всего лишь порядковым номером зала, в котором проводились сеансы связи: этаж 9, блок 1, ячейка 7.

Едва войдя в зал, он испытал шок: прямо на него смотрела «верхняя половина» женщины-киборга, нелепо водружённая на компактную стойку. Лишь когда её глаза мигнули ярко-жёлтым, а потом голубым и она заговорила неестественно бархатным голосом, он понял, что перед ним робот высокого класса.

Закончив приветственную речь, «женщина» обворожительно улыбнулась и протянула ему навстречу изящный палец на вид совсем человеческой кисти, продолжавшей металлопластиковую руку: даже пропустив мимо ушей её информативное приветствие, он легко догадался, что от него требуется, и осторожно коснулся своим указательным пальцем пальца робота.

Внедрённый в его кожу биочип засветился неоново-зелёным, таким же светом просияли глаза робота. В воздухе над её головой появилась объёмная светящаяся стрелка со сложной комбинацией мигающих цифр и букв. Проследив глазами направление стрелки, он увидел кресло (на вид комфортное, но чем-то напоминавшее стоматологическое), над которым, мигая, светились такие же цифры и буквы, и понял, что кресло предназначается ему.

В инфосправке-сообщении перед сеансом его известили о процедуре подключения: «Нанонейрощупальца высокоуровневого биочипа входят в контакт с равноудалёнными нейронами мозга на время сеанса. По окончании сеанса ткани вашего тела полностью восстанавливаются биочипом».

Он представлял себе нечто вроде металлического шлема, подключённого к гигантскому процессору, однако на головах людей, «спящих» в соседних креслах, на первый взгляд вообще ничего не было. Только пристально всмотревшись, он заметил в волосах женщины, лежавшей ближе всех, едва различимое серебристое мерцание.

У противоположной стены зала, за стеклопластиковой витриной, от пола до потолка, вплотную друг к другу, как тротуарные плитки или пчелиные соты, располагались многоугольные мониторы. Некоторые были выключены, на большинстве же из них быстро сменяли друг друга страницы кода, сотканного из на первый взгляд незнакомых ему символов.

Он снова посмотрел на женщину в соседнем кресле. Её лицо не было лицом спящего человека, скорее, оно походило на маску или лицо манекена: никаких едва заметных движений глаз под закрытыми веками, никакого намёка на наличие мимики. Это лицо не выглядело ни напряжённым, ни расслабленным, скорее, оно казалось ненастоящим. Он невольно подумал, что такие лица, наверное, бывают у людей, впавших в кому. Ему стало не по себе, и он быстро отогнал эту мысль.

Тут же он заметил, что его биочип-идентификатор интенсивно пульсирует ярко-зелёным светом. Он не помнил, чтобы такое случалось когда-либо раньше. Также он увидел, что робот, встретившая его на входе, смотрит прямо в его сторону, развернув при этом свою красивую голову почти на сто восемьдесят градусов. Когда он невольно поймал взгляд её раскосых глаз, таких же зелёных, как странное свечение биочипа, она приветливо подмигнула ему: «Пора начинать».

Он осторожно сел в «полумедицинское» кресло, на поверку оказавшееся чудо-уютным, и тут же ощутил приятное покалывание сразу в нескольких точках на голове.

Спустя пару секунд его сознание уже не принадлежало этой реальности.

Глава 7
Брызги

Он стоял в коридоре. Коридор был узкий и длинный. С низким потолком. В конце коридора виднелась грубая прочная дверь. Над ней висел большой и простой, на вид старинный фонарь, скорее похожий на прожектор. Это был единственный (и, наверно, потому такой яркий) источник света во всём коридоре.

Не оборачиваясь он быстро подошёл к двери и прижался к ней всем телом, как будто пытаясь расслышать и почувствовать, что за ней происходит. Дверь была глухой. И холодной.

Тёплым был только воздух вверху, нагретый лампой-прожектором.

По привычке он провёл пальцем по месту, где располагался сенсорный замок на двери в его дом.

Биочип не работал. Он вообще не ощущался. Присмотревшись, он понял, что биочип исчез.

Не понимая, что делать дальше, он безотчётно провёл ладонью по стыку двери и стены́ снизу вверх.

Когда он повторил то же движение в обратном направлении, его рука наткнулась на странный выступ. Изумлённо рассматривая новую деталь, он вспомнил, что нечто похожее было у сумок-чемоданов, в которых иногда носили большие компьютеры (которыми теперь уже почти не пользовались), но он никак не мог представить, зачем такой выступ может быть нужен здесь. И всё же он инстинктивно взялся за него рукой и потянул (совсем не понимая, почему делает это) на себя. Дверь подалась.

Звуки, запахи, цвета́ и ощущения обрушились на него вместе с градом солёных брызг.

Узкую береговую линию омывал океан. Он никогда не видел такой воды и такого песка – ни на одном курорте, ни на одной картинке. Всё как будто отливало серебром, но при этом не выглядело искусственным: это определённо была вода, а не жидкий металл, песчинки, а не пластиковая крошка. Пахло настоящим океаном. Огромным. Полным жизни.

Большое закатное солнце было окружено голубоватым ореолом, облака́ вокруг него были не просто облаками: у всех из них были лица, живые выразительные лица.

Он не мог похвастаться богатым воображением и уж точно не относился к людям, которые способны часами разглядывать небо, видя там какие-то фигуры. Но эти лица действительно были. Их не заметил бы только слепой.

Было свежо, но не холодно. Он снял ботинки и лёгкую куртку, подкатил штанины. Пошёл вперёд, наслаждаясь свежим влажным ветром, развевавшим волосы и одежду, рассеивающим напряжение и печаль, купаясь в просторе пространства.

Длинный пирс уходил далеко в океан, казалось, прямо в закат. Он в первую же секунду заметил знакомую фигурку, сидящую на самом краю, беспечно болтавшую ногами, едва касаясь воды кончиками пальцев. Она приветственно помахала ему рукой и снова повернулась к солнцу.

Ему хотелось подбежать к ней, чтобы заглянуть в её глаза, рассмотреть размытые временем в его памяти черты, услышать красивый, мелодичный голос.

Но он чувствовал, что она не хочет торопиться. Она хочет, чтобы он осмотрелся здесь, принял это место в своё сердце, оценил его красоту. Поверил в чудо.

Конечно, он не смог бы сказать всего этого словами, но мог понять и почувствовать. Теперь мог.

Пирс был длинным, а вода, плескавшаяся по обе его стороны, – прозрачной. Из-под её серебристой поверхности его разными глазами разглядывали живые водные обитатели.

Он заметил несколько звёздочек, устроивших гонки на мелководье, издалека они были похожи на маленькие колёса, отлетевшие от игрушечной машины и продолжавшие катиться по инерции, крошечных дельфинов, размером с половину его пальца, нечто похожее на кувшинки, умеющие прыгать и нырять, парочку осьминогов, прогуливавшихся по дну, каждый обвивал другого одним из щупалец, один из них был фиолетовым, другой – коралловым.

Большая черепаха покачивалась на волнах, подставив закатному солнцу живот – каким-то образом у неё получалось использовать свой панцирь как надувной матрас.

Фигурка на краю пирса сейчас казалась неподвижной.

Наконец он позволил себе ускорить шаг и лёгким полубегом преодолел разделявшее их расстояние.

Глава 8
Одно касание

Она по-прежнему сидела, практически не двигаясь, опираясь на руки, отставленные назад, немного наклонив голову влево.

Он осторожно, почти бесшумно присел справа от неё, стараясь не выдать своего волнения неосторожным движением.

Заглянув в её лицо, он едва не отшатнулся.

Её красота никуда не делась, она не выглядела стареющей или измождённой, это были те же черты (и он был уверен, что в них нет ничего искусственного, на её лице даже почти не было косметики). Шокировало его совсем другое – её глаза. Они были глубоко серьёзны и, казалось, излучали яркий свет. Не привычный, видимый глазу – солнечный или неоновый. Это был свет знания и печали, радости и силы.

Никогда раньше он не видел ничего подобного. Так близко. Ему хотелось спрятаться от этих глаз или утонуть в них (наверное, и то и другое одновременно).

Уловив его смятение, она улыбнулась, и её лицо стало лучистым и мягким – совсем таким, каким он знал его когда-то.

На ней было лёгкое платье (скорее похожее на длинную футболку), белое, в тёмно-серебристую полоску. Он мог любоваться формой её коленей и изящными лодыжками, а когда ветер дул сильнее, сквозь тонкую ткань платья проступали очертания её хрупких плеч.

В лучах заката её кожа и волосы отливали бронзой. За её аккуратное ухо был заложен (как ему сначала показалось) какой-то экзотический цветок – такого же цвета, как «металлическая» поверхность воды, по которой они вдвоём сейчас скользили босыми ногами.

Но стоило девушке легко встряхнуть головой, как «цветок» взлетел, оставив на волосах хозяйки красивую серебряную пыльцу, ненадолго присел на кончик её пальца, расставив все шесть полупрозрачных крылышек, позвякивая рожками, и устремился к океану.

– Морская бабочка!

Он вздрогнул, снова услышав её голос. Здесь он казался таким же серебристо-нежным, как всё вокруг.

Он никогда не слышал о морских бабочках и вообще сомневался, что они существуют в природе.

Наконец он решился вслух задать вопрос, давно вертевшийся на языке:

– Где мы?

Она улыбнулась и неопределённо повела плечами и бровями. Он хорошо помнил её маленькие уловки и понял, что прямого ответа не получит.

– Ты же не...

Не дав словам сорваться с губ, она прикрыла его рот своей ладонью. Прохладной, нежной. Он жадно поцеловал её руку, мысленно приготовившись к тому, что сейчас всё закончится и он снова потеряет её – теперь уже навсегда (условия встречи запомнились ему хорошо).

Но ничего такого не произошло.

Она мягко отстранилась и слегка потёрла пальцами виски. На пару секунд её глаза изменились, он уловил тот взгляд, который так смутил его при встрече.

Но она прикрыла глаза, откинулась назад, легко встряхнула головой и теперь улыбалась как ни в чём не бывало, беспечно болтая ногами над поверхностью воды.

Какое-то время он молча, как заворожённый, смотрел на неё: страх отступал, но не исчез совсем. Он не знал, что сказать, о чём спросить, – просто смотрел на неё во все глаза, пытаясь впечатать образ в память на случай, если нарушение всё-таки было зафиксировано и эта долгожданная встреча – последняя.

Наверно, он просидел бы так ещё долго, если бы внезапно их не окатило водой. Теперь она смеялась – громко и звонко, а он почувствовал, как о его ногу трётся что-то гладкое. Это определённо был кит, хотя размером он больше походил на дельфина, а расцветкой – на жёлтого полосатика.

Она наклонилась к воде, чтобы погладить кита, подплывшего к ней. Её длинные влажные волосы едва не коснулись его кожи. Ему захотелось зарыться в них лицом, притянуть её к себе и не выпускать.

Сейчас это место, несмотря на его удивительную флору и фауну, казалось ему реальнее всего, что он когда-либо видел в «той» жизни.

Он попытался вспомнить, чем занимался на прошлой неделе, чем вообще занимался до того, как попал сюда. И не смог.

Он смотрел на неё. Она смотрела вдаль. Улыбнулась. Выставила руку вперёд, ладонью кверху. Он услышал крик и обернулся. Прямо на них летела большая птица, несмотря на свой размер изящно спикировавшая на её ладонь. Это был белоснежный альбатрос. Серебристыми были только его клюв и лапы.

Девушка наклонилась к птице и тихо сказала ей что-то на языке, которого он никогда не слышал.

Альбатрос резко повернулся в его сторону и посмотрел ему прямо в глаза – серьёзно, проницательно – своими умными глубокими глазами цвета потемневшего серебра. И взлетел, описывая концентрические круги над их головами, поднимался высоко и снова падал, едва не касаясь его волос, взлетал снова и снова падал вниз.

Эта внезапная суета смутила его, но он невольно залюбовался птицей, в лучах почти закатившегося за водный горизонт солнца походившей на маленького фламинго, исполняющего странный воздушный танец. И уже через минуту пожалел об этом.

Пожалел, наконец оторвав взгляд от птицы и повернувшись налево.

На пирсе никого не было. Он громко выкрикивал её имя в опустевшее пространство. Он кричал, и кричала птица.

Стало быстро темнеть. На небе одна за другой появлялись звёзды. Красивые и незнакомые. Узор ночного неба исказился спиралью и плавно отступил назад, выпуская взгляд в совсем другое пространство, прятавшееся за отяжелевшими за время сеанса веками.

Первое погружение закончилось.

(Продолжение следует)

Страницы автора
elizavetaleshenkov.wixsite.com/singer-song-writer
vk.com/public121044397

Татьяна Мажорина

г. Волгодонск

Любовь, и боль, и прозорливость…

Человек – как роман: до самой последней страницы не знаешь, чем кончится. Иначе не стоило бы и читать…

Евгений Замятин

Прочитав интервью главного редактора газеты «Донской писатель» (№ 5 за 2017) Людмилы Хлыстовой с доктором филологических наук, литературным критиком Л. Н. Малюковой, обратила внимание на список книг, которые, по мнению Людмилы Николаевны, должен прочитать каждый литератор. В числе непрочитанных мною оказался роман Евгения Замятина «Мы». Когда-то в начале девяностых годов читала рассказы и повести этого автора. До сих пор помнятся такие из них, как «Уездное», «На куличках», «Пещера». Острые. Ёмкие. Пронзительные. Бралась и за роман «Мы», но… что-то «не срослось», не заинтересовал. Видимо, была совершенно не готова к его восприятию. Сегодня, заново перечитывая избранные произведения, не могла оторваться от этого романа. Но… вначале коротко об авторе и его рассказах.

Родился Евгений Замятин 1 февраля (по новому стилю) в г. Лебедянь Тамбовской губернии (ныне Липецкая область) в семье православного священника. Мать будущего русского писателя, публициста, критика, киносценариста была пианисткой. «Рос под роялем», – так писал он о раннем детстве. В четыре года уже читал Гоголя. Позже – Тургенева, Достоевского, Толстого, Лескова, Салтыкова-Щедрина. Из современников предпочитал символистов: Фёдора Сологуба, Андрея Белого, Леонида Андреева. Книги на все времена были его друзьями и товарищами. Закончил с золотой медалью гимназию в Воронеже. Цитата из автобиографии: «В гимназии я получал пятёрки с плюсом за сочинения и не всегда легко ладил с математикой. Должно быть, именно потому (из упрямства) я выбрал самое что ни на есть математическое: кораблестроительный факультет Петербургского политехникума».

Во время учёбы Евгений принимает активное участие в жизни революционной студенческой молодёжи, вступает во фракцию большевиков РСДРП. Тогда же он встречает свою будущую жену – Людмилу Николаевну Усову. В 1905 году за революционную деятельность подвергается аресту. Мать прикладывает все усилия по освобождению, однако летом того же года в порту Одессы он становится случайным свидетелем восстания на броненосце «По-

тёмкин». Снова арест, высылка в Лебедянь. Тайно сбегает в Питер. Живёт на нелегальном положении. В 1908 г. Замятин заканчивает институт и пишет свой первый рассказ – «Один». Два года начинающий автор преподаёт на кораблестроительном факультете, работает инженером и одновременно заканчивает рассказ «Девушка».

В 1911 г. Замятина за нелегальное проживание высылают в Лахту. Он пишет свою первую повесть **«Уездное»**, где с горечью обнажает косный, полный инертности мир русской провинции. Главный герой повести – не раз битый отцом – неслух и лоботряс Анфим Барыба, по два года просиживавший в каждом классе, так и не сдавший выпускных экзаменов и вынужденный сбежать из дома и жить в сарае одного из заброшенных дворов, спать рядом с бездомными собаками, чтобы не замёрзнуть. Следует отметить, насколько зримо автор выписывает его образ: «тяжкие железные челюсти, широченный, четырёхугольный рот и узенький лоб: как есть утюг, носиком кверху… Ребята побаивались Барыбы: зверюга, под тяжёлую руку и в землю вобьёт». И этакий «зверино-каменный» увалень сумел как-то пристроиться в жизни: за лакомый кусок и крышу над головой стал сожительствовать с пожилой и развратной купчихой Чеботарихой – «тестяной», необъятной, грузной, расплывшейся. Обидев её служанку, сиротку Польку, Анфим был «разжалован» из любовников и выгнан со двора. И опять пристроился!.. Украл деньги у бывшего друга – добродушного и бесшабашного отца Евсея, а когда деньги закончились – стал подрабатывать подставным свидетелем у двоедушного адвоката Моргунова. Дошло до того, что по ложному свидетельству отправил на виселицу и другого своего приятеля – портного Тимошку. Надо сказать, что угрызения совести хоть редко, но посещали-таки его тёмную душу. Подобными «подвигами» дослужился до урядника. «Белый, ни разу не стиранный ещё китель, серебряные солнышки пуговиц, золотые жгуты на погонах». И такой нарядный красавец с гордым видом и сияющей четырёхугольной улыбкой постучался в обитую старой клеёнкой дверь отчего дома. Каково же было его удивление, когда отец, гневно визжа и брызгая слюной, выгнал его вон. Ошарашенный «столь тёплым приёмом» Барыба ещё долго в недоумении стоял перед дверью…

Не менее сочно выписан в повести и образ Урванки, служившего у Чеботарихи кучером и снискавшего к себе особое расположение госпожи: «кучерявый, силища, чёрт, и чёрный весь – цыган он был, что ли. Закопчённый какой-то, приземистый, жилистый, весь как узел из хорошей верёвки. Поговаривали, что он, мол, у Чеботарихи не только что в кучерах». Но… это всё исподтишка, потому как услышит – изобьёт до полусмерти. Бывший конокрад нисколько не церемонился и находил в драках особое удовольствие. Вот они, нравы захолустья! Тем не менее этакий воинственный детина любил проводить время на птичьем дворе. Изловит бывало мягонький жёлтенький комочек, «на руку посадит – и первое ему удовольствие – духом цыплёнка греть. И так, чтобы рожу его о ту пору никто не видал…Чудно́!» И в самом деле – парадокс, да и только! Грубая физическая сила и проблески необыкновенной нежности в одном и том же человеке. И что особенно важно, для каждого даже самого отрицательного героя Замятин находил какой-то штришок, позволяющий читателю увидеть что-то человеческое, глубже раскрыть его сущность. Здесь мне очень близка позиция критика В. Полонского: «Симпатия к человеку грязному, пришибленному, даже одичавшему, сквозит на его страницах». Но хотелось бы добавить, что автор искренне жалеет как социально угнетённых, так и самих угнетателей, «они ведь сами в определённом смысле “жертвы”, продукт среды и обстоятельств». В целом – неизбывная, непреходящая боль за Россию переполняет всё его творчество.

А вот что пишет Олег Михайлов в предисловии к **«Избранным произведениям»**

автора: «Густое, самоцветное по слогу, сказу и гротескное изображение старой России (“Уездное”, “Алатырь”, “На куличках”), впрочем, в иных случаях и неподдельно-поэтическое, со словом, крепким и хрустким, словно тамбовская антоновка (так написан, например, волшебный рассказ 1923 года “Русь”, на который Замятина вдохновили рисунки Кустодиева). И сатирические, памфлетные картины “каменной, асфальтовой, железной, бензинной, механической страны” – технократического Запада, Англии начала нынешнего столетия (“Островитяне”, “Ловцы человеков”)».

Как у истинного художника слова, у него и природа играет своими особенными красками. И не просто играет, а работает на сюжет! Например, в рассказе **«Три дня»**: «Очаков – на осадном положении, на берег сойти нельзя. Солнце пристальное, ошалелое поливает нас сверху». А каким же ему быть, как не *ошалелым*?! 1905 год. Разгар лета. Невыносимая жара. К тому же – первый вооружённый мятеж на броненосце «Князь Потёмкин Таврический»! На усиление сюжета направлена любая пейзажная зарисовка автора. В подтверждение своих слов процитирую отрывок из рассказа **«Непутёвый»**: «Небо белое, пуховое, близкое – опять скоро снег пойдёт. А по земле – неведомый добр человек расстелил белую бумагу, и вот сейчас будут на ней, чистой, люди какую-то историю писать – весёлую или страшную», а история довольно неприглядная и трагичная. Или ещё из этого же рассказа: «Морозы пришли. Дни стали тихие, хрустальные, синие. Выстрелят – хрусталь вдребезги, и осколочки тишины звенят, такие жутко-весёлые». А как эти дни выстрелят, полагаю, стоит сохранить интригу для читателя.

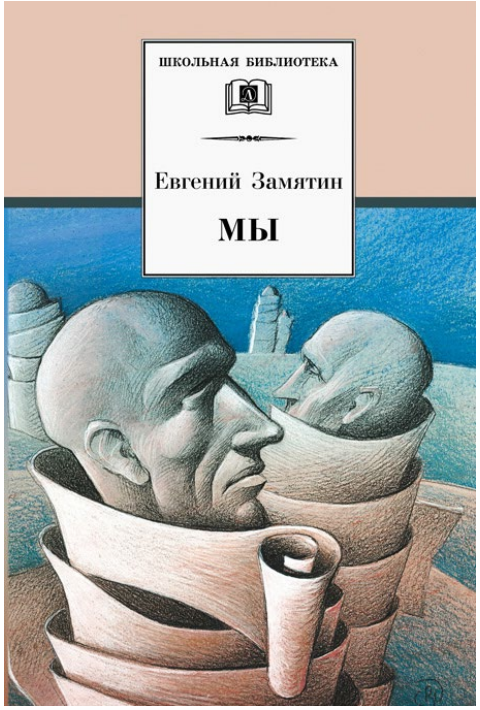
По амнистии 1913 года Евгению Ивановичу наконец было разрешено легально проживать в Петербурге. Чуть позже он побывает и на севере: в Кеми, в Соловках, в Сороке и напишет цикл удивительно правдивых рассказов. Но его начинают мучить приступы «грудной жабы», вынудившие переехать на юг – в Николаев. Там Замятин строит землечерпалки и работает над самой трагичной, пожалуй, повестью **«На куличках»** о заброшенном на край света армейском гарнизоне. В ней во весь голос зазвучала политическая сатира, не лишённая художественности. Публика, отбывающая воинскую повинность в глухомани, самая что ни на есть разношёрстная: кто за оскорбление действием, кто за непотребство, кто за карты, кто за растрату, и лишь Андрей Иванович – «агнчик невинный», попал сюда по доброй воле. Суровые порядки, поголовное пьянство, беспредел генерала, пользующегося служебным положением как в корыстных, так и в похотливых целях, накладывают свой отпечаток на жизнь захолустья. Пейзажная картинка ещё более усугубляет и без того безрадостную обстановку: «Земля – мёрзлая, тусклая, голая – лежала неубранным покойником». Куда ещё хуже?! Но и в таком Богом забытом месте никто не отменял человеческих чувств. Повесть «На куличках» – пример удивительного самопожертвования во имя любви. Молодая женщина Маруся была вынуждена ответить на притязания генерала, во власти которого было засадить в тюрьму её мужа – капитана Шмита. Андрей Иванович, которого тоже угораздило искренне влюбиться в неё, ничем не смог помочь. Разумеется, кончилось всё трагически. Капитан, узнав об этом, долго издевался над женой, хотя любил без памяти. В конце концов – застрелился. После публикации повести в пятом номере журнала «Заветы» автор был предан суду, а тираж, что естественно, – конфискован.

Рассуждая о рассказах Замятина, нельзя не заметить с какой душевной чуткостью, теплотой он описывает женские образы, и все они у него особенные: и кроткие, и солнечные, и дерзкие, и главное – любящие, способные ради спасения близкого человека принести в жертву не только честь, но и жизнь. К примеру, вот как он пишет о дочери исправника из рассказа «Алатырь»: «А ведь только поглядеть на Глафиру: ростом высошенька, волос русый, глаз сверкучий,

вся наливная – как спелая рожь. На рояле Глафира может: “Касту Диву, “Дунайские волны”. И такая, поди ж ты, незамужней осталась, не нынче завтра начнёт осыпаться». Чувствуется, что и самому автору далеко небезразлична судьба девушки, и читатель невольно становится соучастником его переживаний.

В марте 1916 года Замятин отправляется в командировку в Англию, на завод в Нью-Кастле. Искусный корабельный архитектор испытывал особую любовь к ледоколам. До этого через его руки проходили чертежи первого после «Ермака» русского ледокола «Царь Михаил Фёдорович». В разгаре Первая мировая война. Страна испытывает острую нужду в мощном флоте. Олег Михайлов пишет: «В Нью-Кастле при самом непосредственном участии Замятина строятся для России ледоколы “Святой Александр Невский» (после революции – “Ленин”), “Святогор” (позднее – “Красин”), “Минин”, “Пожарский”, “Илья Муромец”. Больше всего инженерного, конструкторского труда воплотилось в первом из них, по тогдашним меркам очень могучем ледоколе: он делал для “Ленина” аванпроект, и ни один чертёж не попадал без его проверки и подписи в мастерскую». За два года пребывания в Англии он научился свободно писать и изъясняться по-английски, стал одеваться с «европейской, подчёркнуто щёголеватой аккуратностью». Отсюда, из машинизированной, педантичной Англии, где всё заранее рассчитано, расписано, доведено до абсолютизма, Евгений Иванович вынес замысел своей фантастической антиутопии **«Мы»**.

Октябрьскую революцию Замятин встретил в Петрограде, в котором ему пришлось пережить тяжёлые события Гражданской войны, в полной мере познать неимоверный голод, холод, разруху. В эту пору вплотную сблизился с Горьким, работал в издательстве «Всемирная литература», писал пьесы, принимал участие в постановке спектаклей, был наставником молодых и очень одарённых петроградских писателей – «Серапионовы братья». Успех был феноменальным. Корней Чуковский даже назвал его «новым Гоголем». И это всего лишь в тридцать три года! Но моя цель подробнее остановиться на романе **«Мы»**, первая публикация которого состоялась за границей. По одним данным в 1924-м, по другим – в 1927 году. В любом случае критики признали его политической ошибкой, наносящей огромный вред советской литературе. 22 сентября 1929 года, не выдержав массированной атаки со стороны правительства и лояльных к нему коллег литераторов, Евгений Иванович заявил о своём выходе из Всероссийского Союза писателей, а в 1931 году, добившись разрешения властей, покинул страну.



Что же такое роман «Мы»? Утопия? Никак нет. Утописты стремятся найти пути создания идеального мира, где будут процветать добро, справедливость, равноправие, гармония и т. д. Одним словом – всеобщее СЧАСТЬЕ. Древнегреческий поэт Гесиод (VIII–VII век до н. э.) – исполнитель эпических песен, один из основателей дидактического литературного направления, в своей поэме «Труды и дни» запечатлел сюжет о «золотом веке человечества», поскольку во времена существования родовых общин не

было разделения на богатых и бедных, все были равны перед её Величеством – Природой. Он и явился неким архетипом для последующих утопистов. Из своего детства я хорошо помню, как учительница начальных классов говорила нам о стремительном наступлении коммунизма, и даже помнится принцип «От каждого – по способностям, каждому – по труду». И мы безоговорочно верили. Но есть и всегда были люди, к числу которых относится и автор вышеназванного романа, смотрящие глубже, то есть на перспективу. Их интересует, а будет ли человек по-настоящему счастливым в так называемой идеальной среде? Но это уже антиутопия. Таков роман.

Местоимение «мы», направленное на сплочение, солидарность в нашей стране всегда имело положительное значение. Вспомните песню на слова Роберта Рождественского в исполнении Софии Ротару: «В слове “мы” – сто тысяч “я”». И вдруг находится такой Замятин, в романе которого оно имеет негативную окраску. «Единое Государство» (ЕГ) по авторскому замыслу – это объединение не свободных личностей, а серой, безликой массы, механически и строго по расписанию выполняющей определённые функции, вплоть до биологических. Во главе её стоит Благодетель. Идея коллективизма в описываемом обществе доведена до пародии. Но если внимательно читать, то роман можно назвать и автопародией, поскольку присутствует элемент самокритики, где автор нисколько не отделяет себя от понятия «мы». Известно, что в годы первой русской революции Замятин был большевиком, а потому с восторгом встретил Октябрьскую революцию, вернувшись из Англии, но, раньше других осознав масштабы трагедии, оказался куда прозорливее многих, за что и пострадал. Объясняя произошедшее с ним, Е. Замятин приводит персидскую басню о петухе, у которого была дурная привычка петь на час раньше других, из-за чего хозяин попадал в нелепое положение. В конце концов он отрубил петуху голову. «Роман “Мы”, – с горечью заключает писатель, – оказался персидским петухом: этот вопрос и в такой форме поднимать было ещё слишком рано». В действительности же роман на родине писателя ещё не был прочитан: первая публикация романа в СССР состоялась лишь в 1988 году (журнал «Знамя». 1988. № 4–5)».

Итак, роман – довольно смелая антиутопия – представляет собой один из вариантов предполагаемого далёкого будущего. Сюжет фантастичен, но не лишён некой доли психологизма. Автобиографичен. Написан в форме дневниковых записей-конспектов. Главный герой – сам автор, который значится под «нумером» Д-503. Математик, рационализатор, первый строитель космического корабля «Интеграл», цель которого «проинтегрировать» вселенную. Жители Единого Государства напрочь лишены какой бы то ни было индивидуальности: шарообразные бритые головы, одинаковые серо-голубые юнифы (форма), различаются только по нумерам-индексам. Творческое вдохновение воспринимается как опасный вид эпилепсии. Если какой-то нумер способен к самостоятельному мышлению, то шпионы-хранители тут же сообщают Благодетелю и нарушителя дисциплины немедленно наставляют на путь истинный, то есть проводят ему Великую Операцию по удалению фантазии. Обратите внимание, как автор тонко иронизирует по этому поводу: «Так приятно чувствовать чей-то зоркий глаз, любовно охраняющий от малейшей ошибки, от малейшего неверного шага. Пусть это звучит несколько сентиментально, но мне приходит в голову опять всё та же аналогия: ангелы-хранители, о которых мечтали древние. Как много из того, о чём они только мечтали, в нашей жизни материализовалось».

С неменьшей иронией он говорит о Дне ежегодных выборов Благодетеля, но в тексте это выглядит так естественно: «Завтра мы снова вручим Благодетелю ключи от незыблемой твердыни нашего счастья. Разумеется, это непохоже на беспорядочные, неорганизованные выборы у древних, ког-

да – смешно сказать – даже неизвестен был заранее самый результат выборов. Строить государство на совершенно неучитываемых случайностях, вслепую – что может быть бессмысленней? И вот всё же нужны были века, чтобы понять это». Роман Замятина остро современен и в наши дни. Но как он мог написать такие вещи в двадцатых годах двадцатого столетия – уму непостижимо!

Государство полностью взяло в свои руки заботу о всеобщем и одинаковом для каждого счастье. Чистота. Стерильность. Прозрачные стеклянные дома, причём строго прямоугольные, геометрически выверенные площади, улицы. С внедрением нефтяной пищи побеждён голод. Решена глобальная проблема далёкого XX века! Отпала необходимость думать о хлебе насущном. Да что там о хлебе! Даже о продолжении рода! Любовь сведена к случайным, медицински полезным процедурам. Для этого всего лишь необходимо подать заявку на любой нумер, и он к вашим услугам, правда, в строго определённые часы и дни недели. И только в эти часы позволено было опустить шторы в прозрачной комнате. Автору, безусловно, удаётся обнажить мысль, заострить, довести до абсурда и во всей красе подать читателю.

Замятин в совершенстве владеет приёмами звуковой и зрительной характеристик персонажей. Вот, что он говорил: «Я далёк от того, чтобы приписывать каждому звуку строго определённое смысловое или цветовое обозначение. Но – **Р** – ясно говорит мне о чём-то громком, ярком, красном, горячем, быстром. **Л** – о чём-то бледном, голубом, холодном, плавном, лёгком. Звук **Н** – о чём-то нежном, о снеге, небе, ночи… Звуки **Д** и **Т** – о чём-то душном, тяжком, о тумане, о тьме, о затхлом. Звук **М** – о милом, мягком, о матери, о море. С **А** – связана широта, даль, океан, марево, размах. С **О** – высокое, глубокое, море, лоно. С **И** – близкое, низкое, стискивающее и т. д.» (Анненков Ю. Евгений Замятин [Воспоминания] // Литературная учёба. 1989. № 5). Не стану останавливаться на значении цифр, они тоже в романе выполняют определённые функции.

Точный выбор имени играет не менее важную роль. Согласные буквы служат эквивалентом мужских имён, а гласные – женских. Интересно и то, что буквы выбраны и латинские и русские, выходит, что автор не придавал особого значения языковым барьерам и национальным различиям. Вот, как описывает автор О-90, которая строго по расписанию заказывала на него розовый талон. Её внешний портрет «повторяет» её имя: «Милая О! – мне всегда это казалось – что она похожа на своё имя: сантиметров на 10 ниже Материнской Нормы – и оттого вся кругло обточенная, и розовое О – рот – раскрыт навстречу каждому моему слову. И ещё: круглая, пухлая складочка на запястье руки – такие бывают у детей». При существующей в Едином Государстве «науке детоводства» О-90 не может иметь ребёнка – она ниже Материнской Нормы на десять сантиметров. Зная, что ей грозит смерть в случае отступления от правил, молодая женщина всё рано решается на этот шаг, поскольку в ней просыпается материнский инстинкт. Д-503 уступает её просьбе.

I-330 совсем другая и по внешнему облику, и по характеру: *«тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст»*. Латинское I (не русское «и») в зрительном плане представляет эту элегантность, угловатость, стойкость (стойкий, сильный характер), резкость, что усиливается и такой деталью, как *«острые белые зубы»*. Всё в I-330 являет собой вызов Единому Государству – установленному порядку, стандарту, унифицированному миру. Её фантазии в одежде воспринимаются как своеволие, как вызов, свидетельствуют об осознании личностного начала. Героиня будоражит воображение Д-503, пробуждает в нём способность любить, думать, сомневаться.

Так уж случилось, что любовь для Д-503 из медицински полезной превратилась в страсть. Слушая музыку Скрябина в исполнении I-330, он впервые ощущает «медленную сладкую боль», чувствуя в своей крови ожог «дикого, несущегося, опаляющего

солнца». У него образовалась душа. А это уже грехопадение, причём государственного масштаба. I-330 первая осознаёт необходимость протеста и пытается вытянуть Д-503 из рутины. И на какое-то время ей это удаётся, они оба становятся заговорщиками. В романе она более чем революционерка. Критики называют её Мессией, усматривая первую букву её имени, как начальную в имени Христа, а в цифре – его возраст, увеличенный в десять раз. Нерешительный и безвольный Д-503 становится безучастным свидетелем казни любимой. Всё-таки побеждает Государство. Механические инстинкты, заложенные ЕГ одерживают верх над человеческими чувствами. Он снова во власти Благодетеля. Позволю себе вставить ремарку, не относящуюся к роману, но очень уж аббревиатура похожа по своей нелепости на современную. Не такой ли Благодетель ввёл ЕГ в систему образования?!

Итак, I-330 погибает, по-другому и быть не должно, но остаётся О-90, в которой зародилась новая жизнь. Она смогла переправиться за Зелёную Стену, в мир естественной природы, «её будущее полно неясностей, поскольку гарантированного безоблачного счастья этот мир не сулит, но на неё и её ребёнка – будущее человечество – возлагает надежды автор и мы, читатели. В этом смысле роман заканчивается открытым финалом – прославлением Вечной Женственности».

Основная мысль романа, на мой взгляд: останется ли в эпоху технократии Человек Человеком? Способен ли он, извлекая разумное зерно цивилизации, противостоять ей в духовном плане? Литературный герой, то есть Д-503, не выдержал. Сломался. Но автор подарил миру замечательный роман, который и в наше время нисколько не утратил своей значимости, остроты и актуальности.

10 марта 1937 года Евгений Иванович скончался от «грудной жабы» в бедной квартирке на улице Раффе. Ему было всего 53 года. Похоронен на далёком кладбище Тие в окрестностях Парижа, где хоронили русскую бедноту. Считаю, что свой писательский и гражданский долг он выполнил с честью, поскольку не юлил, не лукавил, ни под кого не подстраивался, не упражнялся в написании хвалебных од, а брал самые болевые темы своего времени и честно, открыто доносил до читателя горькую правду, при этом мастерски облекая её в художественную форму.

Использованные материалы:

Замятин Е. И. Избранные произведения. В двух томах. – Москва: Издательство «Художественная литература», 1990.

Крючков В. П. «Еретики» в литературе: Л. Андреев, Е. Замятин, Б. Пильняк, М. Булгаков. – Саратов: Издательство «Лицей», 2003. – Режим доступа: http://licey.net/free/13-literatura_20_veka_analiz_dlya_sochinenii/64-eretiki_v_literature__l_andreev__e_zamyatin__b_pilnyak__m_bulgakov/stages/2865-istoriya_sozdaniya_i_smysl_nazvaniya_romana_my.html

Владимир Соколов

г. Барнаул

Об «Эгоисте» Мередита

Роман английского писателя Джорджа Мередита появился в 1879 году. К моменту выхода произведения автор уже отметил свое 50-летие и его репутация одного из ведущих английских романистов диккенсовской школы прочно утвердилась. Поэтому и «Эгоист» получил заслуженную порцию похвал, как социальный роман, сатирически изображающий типичного представителя провинциального английского дворянства, самоуверенного до не могу, эгоиста до мозга костей, возомнившего себя пупом Вселенной. Именно в качестве социального романа «Эгоист» и вошёл в мировую литературу. Вторая его характерная особенность – острый психологизм – поначалу вызывала недоумение. Роман казался каким-то не таким, слишком сложным и навороченным. Но поскольку психологическая струя в конце XIX века мощно завладела литературой, это непонимание просуществовало недолго и «Эгоиста» причислили к классикам и предтечам Пруста, Джойса, В. Вулф.

Если отбросить ненужную критику и ещё более ненужные восторги, то «Эгоист» как роман – это сплошная неудача. Обстановка дворянской усадьбы изображена весьма условно, примерно как обстановка русского поместья у Тургенева, персонажи схематичны, скорее функции, а не люди. Сюжет не содержит никакой интриги, которая нужна не только популярному читателю, но и любому, ибо как на ниточке держит бусины жизненных наблюдений и авторских идей.

Весь интерес романа сосредоточен на фигуре главного персонажа сэра Уиллоби, внутренний мир которого рассматривается со всех сторон и в разных жизненных ситуациях. Именно психологический анализ его переживаний и составляет нутро этого произведения.

Психологический анализ Мередита осуществляется целым набором инструментов:

1. Традиционное описание. Это когда отмычкой к душевным движениям служат проявления внешних действий и состояний («он побледнел», «он покраснел», «его лицо покрылось испариной»). До совершенства этот приём при психологическом анализе был доведен Тургеневым. Вот как он описывает последнюю встречу Лизы и Лаврецкого: «Лаврецкий посетил тот отдалённый монастырь, куда скрылась Лиза, – увидел её… Она прошла мимо него... ровной, торопливо-смиренной походкой монахини – и не взглянула на него. Только ресницы обращённого к нему гла́за чуть-чуть дрогнули, только ещё ниже наклонила она своё исхудалое лицо – и пальцы сжатых рук… ещё крепче прижались друг к другу».

Никаких соплей и слюней, никаких сюси-пуси: строго и очень красиво. Заметим, что такое сдержанное описание у Тургенева шло не от недостатка мастерства (ибо во многих ранних рассказах он был не менее сентиментальным, чем Достоевский), а было сознательной установкой. Описанную сцену он заканчивает так: «Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства… На них можно только указать – и пройти мимо».

Чаще всего Мередит использует для такой психологической характеристики диа-

лог, примерно так же, как это делала Джейн Остин. Можно даже сказать, что Мередит был непревзойдённым мастером психологического диалога. Что, казалось бы, могло сделать его роман благодатным материалом для инсценировок и экранизаций. Ан нет, нет, по крайней мере, Wiki как рот воды набрала на этот счёт: ни тех, ни других. И хорошо делают, что не экранизируют. Если убрать из диалога авторские ремарки, весьма скудные и немногословные, то весь диалог превратится в полную хемингуэевщину.

2. Прямое описание психологических состояний. Писатель описывает, что происходит в душе героя, как врач описывает течение болезни. Этим приёмом нередко пользовался Л. Толстой и неумеренно – Ф. Достоевский.

3. Внутренний монолог, который построен у Мередита по всем правилам драматического монолога, в русле в основном шекспировской традиции, но ещё не переродившийся в форменное безобразие, как у В. Вулф или Джойса, где читать поток сознания можно с начала, середины и конца, в любом порядке – и ничего в понимании текста не изменится.

4. Особый описательный приём, чётко прослеживаемый у Флобера и, возможно, им же и придуманный. Состоит этот приём в соединении пунктов 2 и 3. Автор как бы описывает от себя, но при этом – полностью или частично – переходит на язык и способ выражения, которые он даровал своему персонажу. Он словно говорит от имени своего персонажа: люди редко умеют выражать свои мысли, а главное облекать их в ясную форму, и вот автор берёт эту задачу на себя – упорядочивает хаос мыслей и чувств обыкновенного человека, но при этом говорит не своим языком, а языком понятий и мыслей изображаемого им персонажа.

Ну и наконец, Мередит многие свои психологические наблюдения оттачивает до уровня всеобщих максим. Здесь он, раз уж мы взялись его сравнивать с другими корифеями слова, может быть поставлен в один ряд с Ларошфуко и… даже не могу в эту компанию подыскать третьего.

Говоря о том, что роман неудачный, я бы не стал списывать эту неудачу на счёт одного Мередита. Скорее всего, сама форма романа накладывает на материал непреодолимые ограничения. Невозможно написать роман одновременно социальный и психологический. В лучшем случае социально-психологический, в котором психология персонажей завязана на их социальные роли и неотделима от них. Роман Мередита тоже имеет черты социально-психологического. Его Уиллоби – это эгоист, которого в чистом виде способна воспроизводить английская система воспитания джентльменов и который в чистом виде возможен, наверное, только в Англии. Но психология эгоизма, изображённая писателем носит универсальный характер: подобных эгоистов, не отполированных образованием, мы встречаем в лице современной российской элиты: масса самомнения при нулевых умственных и нравственных способностях. Подобных эгоистов мы можем наблюдать внутри себя, если бы мы имели склонность к самонаблюдению. Так что изображённый Мередитом тип имеет универсальный характер.

Сергей Тулупов

г. Череповец, Вологодская обл.

Когда святой Валентин недоступен

«ПОЗДРАВЛЯЕМ РОЖДЕНИЕМ СЫНА ДЕВОЧКИ» – телеграмму с текстом шеф прочитал дважды, при этом недоумение на лице не исчезло, а только слегка сгладилось, плавно перейдя в полуулыбку.

– Надеюсь, в неделю уложишься, – подвёл он итог переговоров, подписывая заявление.

– Ко Дню святого Валентина тебе подарок жена преподнесла, – добавил заместитель шефа.

– А это что за праздник такой? Ни разу не слышал, – поинтересовался молодой папаша у непосредственного начальника.

– Это у них там, на Западе, 14 февраля День всех влюблённых отмечают, в общем, забудь – не наш праздник! – добавил продолговатый зам, любитель блеснуть эрудицией и иногда поразглагольствовать на отвлечённые темы.

Поезд до Питера прибывал вечером, а пока недавний выпускник ленинградского политеха и старший инженер-экономист заводского вычислительного центра отправился на рабочее место приводить дела в порядок и подготовить задание на неделю подчинённым дамам-программисткам.

«Хорошо, что зарплату успели выдать, – на первое время хватит, а потом что-нибудь придумается. На ребёнка много чего понадобится. Наверное, супруге, студентке четвёртого курса, всё-таки придётся взять “академку” и с сыном пожить у родителей – обещали выделить проходную шестиметровую комнатушку в квартире. Хотя заведующая студенческим общежитием готова поселить в маленькую комнату, если будет нужная “бумага”. Позднее определимся… Главное, чтобы жена с сыном хорошо себя чувствовали. И вообще, как они там одни?» – мысли роились в голове у молодого отца, цепляясь одна за другую, и не давали сосредоточиться на делах.

Периодически в офис заглядывали коллеги по работе с поздравлениями и пожеланиями. А тёзка из соседней службы от души поздравил с завершением уплаты государству налога на бездетность или на «яйца» – согласно советскому фольклору. Рабочий день пролетел незаметно, а вечером зам вручил Арсению материальную помощь от профкома и махонький костюмчик для новорождённого.

– Это не тебе, а сыну. Смотри не перепутай! – от души пошутил заместитель шефа.

Мелочь, а всё-таки приятно в чужом городе получить капельку душевного тепла от коллег, несмотря на то что проработал всего восемь месяцев…

Сборы и отъезд из города железного гостеприимства, беспокойная ночь в поезде и встреча с культурной столицей не оставили в памяти новоиспечённого родителя никаких воспоминаний.

Вахтерша при входе в студенческую общагу узнала и, не расспрашивая, пропустила без документа – меньше года пролетело, как виделись последний раз. Поднялся к знакомой комнате на втором этаже и через несколько секунд оказался среди студенческих подружек жены. После поздравлений и короткой беседы отправились в роддом.

Жалкая попытка молодого инженера доехать на такси получила мягкий отпор от изменившихся за год девушек.

– Нечего на такси шиковать, деньги ещё пригодятся. Не сахарные и не растаем, поэтому доберёмся на метро, а затем автобусом, – решили девушки.

Спустя час необычный квартет предстал под окнами здания старой постройки с отваливающейся штукатуркой. Рядом молодой мужчина пытался разобрать крики супруги из окна. На стене дома напротив две надписи мелом, одинаковые по смыслу и разные по размеру, выделялись среди прочих: *«КАПУСТУ ПРИВЁЗ ЗАВТРА НА РАБОТУ»*.

– Надо крикнуть, чтобы она подошла к окну, – подсказала одна из девушек, указывая примерное расположение окна палаты на третьем этаже.

Слабый сольный выкрик имени любимой женщины бывшим студентом морозный ветер отнёс куда-то в сторону, а уличный шум окончательно заглушил.

– Три-четыре, ЛЮ-Ю-ЮДА-А-А!!! – прозвучало тотчас двумя октавами выше. Окно на третьем этаже открылось, и молодая мама, что-то прокричав, жестами в сторону и вниз указала на служебную дверь роддома.

– Сейчас спустится, давайте подойдём, – пояснила одна из подружек.

Подошли, дверь открылась, и изрядно похудевшая супруга выскочила на улицу. Нужные и нежные слова застряли в горле и не понадобились. Студентка, ставшая матерью, быстро поздоровалась со всеми и тут же продиктовала новоиспечённому папаше, что купить для ребёнка и себя.

– С заведующей договорилась, ей нужна официальная бумага от руководства института, разрешающая проживание в отдельной комнате с ребёнком. Год терять не хочется. Сестра Надежда готова подъехать и помочь, отпуск дают. Так что решай! Всё, я побежала, а то холодно и скоро кормить сына, – на одном дыхании закончила молодая мать.

Дверь за молодой мамашей закрылась, Арсений же, не успевший отойти от короткого и прагматичного общения, подумал о том, что недолго был на первом месте для жены в маленькой семье. И некстати вспомнился святой Валентин…

На ночлег молодой инженер устроился на свободной койке в комнате у ребят из группы супруги. Несколько дней в суете и мелких хлопотах пролетели незаметно. Староста группы заверил, что ходатайство на предоставление комнаты отправлено в деканат и решение будет положительным.

Наконец наступил день выписки. Такси подхвачено у станции метро, цветы подарены молодой матери, а металлический рубль отправился в карман медсестры взамен на свёрток с сынулькой. Через полчаса маленькая семья очутилась в общежитской комнате, а больше идти было некуда. Положив на кровать ребёнка, мать-студентка наклонилась и распеленала его. Младенец ощутил свободу, испугался непривычной обстановки и инстинктивно вцепился маленькими ручонками в длинные распущенные волосы с необычной для малютки силой, да так, что заботливому отцу пришлось прийти на помощь и с трудом разжать их.

Студентки-подруги попрощались и разъехались по родственникам и знакомым на несколько дней, предоставив молодой семье возможность определиться в планах. Быстро повзрослели девочки, ещё совсем недавно бывшие такими наивными. С полгода как назначенная заведующая общежитием селить в обещанную комнатёнку без письменного разрешения отказалась. С сожалением вспомнилась бывшая хозяйка общаги «Капа», Агриппина Ивановна, – с ней вопросы решались без лишних бумаг…

Пару бессонных ночей, беготня по магазинам, совместное купание ребёнка, время и деньги на исходе. Выстоял очередь – в Загсе вручили свидетельство о рождении и памятную медаль. Звонок родителям – получил денежный перевод. Все события воспринимались отрешенно, на автопилоте. Цейтнот подкрался незаметно.

– Роют, – краткое резюме выдал сухорукий активист факультета с хитроватым округлым лицом на вопрос главы семьи о разрешении на вселение в отдельную комнату до конца курса и постарался быстрее исчезнуть из поля зрения главы семейства.

«Очередной заболтанец, придётся завтра самому пробежаться по бюрократическим инстанциям, если уже не поздно. Тем более, послезавтра выходить на работу», – подумал бывший студент.

На следующий день секретарша декана была лаконична: ни на кафедре, ни в деканате о ходатайстве ничего неизвестно и вообще подобные вопросы не в компетенции деканата – решать надо в администрации института. Если нужно, необходимое письмо о выделении отдельной комнаты в общежитии молодой матери с ребёнком для продолжения учёбы за подписью декана, председателя профкома и секретаря комитета комсомола при наличии заявления от студентки и свидетельства о рождении может быть отправлено проректору по быту.

«Пожалуй, всё! Здесь никакие святые не услышат и не помогут, даже западные. За месяц проблему не решить, а квартиру снять – быстро не получится, да и денег никаких не хватит. Придётся нашей отличнице оформлять академический отпуск и ехать к родителям», – с грустными мыслями медленно двигался молодой папаша в сторону метро.

Проходя мимо административного здания политеха, Арсений внезапно почувствовал смутное желание напоследок обойти кабинеты чиновников для успокоения совести. Чем чёрт не шутит, когда небеса не доступны для маленьких просьб. Терять было нечего, и в очередной раз и не в тему припомнился святой Валентин… и чего привязался.

Забежав в три или четыре кабинета разных начальников и общественных функционеров и изложив суть дела, Сеня начал понимать, что в подобных проблемах лучше разбираются секретарши. Необязательно было общаться напрямую с начальством, достаточно найти ключевую фигуру для решения конкретного вопроса. А ещё надо быть хорошим артистом, умеющим располагать к себе людей. Не требовать или просить, а предлагать готовый вариант решения проблемы.

Быстро обучаясь на ходу и перемещаясь по хитросплетениям общественно-административной иерархии института, беседуя с разными начальниками или секретаршами, Арсений заскочил в очередную приёмную какого-то профсоюзного лидера. И – нежданная удача! – секретарша, приятная светловолосая женщина лет сорока, внимательно выслушала и посоветовала зайти к шефу.

– Валентин Иванович подобные вопросы решает, постарайтесь в изложении проблемы обратить внимание на наличие свободной комнаты и готовность заведующей предоставить её вашей супруге, комсомолке и отличнице, для завершения учёбы на четвёртом курсе. Удачи вам! – указав на дверь кабинета шефа, пожелала обаятельная женщина.

За дверью обширного кабинета проситель обнаружил парня моложе себя в строгом костюме, ухоженного и явно изнывающего от безделья, только что закончившего разговаривать по телефону. Представляясь и излагая суть дела, бывший студент мысленно представил себя маленьким человечком, простым смертным перед большим начальником, небожителем, от которого зависела судьба его и близких ему людей.

Подействовало! Внимательно выслушав, профсоюзный божок тотчас пригласил секретаршу и продиктовал текст письма-разрешения, которое очаровательная дама бальзаковского возраста быстро отстучала на машинке. Размашистая подпись, печать, пять минут на подпись у проректора и такой нужный и значимый документ в судьбе маленькой семьи был готов.

– Вселяйтесь и всего наилучшего! – вручил «охранную грамоту» профсоюзный святой.

– Постарайтесь воспитать достойного сына, – напутствовала помощница-фея.

Со словами благодарности обладатель волшебного письма осторожно закрыл дверь и, переведя дух, только в коридоре надел шапку. Нервная и физическая опустошенность вперемешку с эйфорией от самостоятельно решенной проблемы и приобретённого опыта от общения с институтской бюрократией плавно сменились прагматическим осмысливанием изменившейся ситуации только в вагоне метро.

Вернувшись в ставшее снова родным общежитие, Арсений вручил письмо-разрешение новой заведующей, которая не поленилась и лично открыла заветную комнатёнку на четвёртом этаже и после осмотра отдала ключи студентке-матери. А ближе к вечеру Сеня позвонил с переговорного пункта на рабочий телефон Надежде, пообещавшей приехать утром следующего дня.

А далее последовали прощание с семьёй и культурной столицей, очередная бессонная ночь в плацкартном вагоне и возвращение в ставшую привычной трудовую колею в городе железного гостеприимства. Больше святого Валентина Сеня не вспоминал в отсутствии причин или повода до иных времён…

Прошло несколько лет. Старший сын Арсения уже учился в школе, а младшему едва исполнилось пять лет. Наш герой, солидный семьянин и специалист по финансам на крупном предприятии, случайно подслушал монолог первенца, адресованный младшему брату.

– Когда я родился в Ленинграде, у меня было трудное детство. Мне пришлось больше четырёх месяцев жить с мамой в общежитии в тяжёлых антисанитарных условиях. А когда ты родился – тебя привезли на всё готовенькое, в двухкомнатную квартиру с ванной и кучей игрушек. А теперь ты опять новую машинку просишь. Совесть у тебя должна быть или нет? – воспитывал младшего братишку родившийся в Питере сын. Маленький гражданин с жизненной позицией, биографией и даже медалью с надписью *«РОДИВШЕМУСЯ В ЛЕНИНГРАДЕ»*.

Скидки для авторов в 2018 году

Для авторов публикаций действует объёмная скидка на заказ экземпляров журнала:

1–2 – 300 руб./экз.
3–4 – 270 руб./экз.
5 и более – 240 руб./экз.

Заказывайте больше, передавайте журналы в библиотеки своего региона, чтобы с вашим творчеством знакомились новые читатели!

Татьяна Эдел

г. Нью-Йорк, США

Как я снималась в американском кино

Я, как тот Абрам, вечно куда-нибудь вступаю. Всегда привыкла жить в гуще событий и теперь, оказавшись в далёкой Америке, не собиралась сидеть дома сложа ручки. Занесла свои данные и лучшие фотографии на сайт, где ищут таланты, и стала ждать предложений. Их было много, требовались люди для участия в различных массовках. Один раз в неделю, например, требовалось сидеть в суде весь день при оплате в 60 долларов. Там шли постоянные сьёмки судебных процессов. Заработок копеечный, но зато реальный. Одного я не учла: всю неделю я была занята на работе. По выходным же киношники отдыхали. На постоянный заработок в массовках рассчитывать не приходилось, поэтому я притихла и практически перестала заходить на свою страничку.

Когда через пару месяцев мне написал на почту менеджер, предлагая участие в сьёмках, я не сразу поняла, о чём речь. Подумала, что это либо чья-то очередная афера, где выманивают деньги у бестолковых дурочек, готовых заплатить, чтобы их взяли сниматься в кино, либо ошиблись номером. Оказалось, и не дурочке звонят, и номером тоже не ошиблись.

Мужчина разговаривал быстро, я, естественно, не всё понимала и попросила написать мне подробно, что к чему, на почту. Там-то я королева – и время для перевода текста и его осмысления есть, и перевести любую петицию в секунды можно. Он согласился. Письмо пришло незамедлительно.

Мне предлагалось сыграть роль женщины, с которой случилось несчастье. Передача называлась «Ошибочный (мистический) диагноз» и снималась она в студии знаменитой ведущей Опры.

Я тут же выспросила, жива ли эта пациентка, потому что судьбу мёртвого человека играть не хотелось. Пусть это предрассудки, но я так решила. Уверили, что всё в порядке. Подобную передачу я никогда не видела, потому что смотрела только русское телевидение. Менеджер, извинившись несколько раз, сказал, что к большому сожалению они не могут заплатить, но накормят меня обедом и отправят домой на такси. Съёмки будут в двух районах Нью-Йорка: Квинсе и Манхеттене.

Да шут с ними, деньгами, интересно ведь! Я дала согласие. Съёмочный день был назначен на пятницу, это вполне меня устраивало, так как я работала на основной работе всего полдня. Практически успевала везде.

В четверг менеджер написал мне, что я должна принести с собой пижаму или красивую ночную рубашку. Я впала в ступор. Батюшки, зачем? Что, будут снимать постельную сцену? Мы так не договаривались. Он снова позвонил, чего-то наговорил, я поняла только «не беспокойтесь, всё будет хорошо».

«А-а, – подумала я, – смелость города берёт». И начала перебирать свои ночнушки и пижамы. Выбрала две пижамки из ситца в крапинку с оборочками на груди и штанишками до колен. Женщина я немо-

лодая, но стройная, и рядиться в шёлковые кружева пред сотнями незнакомых людей не пристало.

Итак, наступила пятница. С самого утра я находилась в возбуждённом состоянии, то и дело поглядывая на часы. Как только закончился рабочий день, я чуть ли не бегом рванула в метро, захватив сумку с косметикой и пижамами. Ехать нужно было далеко. Чего только не передумала за полтора часа. Но всё когда-то кончается, доехала наконец и я. Нашла указанный адрес, оказался обычный жилой дом. Испугалась ещё больше. Почему дом, разве в квартирах бывают сьёмки? Ушла на остановку и принялась звонить менеджеру. Он успокоил, что они скоро подъедут и добавил, чтобы я никуда не уходила.

Стоять устала, сесть негде, хоть плачь. А куда деваться. Метрах в двадцати остановился семиместный автомобиль. Из него вышел молодой мужчина лет 35 и следом буквально вывалились ещё три парня и молодая женщина лет 28. Открыли багажник и начали вытаскивать на свет Божий шнуры, ящики, лампы и ещё непонятно что.

«Господи, – думала я, – мужиков четверо, и девка с ними заодно. Может, они какую порнуху собрались снимать». Трясусь как осиновый лист.

Подошёл первый парень, протянул руку, представился: «Джек». Улыбнулся голливудской улыбкой, сказал, что рад знакомству. Вся толпа неспешно двинулась в сторону названного адреса. Вошли во двор этого дома. Я плетусь позади команды.

Вошли действительно в маленькую квартирку с крохотной кухонькой, туалетом и спальней. Всё пространство этого царства сна занимала кровать.

Кое-как парни установили лампы и обвили шнурами всё вокруг. Девица сказала мне, чтобы я переоделась, кивнув на ванную. При этом добавила, что брюки можно оставить, сменить лишь кофточку на бельё.

Судорожно сжимая пакет с пижамами, я пошла рядиться. Квартира чистотой не отличалась, как и само помещение ванной. Повздыхала, надела в рюшках кофточку-разлетайку и вышла на голгофу.

Подскочил вновь прибывший мужчина, такого же возраста, как и я. Симпатичный, с усами и лукавыми чёрными глазищами. Сказал, что он мой муж и теперь я должна его любить (???). Я шарахнулась, как лошадь перед барьером. Он снова засмеялся и спросил, почему пижама не прозрачная. Ага, счас растелешусь, жди!

Нам приказали лечь в постель (оба в брюках). Положили мне в ноги рыжего кота, который никак не хотел лежать с чужой тёткой. Наконец он угомонился и притих. Мне объяснили, что я должна сесть в кровати и протянуть руку, чтобы погладить кота (на кой ляд я буду гладить кота среди ночи, непонятно). В этот момент я должна понять, что один мой глаз не видит. Я начинаю волноваться и бужу мужа. Потом идут слёзы, уговоры. «Поняла?» – спрашивают. Да поняла. Только ещё раз переспрашиваю, останется ли героиня жива. Как будто это что-то могло изменить, если я уже лежу под софитами. Ха-ха. Нервное, наверно. «Sure», – отвечают, – конечно, значит.

И потом пошли дубли числом семь. После чего нас посадили спиной к камере, и мы, обнявшись, что-то друг другу говорили. Я сопела и плакала, говорил тихонько «муж». Этот эпизод сняли с двух дублей. Тут же народ начал сматывать шнуры. Мой напарник в мгновение ока переоделся из футболки в приличный костюм, мило попрощался со мной и сказал, что он уезжает, а мне ещё предстоят сьёмки в Манхеттене. Его я понимала хорошо. Похоже, он был латинос и английский был для него таким же иностранным языком, как и для меня.

Команда вышла на улицу, Джек сказал, что сейчас мы едем в студию Опры. Однако день клонился к вечеру, и я забеспокоилась, как попаду домой. Не люблю ездить в общественном транспорте по вечерам.

– Мы же отправим вас домой на такси и оплатим! – воскликнул Джек.

Честно говоря, уже хотелось и есть. Если они считали вазу с фруктами в той квартир-

ке обедом, то я не худая кинозвезда, а нормальная женщина с хорошим аппетитом. Но не запросишь же, терпи.

Приехали в Манхеттен, когда уже смеркалось. Да, действительно, на 6-м этаже оказалась студия со множеством небольших комнат. Меня переодели в новую тёмно-синюю блузку, нахлобучили на голову парик и посадили за компьютер. Я изображала героиню на работе. И здесь снова повторялась старая история. Я должна изобразить ужас от понимания, что глаз так и не видит. Звонить мужу, жаловаться и плакать. Легко. Тут мне не страшно. Сьёмки в студии, все вокруг галантны и называют меня звездой на полном серьёзе. Домой отправят, снимайся себе в удовольствие. Про еду и забыла.

Эпизод сняли быстро с двух дублей. Повели в другую комнату. Посадили в инвалидное кресло, сменили рубашку на халатик. Парик сняли, а голову покрыли банданой. Вроде как лысая уже. Эпизод состоял из того, что моя героиня сидит с вымученным лицом, входит бодрая медсестра и ставит капельницу. Ну, тут помучиться пришлось, потому что девушка, изображавшая сестричку, была уж больно весела и лучилась улыбкой. Кое-как её угомонили, эпизод сняли.

Теперь наступил черед последней заключительной картинки. Как будто героиня пришла к доктору, и он объявляет ей страшный диагноз. Я как представила себе, что такое могло произойти со мной, залилась горючими слезами, затряслась, в глазах мука. В общем, правда, народная артистка.

После сьёмки пошли в другую комнату с множеством мониторов. И тут я увидела себя, вернее, ту женщину, роль которой играла. Она действительно была очень похожа на меня. А уж мой «муж» вообще был точной копией настоящего. Это было невероятно. Вот почему они выбрали именно нас.

После съёмок все вышли в холл, встали полукругом и долго аплодировали мне одной. Это было очень трогательно. Их молодые лица светились уважением, одобрением и радостью. Не было ни одного человека, хлопавшего просто для приличия. Я была счастлива.

Джек проводил меня на улицу, поблагодарил за съёмки и сказал, что они непременно пригласят меня сниматься ещё. Вызвал такси, заплатил, и я покатила домой, уставшая, но довольная.

Через два месяца Джек написал мне, что в такой-то день на таких-то каналах будет идти эта передача. Из-за занятости на работе я не могла посмотреть программу полностью, и мне даже показалось, что все эпизоды со мной вырезаны. Но, когда я посмотрела вечерний повтор, увидела, что я все же присутствую. Правда, две из четырёх картин корова языком слизала.

Зато мне прислали по почте диск с записью. И я узнала наконец всю историю настоящей героини. Вот так однажды она поняла, что один глаз не видит. Пошла к врачу, и ей объявили, что у неё опухоль с соответствующими последствиями. Дамочка собралась умирать. Но однажды, лёжа на диване, она громко чихнула и из носа вылетел кусочек зелёной слизи. Что-то где-то застряло. Никакой опухоли не было. Дама оказалась совершенно здорова. Вот тебе и мистический диагноз!

Страницы автора
www.facebook.com/tatyana.edel
vk.com/public130445467

Анатолий Градницын

г. Иркутск

Сказка про горилл

(Продолжение. Начало в № 9–12/2017, № 1/2018)

А потом сказал: «Ребятки,
Вам бежать бы без оглядки.
Ой, здесь будет кутерьма,
А потом вас ждёт тюрьма.
Мне сороки рассказали,
Что горилл всех приказали
В этих джунглях изловить
И в тюрьму их посадить.
Здесь хотят найти Савраса,
Говорят, что лоботряса.
Заодно его дружков,
Говорят, что дураков.
Вы лицом и цветом кожи
Очень сильно с ними схожи.
Потому, скажу я вам,
Расходитесь по домам».
Тут сказал ему Отелло:
«Но такого беспредела
Не могли мы ожидать.
Все с ума сошли, видать.
Мы простые мальчуганы.
Пусть немножко хулиганы.
Не бандиты вовсе мы,
И не надо нам тюрьмы.
Слышишь, дяденька жираф,
Правду ты в моих словах?
Друга мы идём спасать,
Нам его нельзя бросать».
«Так бы сразу и сказали,
Что вы друга выручали.
Я ведь длинный, потому
Сразу всё и не пойму.
Вам его за речкой нужно
Поискать по джунглям дружно.
Только страшно в тех местах,
Змеи там живут в кустах.
Рыщут злые там гиены,
Ловят их аборигены,
Львов, шакалов и собак
Истребляют просто так.
Много ям они нарыли,
Сверху их листвой прикрыли.
Если в яму упадёшь,
Несомненно пропадёшь.
Любят там аборигены,
Бизнесмены, и бушмены,
И народ из разных стран
Кушать диких обезьян.
Их, в сметане запечённых,
И с гарниром, и копчёных,
В ресторанах подают,
Деньги дикие берут.
От охотников, ребятки,
Дуйте мигом, без оглядки,
Чтобы с лёгкой их руки
Не попасть вам в шашлыки.
А сейчас бежать вам надо,
Потому что кавалькада
Из машин и гончих псов
Мчит сюда без тормозов.
К водопою поспешите,
Там быков потормошите.
Вам с быками по пути,
С ними нужно вам идти.
Поспешить мне тоже надо
Душ принять у водопада,
Смыть с себя траву и грязь,
Не червяк я ведь, а князь.
Ждут меня мои милашки,
Полосатые мордашки.
Розалин, Лили, Муму!
Скоро всех вас обниму».

И галопом без заминки
Поскакал он по тропинке,
А друзья другой тропой
Вновь пошли на водопой.
Водопой совсем уж рядом,
И гориллы зорким взглядом
Видят – дикие быки
Строем встали у реки.
Бола первым спохватился
И с пригорка покатился,
Вслед за ним друзья гуськом
Полетели кувырком.
Вдруг из леса гул мотора
Все услышали, и скоро
На тропе сквозь дым и пыль
Виден стал автомобиль.
А ещё за ним толпою
Десять джипов к водопою
Подъезжают, а в них в ряд
Полицейские сидят.
«Пропадём сейчас, ребята,
Видно, вышли поздновато
Мы к реке на водопой.
Что ж, принять придётся бой».
Так сказал друзьям Отелло
И, готовый к схватке, смело
Палку поднял он с земли
И махнул рукой: «Пошли!»
В это время бычье стадо
Повернулось так, как надо:
Головами к речке встав
И хвосты наверх задрав.
Самый главный полицейский
В руки взял бинокль армейский,
Стал в бинокль наблюдать
И как начал хохотать:
«Ой, сейчас умру со смеху!
Это, видно, на потеху
Неизвестный нам нахал
Так быков разрисовал».
Все как начали смеяться,
По земле давай кататься,
Надорвали животы
И бегом скорей в кусты.
И, конечно, позабыли,
Что друзей они ловили.
Те ж, помедлив лишь чуток,
Вмиг пустились наутёк.
К камышам они примчались,
Сильно очень запыха́лись.
И с разбега в воду – прыг,
И затихли в тот же миг.
Прошептал друзьям Отелло:
«В камышах сидеть не дело.
Надо нам от кутерьмы
Убегать как от чумы.
Чтоб врагу не покориться,
Надо рыбой притвориться.
Будем мы как рыбы плыть,
Нужно, братцы, поспешить».
Полицейские смеялись
И от хохота валялись.
Прекратили вскоре гам
И направились к быкам.
Самый главный полицейский
Взял с собою хлыст жокейский:
«Похлестать хочу быков
По загривкам и с боков!
Пусть признаются, дурилы,
Где здесь прячутся гориллы,
А не то я гончих псов
Натравлю на беглецов».
К стаду нагло он подходит
И хлыстом небрежно водит:
«Где здесь самый главный бык?
Выходи сюда, мужик!
Расскажи мне всё, что надо,
А не то тебя и стадо
Схватим мы в один присест
И отправим под арест».

(Продолжение следует)

Наталия Колотилина

д. Кашино, Московская обл.

Снегопад

Посмотрите: снегопад!
Хлопья белые летят
И ложатся, где хотят:
На тропинки, на асфальт,
На скамейку во дворе
И на шапочку сестре,
На машины, детский сад,
На реснички у ребят.
Снег налип на провода,
Лёг на ветки, на дома.
В снегопаде улица
В белом танце кружится!
Я стою, а вкруг меня
В снег укуталась земля,
Потому что снегопад
Заметает всё подряд!
Жучка, Шарик и Барбос –
Все в снегу по самый нос.
Хорошо, что снегопад –
Будет дело для ребят!

Ёлочка

За деревней вниз, где речка,
Где на горку лезет лес,
С краю выросла как свечка
Ёлка ростом до небес.
Не сломали её ветры,
Не срубил её мужик,
В рост пошла уже на метры
И не гнётся, не дрожит!
Эта ёлочка на склоне,
И стройна, и хороша!
Вьюга стелется в поклоне,
Ветки снегом пороша.

Ксюша учится считать

Раз, два, три, четыре, пять…
Ксюша учится считать.
Когда маме помогает,
Всё подряд она считает:
«Вот кастрюля – это раз.
Два – конечно, белый таз.
А тарелок – только три.
Я помыла. Посмотри!
А у всех столов в квартире
Ножек ровно по четыре.
Чашек – пять; а вот чем есть:
Восемь вилок, ложек – шесть.
Я рисую мастерски.
Семь цветов – фломастеры.
Девять – будет мой альбом.
Десять – что-нибудь потом,
Просто очень я устала,
Пока маме помогала!
Я пойду теперь играть.
Может, кукол посчитать?
Вот собака – это раз,
А щеночек – это два,
Барби – три, четыре – кот
В шапке задом наперёд.
Пять и шесть – картинки
Сложены в корзинке.
Там коляска – это семь.
Фу, замучилась совсем!
Восемь – вот, тарелочка.
Девять – это белочка,
Десять – мячик и кольцо,
Ещё маска на лицо…
Лучше третий раз на дню
Посчитаю-ка родню!
Один – папа, мама – два,
Тройка – это я сама.
Так, четвёртый – это дед,
Ему бабушки вослед.
Они будут пять и шесть;
Ещё брат с сестрою есть.
Ох, устала я считать!
Мне же лет-то только пять!»

Наталья Чугришина

г. Москва

Дебют

Вдоль дорожного бетона
Шла московская ворона.
Её дружно окликая,
Каркала подружек стая:
«Ну-ка задержись, соседка,
Видимся мы очень редко.
Стала ты гнушаться так
Посещать мусорный бак.
И давно мы не болтали
Возле тепломагистрали.
Ходишь, вздёрнув клюв, молчком,
Держишься особнячком».
Им чванливая на это
Барским изрекла акцентом:
«Я – не глупая ворона,
А культурная персона!
Дружба с вами не по мне,
Стану белой я к весне.
Что в унынье безотрадном
Сплетничать с вороньим стадом?
Мой полёт другой, особый!
У меня в Ленкоме пробы.
Как наскучит мёрзнуть тут,
Прилетайте на дебют».
Она шла, хвостом виляя,
Обществом пренебрегая.
С пафосом в последней фразе
Улетела к теплотрассе.
И у мусорного бака,
Поклевав поживы всякой,
Согревалась, спрыгнув наземь,
В мире собственных фантазий.

Неувязочка

На дворе, возле катка,
лепим мы снеговика.
Чтоб слепить его, увы,
нужно нам три головы.
Вместо глаз возьмём монетки,
вместо носа – баклажан,
Ветхое ведро и ветки.
Вот из снега истукан!
Мы до вечера играли,
а потом домой сбежали.
Но весёлый снеговик
жить со скукой не привык.
И когда совсем стемнело,
на катке сплясать хотел он.
Повертелся, покрутился,
покачнулся и свалился.
Укатились две монетки,
оторвались руки-ветки,
Баклажан торчит в снегу,
ведро катится по льду.
На катке лежат, увы,
три разбитых головы…
В этом мы виновны сами:
не слепили ног с коньками!

Что за зверь?

Зверь живёт у нас лохматый,
Ник-малышка, но, ребята,
Шалостей его не счесть.
Я гадаю: кто он есть?
Если укусил от скуки,
Значит, Ники – лохмозлюка,
Если не слезает с рук,
Значит, верный лохмодруг.
Если дремлет на подушке –
Он, конечно, лохмодушка.
Через годы, может, в среду,
Станет старым лохмодедом!
А пока он мясожмот,
Тапкогрыз, подомуброд.
И хотя совсем малютка –
Лает просто раздражутко.
Он так ласково скулит,
Если вкуснобед манит.
Скачет, будто горный козлик,
Роет, словно крольчикос,
Спит весь день, как милый котик,
Котокозлокролепёс.

Международный детский литературный клуб «Озарёнок»

Страницу ведёт Н. П. Гаврикова, руководитель МДЛК «Озарёнок»

У каждого человека в жизни своя школа. А для тех, кто прошёл школу военных действий или службу в армии и давал присягу служить Родине, праздник 23 февраля – особенный. И хотя День защитника Отечества отмечается всего раз в году, мужество, отвага, сила воли нужны человеку ежедневно для подтверждения своего статуса Настоящего Мужчины. Ведь каждый день ему приходится заботиться о своей маленькой родине – своей семье, быть для неё незыблемой опорой и подмогой. Желаем участникам клуба сил и здоровья!

Всероссийский поэтический конкурс «Новогодний СТИХПАРАД». Лучшие работы

Гран-при
Анастасия Нестерова

10 «А» класс, МБОУ Лицей № 5 Кировского района, г. Уфа; руководитель Н. П. Гаврикова

Рыцарь

Искристый снег скрипит на поле
От натиска лихих коней;
Кто чувством безнадёжно болен –
Спешит к возлюбленной своей.
Затворены немые ставни,
Никто навстречу не бежит:
Расторгнут уговор их давний,
И свадебный венец забыт.
Едва живой, почти убитый,
На тройке славной мчится он.
Природа лёд кладёт, как плиты,
Насильно погружает в сон.
А ей не спится. Вьюга злится.
И мысли кружат в голове:
«Ах, что с ним? Где теперь мой рыцарь?
Ужели получу привет?
Не быть тому, я знаю точно!
Отец мне не позволит вновь
В беседке тихой лунной ночью
Играть в романы про любовь».
За окнами бушует ветер,
Как раненый стенает зверь;
Лампадка тускло в доме светит,
Пока пурга скребётся в дверь.
Хлопочут поутру лакеи,
Она в тулупе на плечо,
От страха липкого робея,
Сквозь сени по двору течёт.
Её встречает верный рыцарь
И прихотей её слуга
Со льдом на сомкнутых ресницах,
В кольчуге зимней навсегда.
Она не хочет видеть лица,
Ни есть, ни пить, открыть ворот –
Просватанный приходит рыцарь,
Но он её уж не спасёт.

1–2-е классы

1-е место
Михаил Лысенко

1 «Б» класс, БОУ СМР «ООШ № 10», г. Сокол; руководитель М. Г. Окуличева

***

Солнце светит ярко,
И снежок искрится.
Дед Мороз с подарком
В дверь ко мне стучится.

2-е место
Михаил Абрамов
1 «А» класс, СМР БОУ «ООШ № 10», г. Сокол; руководители Л. Н. Афанасьева, М. Г. Окуличева

***

Зимушка-зима в гости к нам пришла,
Снегом замела, стужу принесла.
Дед Мороз идёт, подарочки несёт,
Всем мальчишкам и девчонкам раздаёт!

3-е место
Елена Вологжанина
2 «Б» класс, БОУ СМР СОШ № 3, г. Сокол; руководители Л. Н. Афанасьева, М. Г. Окуличева

***

С горки вихрем мчит состав,
Даже щёки мёрзнут,
Расцепились руки вдруг,
«Поезд» перевёрнут.

3-е место
Ольга Вологжанина

***

Зимушка-зима
Радость принесла,
Лыжи и коньки
И игру в снежки.

3–4-е классы

1-е место
Дарья Андинь
4 класс, МБОУ СОШ, с. Стегаловка, Липецкая обл.; руководитель Л. М. Родионова

***

Детвора в снежки играет,
Бабу снежную катает.
Это значит, к нам сама
В гости матушка-зима.
Всё она запорошила,
Заморозить всех решила.
А деревья нарядила:
Шубки белые им сшила.
Много снега намело.
Всё красиво и бело!

2-е место
Елизавета Кряквина
3 «Г» класс, СМР БОУ «СОШ № 1», г. Сокол; руководители Л. Н. Афанасьева, М. Г. Окуличева

***

Тихо падает снежок.
Мы идём все на каток!
Будем бегать и играть,
Вместе Новый год встречать!
Скоро Дед Мороз придёт,
Нам подарки принесёт!
Исполняет он мечты!
Дед Мороз, ну где же ты?

3-е место
Ян Афанасьев
3 класс, СМР БОУ «СОШ № 9», г. Сокол; руководитель М. Г. Окуличева

***

Вот и зимушка пришла
И забавы принесла.
Возьмём-ка мы за дужку
Надутую ватрушку
И поспешим на горку,
По ней промчимся бойко.
С горы крутой
Летим стрелой!
Опять зима
Пришла в дома!

5–7-е классы

1-е место
Анна Лоева

6 класс, МБОУ лингвистическая гимназия № 6, г. Пенза; руководитель Н. П. Гаврикова

Шуточные куплеты для похода

***

Только встретив Новый год,
Сразу мы пошли в поход,
Эх, вернуться б из похода
Нам до следующего года!

***

Мы в лесу после обеда
Встретили Мороза Деда.
Он, бедняга, заплутал
И Снегурку потерял!

***

Мы Снегурочку найдём,
Дед Морозу приведём,
И дадим ему ГЛОНАСС,
Не терялся чтоб без нас!

***

Мы рубить не будем ёлку,
Что добро губить без толку?
Мы в лесу её нарядим,
Новый год отметить сядем!

2-е место
Ксения Соловьёва

5 «Б» класс, СМР БОУ «ООШ № 10», г. Сокол; руководители Л. Н. Афанасьева, М. Г. Окуличева

***

Белым полотном укрыта вся земля.
Птицы улетели в дальние края.
А снежинки тают на моей руке.
Замело дорожки в детском городке.

3-е место
Екатерина Пеганова

5 «Б» класс, СМР БОУ «ООШ № 10», г. Сокол; руководители Л. Н. Афанасьева, М. Г. Окуличева

***

А вот и зима
К нам в гости пришла!

На улице белым-бело,
И все дороги замело!
Завял и мой любимый сад,
Опять пурга и снегопад!

У ёлочки только волшебный наряд,
На празднике будет она у ребят!

Интервью с Людмилой Афанасьевой

В преддверии женского праздника хочется познакомить читателей журнала с прекрасным человеком, опытным преподавателем, одним из руководителей МДЛК «Озарёнок» г. Сокол – Людмилой Николаевной Афанасьевой.

– Людмила Николаевна, добрый день! Мы с Вами познакомились в техникуме много лет назад: Вы были преподавателем литературы, а я студенткой 1-го курса. Разрешите задать Вам несколько вопросов?

– Добрый день! Да, пожалуйста.

– Когда Вы решили стать учителем? Каков Ваш текущий стаж?

– Моя мама была для меня непререкаемым авторитетом – педагог от Бога, она преподавала русский язык и литературу, поэтому вопрос выбора профессии для меня не стоял и где-то к восьмому классу я уже не сомневалась, каким делом буду заниматься. После института работала в общеобразовательной школе, а спустя девять лет перешла на преподавание в Сокольский ЛПТ и почти 33 года отдала этому учебному заведению.

– Вы помните свой первый урок?

– Мой первый урок... Было лёгкое волнение, но дети вели себя вполне дружелюбно. Это был 4-й класс, в котором мне дали и классное руководство. Мы с детьми как-то сразу подружились. Помню их всех по именам и фамилиям до сих пор. А когда с кем-либо встречаемся в городе, с удивительной взаимной теплотой вспоминаем нашу школьную жизнь.

– Что самое интересное в Вашей профессии?

– Ф. И. Тютчев написал: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовётся...» Я люблю язык и литературу, они формируют нравственные основы личности; очень радует, когда удаётся привить любовь к моим предметам, когда ребята начинают творчески к ним подходить, когда рождается не только взаимное уважение, но и доверие. Ты воспитываешь их и сам у них учишься. Это дорогого стоит. Если нравственные истины, которые юный человек берёт с собой с урока в жизнь, становятся для него важными и необходимыми, это самая высокая оценка твоего труда. Я горжусь выпускниками, которые после окончания учебного заведения связали свою жизнь с литературой, книгой или стали тоже педагогами. Надеюсь, что в этом немножко виновата и я.

– Насколько Ваша профессия полезна и важна для нашей страны, как считаете?

– Профессия архиважна, но в силу определённых причин недооценивается в наше сложное время, когда многие нравственные ценности девальвируются.

– Сейчас много говорят о домашнем обучении. Ваше отношение к этому?

– Домашнее обучение – вещь нужная и полезная, но ребёнок должен социализироваться, научиться общаться с людьми. Поэтому не стоит зацикливаться только на домашнем обучении.

– Кому бы Вы порекомендовали свою профессию?

– В педагогический вуз должны идти творческие люди, которые любят заниматься с детьми, любят книгу, верят в силу знания.

– Сколько у Вас было учеников за весь период работы?

– О! Очень много! Каждый третий, а может, и второй человек в нашем городе и не только.

– Что бы Вы пожелали нашим участникам клуба «Озарёнок»?

– Любите хорошие книги, особенно стихи, учитесь у всех, но не подражайте никому, будьте внимательными к людям и миру, доброжелательны и очень трудолюбивы. Если у вас есть твёрдое и горячее желание писать, связать свою жизнь с творчеством, вы будете успешными. Я в это верю!

– Искренне благодарю Вас за доброе отношение к делу в качестве руководителя клуба.

– Спасибо, всего доброго!

Интервью взяла Нина Гаврикова

Грант издательства «Союз писателей»

Отбор на конкурсной основе!

Рассматривается художественная проза: фэнтези, фантастика, детективы, романы и повести, сборники рассказов, произведения для детей.

Произведения свыше 300 стр. рассматриваются в разделении на части. Общий объём книги, утверждённой в программе, не может превышать 500 стр.

Что составляет грант

- Финансирование издательством изготовления тиража книги от 1000 экземпляров.
- Художественная вёрстка – подготовка к печати.
- Уникальный дизайн обложки.
- Присвоение ISBN с отправкой обязательных экземпляров в Российскую книжную палату.
- Размещение книг в розничные и интернет-магазины.
- 5 авторских экземпляров книг.
- Диплом Лауреата программы.
- Блокнот с рекламой книги.
- Включение изданной книги в каталог «Современная литература».
- Пиар-компания книги в СМИ.
- Представление книги на конкурсы и премии.

Нас не интересуют

- Ненормативная лексика.
- Сцены насилия и порнографии.
- Нетрадиционная сексуальная ориентация.
- Политические, религиозные памфлеты.
- Оккультные, «пророческие» и «околонаучные» книги.
- Книги, изданные в других издательствах.
- Готовые макеты.
- В качестве иллюстраций к книгам не принимаются картинки из Интернета, «свои» обложки и рисунки.

Что оплачивается автором

- Регистрационный взнос за рассмотрение рукописи – 3000 руб.
- Работа редактора.
- Корректорская правка.
- Работа художника по внутреннему оформлению книги.
- Почтовая или транспортная отправка авторского тиража книг.

Решение вынесено – грант получен!

- Рукопись принимается в издательство для дальнейшей работы.
- С автором заключается договор на издание книги.
- Сначала с ней работает редактор, потом корректор, затем к работе приступают дизайнер и верстальщик.
- Автор следит за процессом создания книги через издательскую систему Bitrix24.
- После утверждения макета в печать книга поступает в типографию.
- А дальше тираж распределяется: автору, в Российскую книжную палату и в магазины.
- Автор получает гонорар с продаж.

Порядок приёма заявок

- Рукопись отправляется с формой заявки на электронный адрес litagent@soyuz-pisatelei.ru.
- Срок рассмотрения заявки до 7 рабочих дней.
- После получения заявки автору высылается счёт на оплату взноса.
- Сроки работы рецензента зависят от объёма книги – от двух недель до двух месяцев. Рецензент может вынести несколько решений: «Отклонено», «В доработку», «Принято к изданию».
- В течение двух месяцев после вынесения решения автор может прислать рукопись, переработанную в соответствии с полученными рекомендациями.
- Взнос за повторное рецензирование не взимается. Допускается одно повторное рассмотрение.

Заявка на участие в программе «Новые имена современной литературы» заполняется на странице soyuz-pisatelei.ru/index/0-166

Мы ищем авторов, которые чётко знают, чего хотят достичь в литературе, и готовы изо дня в день неустанно работать над своими творениями. Если понимаешь, что результат твоей работы зависит только от тебя самого, – ты получишь свой грант! Ведь до тебя это уже смогли сделать другие!

Заявка на участие в журнале «Союз писателей»

Проект ведётся по принципу самофинансирования, участие подразумевает оплату за занимаемый объём из расчёта 300 руб. / страница прозы; 500 руб. / страница поэзии.

Максимальный возможный объём публикации в одном выпуске – 10 страниц. Возможна публикация больших произведений с продолжением в следующих номерах.

Биографии авторов в журнале не публикуются.

Оплата заказанных экземпляров только предварительная. Стоимость 1 экз. – 300 рублей + почтовые расходы. Приём работ – по графику.

Заполните анкету, вырежьте страницу и отправьте по почте: 654079, г. Новокузнецк, Кемеровская область, а/я 170. Издательство «Союз писателей».

Ф. И. О. (и псевдоним автора):

_____

_____

_____

Полный почтовый адрес:

_____

_____

_____

_____

_____

_____

Номер телефона:

_____

Кол-во экземпляров журнала:

_____

Кол-во предполагаемых страниц для участия:

_____

Удобный способ оплаты (подчеркнуть нужное): Почтовый перевод / На расчётный счёт / VISA / Электронные деньги (Robokassa)

Ваш координатор:

_____

Подавая заявку в журнал, я соглашаюсь с условиями публикации.

Дата _____

Подпись _____

Союз писателей
издательство

Наши услуги

Полный цикл издательских работ:

- профессиональная вёрстка;
- корректорская и редакторская правка текстов;
- индивидуальное художественное оформление;
- присвоение ISBN и библиотечных кодов;
- изготовление книг на собственном оборудовании;
- издание электронных книг в различных форматах.

Продвижение и помощь в реализации:

- написание рецензий, отзывов, статей;
- информационная поддержка в периодических изданиях;
- возможность размещения на интернет-ресурсах издательства и партнёров;
- реализация в розничных книжных магазинах.

Программы Литературного агентства «Новые имена»:

- «Новые имена современной литературы»
- «Персональный литагент для поэтов»

Кроме того:

- сезонные и индивидуальные скидки;
- VIP-клуб литераторов;
- создание мультфильмов по вашим произведениям;
- конкурсы.

И ещё...

Издательство «Союз писателей» с радостью примет и опубликует на своих площадках ваши:

- отзывы о журнале и книгах;
- рецензии на книги или материалы журнала;
- фото с книжной продукцией издательства;
- новости о мероприятиях и достижениях.

Если у вас есть чем с нами поделиться – присылайте письма на электронный или почтовый адрес редакции.

планета книг

#КНИГА
Интернет-магазин современной литературы

На полках наших магазинов «Планета книг» и «#Книга» более 1000 изданий.

planeta-knig.ru | knigi-market.ru

#КНИГА

Интернет-магазин
современной литературы

knigi-market.ru

ISSN 2224-0756

Журнал в социальных сетях

/journal_sp /journalsp